

ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Нам хорошо живется

Музыка
Матвея БЛАНТЕРА.

Слова
С. МИХАЛКОВА.

1

Кто там говорит, что в жизни смысла нет?!
Что рухнет белый свет от атомных ракет?!
Юность боевую запугать нельзя!
Душой и сердцем молоды и ты, и он, и я!

Припев:
Нам хорошо живется!
Радостно и весело поется!
В самом деле,
Нам открыты
Все пути к желанной цели!
Нам хорошо живется!
С этим согласиться всем придется!
Мы твердо знаем, и знают все,
Чего мы ждем, чего хотим, куда идем!

2

Скептики с неверием на нас глядят
И видеть не хотят, что нет для нас преград.
Нас на свете много — мы одна семья!
Одной мечтою движимы и ты, и он, и я!

Припев.

3

К звездам смелый кролик совершил полет.
Он новых рейсов ждет, он требует высот!
Как же нам сегодня не дерзать, друзья,
Мы тоже в путь готовимся — и ты, и он, и я!

Припев.

На первой и последней страницах обложки: Участницы VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене: трио бандуристок Украинской республиканской эстрады: Элеонора Пилипенко, Валентина Пархоменко, Людмила Лисаковская; солистки балета Большого театра СССР Екатерина Максимова (слева) и Елена Рябинкина.

Фото Е. Умнова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 31 (1676)

26 ИЮЛЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРДЕЧНЫЕ ОБЪЯТИЯ БРАТСКИХ НАРОДОВ

Дочь шахтера Дануся Галаш и ее маленькие друзья преподнесли товарищам Н. С. Хрущеву и В. Гомулке букеты цветов.

Задолго до начала митинга польско-советской дружбы в Катовице на площадь имени Дзержинского пришел старик с мальчиком. Черный китель, украшенный рядом блестящих пуговиц и кистями на плечах, круглая шапка с султаном красных перьев и золотой эмблемой горняков говорили о том, что старик — шахтер, ибо именно такую форму носят силезские углекопы по праздникам и торжественным дням. Он встал у самой трибуны, сооружен-

Митинг на привокзальной площади в Катовице.

ной в центре площади по случаю митинга. Здесь радиотехники устанавливали микрофоны, протягивали провода.

— Что, пан, так рано пришел? — спросил молодой радиотехник в синей рубахе.— Митинг еще не скоро.

— Хочу занять хорошее место,— ответил старик.

— Места много! — Радиотехник показал на просторную площадь.

С домов свисали огромные алые полотнища, флаги Советского Союза, Польской Республики, транспаранты, лозунги на польском и русском языках, гирлянды цветов.

Встреча в Познани.

— У нас в Забже тоже много места. А когда проезжали делегаты и все от мала до велика высыпали на улицы их приветствовать, то мы с внуком никак не могли пробиться вперед.

— Так вы не из Катовице?

— Приехал из Забже. Там на шахте работаю.

— Это далековато.

— Для такого дела недалеко. Вот и внука взял с собой.— Старик кивнул на мальчика, у которого в руках был букет красных гвоздик.— Цветы он еще вчера приготовил, но не смог добросить до машины, когда проезжали гости. Очень много людей было. А сегодня мы обязательно букет передадим, и я хочу слово сказать.

— Какое слово?

Шахтер из Забже Войтех Крамарский выпрямился и произнес торжественно, будто выступал на митинге:

— Во время войны, когда здесь шли бои, у меня в доме лежал раненый русский солдат, он пролил кровь за нашу землю, за нашу свободу. У нас с советскими людьми кровное братство и дружба от сердца к сердцу. Вот я и хочу сказать: «Нех жие из века в век великая наша дружба, и никто не посмеет ее нарушить! Поклон дорогим друзьям от чистого шахтерского сердца». А Сташек кинет цветы товарищу Хрущеву — как от шахтеров шахтеру, ведь он наш, рабочий человек!

Когда начался митинг, я потерял из виду шахтера Крамарского. Просто немыслимо было отыскать его среди бесконечных тысяч людей, запрудивших огромную площадь. Многие из них были в парадной шахтерской форме, у многих уселись дети на плечах, и почти все, кто стоял на площади, держали в руках букеты цветов. Появление на трибуне товарищей Хрущева и Гомулки, членов советской делегации вызвало бурю приветствий. Тысячи голосов повторяли слова о вечной дружбе и братстве, и голос силезского шахтера слился с ними в едином хоре. На трибуну посыпался дождь цветов, а те, кому не удалось проникнуть на обширную площадь, заполнили прилегающие улицы. Там были установлены телевизоры, и люди, глядя на экран, скандировали приветственные лозунги.

Сухие протокольные слова «официальный визит» совершенно не подходят к тому, что видел народ в городах, селах, на дорогах Польской Народной Республики в дни пребывания здесь партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Н. С. Хрущевым. Сердечность, задушевность, теплота, братская любовь — вот что характеризует встречу Н. С. Хрущева и других советских гостей с трудящимися новой Польши.

Накануне митинга в Катовице делегация совершила большую поездку по Силезской промышленной области. Путешествие началось прямо от Катовицкого вокзала. Здесь гостей приветствовал первый секретарь Катовицкого воеводского комитета Польской объединенной рабочей партии тов. Э. Герек. С ответным словом выступил А. И. Гаевой. Затем к микрофону подошел Н. С. Хрущев. Он не произносил речи в обычном смысле этого слова. Он запросто, по-дружески беседовал с тысячами трудящихся Катовице, пришедших встречать гостей из Советского Союза.

— Я был в вашем городе в годы войны в ка-

Н. С. Хрущев выступает перед коллективом рабочих в Нивке.

В дороге гости остановились на кукурузном поле государственного хозяйства «Манечки».

честве члена Военного совета Первого Украинского фронта,— говорил Никита Сергеевич.— Поэтому мне особенно приятно побывать здесь снова, увидеть те большие перемены, которые произошли за годы народной власти... Здесь я почувствовал запах уголька и вспомнил времена своей юности, когда я работал в шахте. Этот запах уголька для шахтера дороже всякого аромата.

Взрыв рукоплесканий и приветственных возгласов покрывает эти слова главы советской делегации. Машины с гостями идут мимо терриконов и копров шахт, мимо больших заводов. В первой открытой машине едут товарищи Хрущев и Гомулка. Они стоя приветствуют славный рабочий класс Силезии. Многие тысячи людей шпалерами стоят вдоль дороги, отовсюду несутся приветственные возгласы, сыплются цветы. Машины с трудом продвигаются в узком коридоре между толпами людей. То и дело их приходится останавливать. Отовсюду тянутся руки. Вот какая-то женщина протягивает Н. С. Хрущеву вышивку.

— На память, на дружбу! — кричит она.

Рабочий в шахтерской форме протягивает резную шкатулку, дети — какой-то альбом. Кто-то передает шахтерскую лампочку, модель вагонетки. И так на всем 120-километровом пути.

Около пяти часов продолжалась эта поездка. Ни на секунду не утихал гул приветствий. Люди стояли на фермах подъемных кранов, на крышах зданий, вагонов. Гудки заводов, шахт, паровозов все время сопутствовали поездке, как могучий, торжественный трудовой салют.

Во дворе шахты «Моджеюв» в Нивке гостей встретили старейшие, заслуженные горняки и их дети. Директор шахты зачитывает грамоту о присвоении Н. С. Хрущеву звания почетного шахтера. Главе делегации подносят парадный шахтерский костюм, обушок и лампочку. Н. С. Хрущев надевает парадную шахтерскую шапку с перьями, и все собравшиеся во дворе дружно поют традиционную заздравную польскую песенку «Сто лят»...

Искренние чувства братской дружбы ярко демонстрировались всюду, где пролегал путь посланцев Советского Союза. С новой силой они вспыхнули на реке Одре, в древнем Щецине. Эта древняя польская земля, насильственно отторгнутая германским империализмом, воссоединена с родиной благодаря совместной борьбе Советской Армии и Войска Польского. Щецин называют большим городом молодых, ибо молодежь составляет бо́льшую часть населения. Юноши и девушки прибыли сюда со всех концов страны, чтобы восстановить древний город, возродить старую землю. Щецин, сильно разрушенный во время войны, ныне уже производит продукции больше, чем когда-либо раньше.

Почти все жители города высыпали на центральные улицы. Горячие, молодые приветствия слышны отовсюду: «Да здравствует нерушимая польско-советская дружба!», «Да здравствует граница по Одре — Нисе — граница мира и дружбы!»

Члены партийно-правительственной делегации в сопровождении товарищей В. Гомулки, Ю. Циранкевича, А. Рапацкого, М. Спыхальского отправляются осматривать Щецинский порт. Военный корабль медленно движется по гавани, в которой стоят суда из многих стран. Пароходы приветствуют гостей гудками. В тот же день в Щецине состоялась торжественная сессия городского народного совета, на которой Н. С. Хрущеву было присвоено звание почетного гражданина Щецина. Здесь же ему была вручена медаль щецинской земли «Золотой гриф».

На следующий день делегаты выехали в сельскохозяйственную Познанскую область. Здесь Н. С. Хрущев и В. Гомулка побывали в сельскохозяйственном производственном кооперативе «Плавце». Крестьяне Познанского воеводства преподнесли гостям хлеб-соль.

20 июля глава советской делегации Н. С. Хрущев и В. Гомулка посетили город Жешув. На следующий день советские гости приняли участие в торжественном заседании в Варшаве, посвященном великому национальному празднику польского народа — 15-летию со дня провозглашения в стране народной власти.

В Варшаве состоялись переговоры между партийно-правительственной делегацией Советского Союза и руководством Польской объединенной рабочей партии. Они происходили в сердечной и дружественной обстановке и выявили полное единство взглядов обеих сторон.

Пребывание советской партийно-правительственной делегации в Польской Народной Республике вылилось в яркую демонстрацию советско-польской дружбы, демонстрацию единства двух братских народов.

Н. ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

На военном тральщике в Щецинской гавани. Польские моряки встречают главу советской делегации.

Советская делегация совершила поездку на корабле и осмотрела порт Щецин.

Тюремная машина у здания военного трибунала Афин. Выводят Манолиса Глезоса.

На время заседаний с подсудимых снимают наручники.

«СВОБОДУ ГЛЕЗОСУ!» — ТРЕБУЕТ ГРЕЦИЯ

Кровавую комедию «правосудия» разыграла асфалия — греческая охранка, пытаясь обвинить национального героя Эллады Манолиса Глезоса и других патриотов-демократов в «шпионаже», «измене» и прочих вымышленных преступлениях.

Сводная сестра Манолиса Глезоса Василика и ее муж рассказали суду правду о том, как асфалия с помощью грубой силы и шантажа вырвала у них в момент слабости «признание».

Все было поставлено на ноги: подкупались лжесвидетели, насильно у честных людей вырывались «признания». В зал были согнаны переодетые полицейские, инсценирующие чувства «публики». Один из них даже неосмотрительно спросил сидящего рядом журналиста: «Вы тоже полицейский?»

Но тщетно! Одна за другой лопнули фальшивки, а обвиняемые превратились в обвинителей, в гневных речах обличая тюремный режим в стране, клевету на Коммунистическую партию Греции.

Вместе со всем миром Греция требовала: «Свободу рыцарю Акрополя и другим патриотам!»

Поняв, что ни запугивания председателя трибунала, полковника Полихронопулоса, ни окрики королевского прокурора Скордаса не возымели действия и правда все громче и громче звучит в мире, перепуганная охранка решила поскорее учинить расправу над «обвиняемыми». Но еще громче прокатился по стране гневный голос возмущения греческого народа позорным судилищем.

Греция требует: «Свободу национальному герою!»

Н. БРАГИН

Афины.

Вы видите, как выходит из себя председатель военного трибунала полковник Полихронопулос, когда даже ему становится ясно, что этот процесс не принес ему лавров.

Нельзя молчать!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Как американка, я чувствую себя обязанной написать это письмо, чтобы выразить свое негодование по поводу опубликованной на днях декларации президента Соединенных Штатов. Этой декларацией в США вводится ежегодная «Неделя порабощенных стран», под которыми, по выражению президента, следует понимать «страны, находящиеся под господством коммунизма».

Этот жест президента представляется мне неслыханным с точки зрения норм международного права и крайне неприличным с точки зрения простейших человеческих норм. Я считаю, что президент и реакционные элементы конгресса моей страны этим выступлением запятнали в глазах всего мира и свое высокое положение и доброе имя американского народа. Я могу лишь категорически заявить, что огромное большинство моих соотечественников-американцев присоединилось бы, если бы они были в состоянии это сделать, ко мне, чтобы принести свои искренние извинения за этот позорный шаг.

Этот провокационный вызов брошен в дни совещания министров иностранных дел в Женеве, в дни советской выставки в США и американской выставки в Москве. Для американского народа, как и для всех других народов, этот вызов прозвучит как оскорбление их священного стремления к миру.

В конце документа сказано, что он подписан «в год 1959-й от рождества Христова и в 184-й независимости Соединенных Штатов». Что же происходило 184 года назад? Наши американские предки вели долгую и кровавую войну, чтобы сбросить иго британского господства и утвердить независимость своей родины. Нынешнее заявление президента — это попрание принципов, которые руководили нашими праотцами, издевательство над сутью и смыслом одного из самых славных периодов американской истории.

В нарушение духа и положений конституции Соединенных Штатов в декларации президента открыто объявляется, что американское правительство намерено вмешиваться любыми способами в дела других наций. Прежде чем совершить такой шаг, правящим кругам США следовало бы посмотреть на север, на юг, на восток и на запад от собственных границ, через океаны и континенты и задуматься над печальными для американской нации результатами своей политики.

В американском народе нельзя найти той ненависти к социалистическому миру, которую правители так упорно хотят ему привить. Наоборот, социалистические страны вызывают у американцев острый интерес, желание соревноваться. Американцы хотят жить в мире с этими странами. И вот после визита Ф. Козлова, как это было и после визита А. Микояна, американский народ подвергается огневому налету пропаганды ненависти! Те, кто ведет эту пропаганду, хорошо знают, что впечатление, произведенное русскими лидерами, запало очень глубоко, и американцы, тронутые их простотой, дружелюбием и искренним интересом к жизни американцев, считают их послами мирного сосуществования. Деловые люди и рабочие одинаково встречали их с чрезвычайной сердечностью, так же как всех русских, приезжающих в США группами и в одиночку. Народ США не так легко ввести в заблуждение фальшивыми, истерическими декларациями, призывающими к подрывной деятельности. Мои добрые сограждане-американцы не любят запаха провокаций, диктуемых сверху. Они не предпримут враждебных действий против народов, с которыми вместе недавно выиграли самую страшную войну против общего врага. Мне кажется, что американцы скорее подумают о том, почему «порабощенные» нации не знают больше безработицы, в то время как миллионы людей в США не имеют работы, а всю страну охватила сегодня забастовка рабочих металлургической промышленности. Каждый американец задумается обо всем этом и поразмыслит: что же понимают президент и конгресс под «рабством» и «освобождением»?

Разве это «порабощение», скажет себе американец,— входить в семью социалистических государств, где каждая нация вносит свой вклад в общее дело, которое является одновременно и ее собственным делом? Разве это «порабощение» — поддерживать свое правительство, которое не хочет войны и не строит экономику на гонке вооружений? Разве это «порабощение» — не знать ужасов безработицы, иметь возможность бесплатно учить детей и получать безвозмездно медицинскую помощь? Разве это «порабощение»— жить в хорошем доме или знать наверняка, что скоро получишь хорошее жилье за очень невысокую плату? Разве это «порабощение» — достигать все новых успехов в науке, самых замечательных для нашей эры? Разве это «порабощение» — иметь право любить мир и бороться за мир для всего человечества?

Если это — «порабощение», то что же тогда свобода? На удивительном языке правящих кругов США свобода — это, видимо, гнетущие американца мысли о нависающей атомной войне, повседневная боязнь потерять работу и заработок? Или страх перед наступающей старостью, перед болезнью, которая сразу может разрушить бюджет целой семьи? Или свобода — это 20 миллионов американских негров и других «цветных», низведенных до положения париев и каждую минуту ждущих смерти от руки линчевателя? Или, может быть, ощущение свободы несет с собой для американца покупка автомобиля, холодильника или дома, которые у него могут отобрать в любое время, если безработица или болезнь опустошат внезапно его карман? Или, может быть, свобода — это обращение правительства Соединенных Штатов с десятками стран, наводняемых американскими войсками и советниками, скупаемых оптом со всеми их богатствами и правительствами и опутываемых цепями «атомного сотрудничества»?

Декларации американских «освободителей» не находят слушателей в социалистических странах. Я два года прожила в «порабощенной», по терминологии президента Эйзенхауэра, стране — Чехословакии, я побывала и в других социалистических странах, в том числе в Германской Демократической Республике. Я вела там долгие беседы с многими людьми разных общественных слоев и профессий.

Недавно, будучи в Лейпциге, я спросила профессора д-ра Кукофа, специалиста по вопросам театра, как ему живется в условиях социалистического строя. Он внимательно посмотрел на меня и ответил, отчеканивая каждое слово:

— Я немец. Имеете ли вы, американцы, представление, что такое была наша жизнь при Гитлере? Тогда было для нас три пути: погибнуть в концентрационном лагере, либо на войне, либо от бомбежки. А уж что касается ума и сердца, то они у тебя были застывшие, как лед, либо вовсе мертвые. Можно ли после этого спрашивать у мыслящего немца, как ему живется при социализме?

В Чехословакии у меня есть друг, молодая женщина по имени Индра Гашек. Она работает в одной большой газете в Праге. Индра часто рассказывала мне о том, как их семья жила в довоенной Чехословакии — в те годы, когда отец ее был рабочим на заводе Шкода в Пльзене. Она подробно описывала их тогдашнее жилье, и это описание вполне совпадало с официальным отчетом Организации Объединенных Наций, который я когда-то читала. По этому отчету, жилищные условия в предвоенной Чехословакии были «самыми худшими в Западной Европе».

— Моя мать почти ослепла: ей приходилось шить в полутемной комнате. Ни воды, ни отопления, ни электрического света. Отец на моей памяти в общей сложности был безработным около пяти лет...

Я поинтересовалась, что произошло с ее семьей во время войны.

— Отца замучили в Бухенвальде,— ответила она.— Брата Вацлава сначала угнали на работу в Германию, потом он вернулся в Пльзень. Он яростно ненавидел нацистов, как и все чехи...

Я узнала из рассказа Индры, что брат ее Вацлав был расстрелян нацистами, расстрелян просто в числе десяти других, случайно отобранных чехов, как заложник. После освобождения она с матерью переехала в Прагу. Мать теперь получает пенсию; они живут в маленькой светлой и удобной квартирке с хорошо оборудованной кухней, ванной комнатой.

Я не спросила Индру, не чувствует ли она себя «порабощенной». Я просто не решилась, но заранее знала ответ. Еще раньше Индра сказала мне, что чехи, наверное, поголовно взялись бы за оружие, если бы им грозило возвращение капиталистических порядков.

Я, конечно, не решилась бы задать какому-либо русскому вопрос о том, каково его мнение насчет «освобождения» его от «рабства» Соединенными Штатами. Этот человек, наверно, проводил бы меня в ближайшую больницу для умалишенных. Всякий, кто хоть сколько-нибудь учился грамоте, знает, какие страшные потери понес в войне Советский Союз, треть территории которого была разорена и превращена в пепел нацистскими «освободителями Европы». Я сейчас в Советском Союзе, в Москве, и вижу, какие огромные перемены к лучшему происходят здесь во всем.

Мне очень хотелось бы, чтобы как можно больше моих сограждан-американцев могли своими глазами увидеть жизнь социалистических стран. Они еще яснее почувствовали бы, как бессмысленны и опасны те мысли и действия, которые навязывают им их правители в последнем заявлении президента США. Впрочем, я убеждена, что они, мои соотечественники, и без того хорошо понимают суть и природу этой провокации. Они не могут не чувствовать, что это бомба замедленного действия, заложенная под Женевское совещание министров в канун намечающегося совещания в верхах; что она предназначена расколоть еще глубже мир на враждующие лагери, сделать невозможным мирное сосуществование народов.

О, я убеждена, что американский народ способен справиться с подобными бомбами из арсенала «холодной войны»! Американцы— люди, знакомые с техникой, и они смогут обезвредить и эту бомбу. Они сделают это, движимые искренним стремлением к миру, к дружбе и сотрудничеству с народами социалистических стран. Их ответом на вызывающее заявление, сделанное в Вашингтоне, будет еще большее желание добиваться мира на земле для себя самих и для подрастающих поколений.

Марта ДОДД,
американская писательница

Владимир Сергеевич Ильюшин.
Фото Ю. Скуратова.

ОН ИЗ СЕМЬИ КРЫЛАТЫХ

Вспоминается древняя и вечно юная античная легенда о человеке, дерзнувшем летать. Юноша Икар поднялся в воздух на крыльях, скрепленных воском. Крылья Икару сделал его отец Дедал. Солнце растопило воск, Икар упал в море...

Известный советский конструктор самолетов Сергей Владимирович Ильюшин вырастил сына Владимира — инженера-летчика. И молодой сокол пошел на штурм неба.

...Еще покровом ночи окутана земля. Только далеко вверху сквозь толщу стратосферы пробиваются лучи солнца. В предрассветный час навстречу светилу на стальных надежных крыльях поднимается Владимир Сергеевич Ильюшин. Километр за километром, упрямо преодолевая земное притяжение, рвется ввысь серебристый «Т-431».

...Высота 28 760 метров. Далеко внизу в предутренней дымке земля.

С аэродрома самолет кажется еще одним искусственным спутником, то вспыхивающим, то погасающим в золотистых нитях, точно в лучах прожектора.

А через 25 минут после подъема вместе с первыми солнечными лучами он возвращается на землю.

И вот Владимир Ильюшин перед нами. Юное, умное, волевое лицо, немного озорные, веселые глаза. Невысокий, худощавый.

Владимиру Ильюшину 32 года; половину жизни он провел в воздухе. Так уж повелось в семье крылатых: Ильюшин-отец создавал совершенные машины, а сын мастерски владел ими в воздухе.

„...Аэроклуб, Военно-воздушная инженерная академия имени Н. Е. Жуковского, авиационное училище, летное поле аэродрома... Высотные полеты стали страстью Владимира Ильюшина. Год от году оттачивал он свое мастерство.

В мае прошлого года американский летчик Джонсон на самолете «Локхид-Ф-104» поднялся на высоту 27 811 метров.

А можно ли выше? Можно!

14 июля советский инженер-летчик майор В. С. Ильюшин на самолете «Т-431» с одним турбореактивным двигателем достиг в полете высоты 28 760 метров!

В эти же дни установлен и еще один авиационный рекорд. Всего на сутки раньше Ильюшина летчик подполковник В. П. Смирнов на самолете «РВ» с коммерческим грузом в одну тонну достиг высоты полета 20 300 метров.

Просто, как о чем-то обычном, будничном, рассказывает Владимир Ильюшин о своем подвиге. Но в его словах чувствуется упорство, настойчивость в борьбе за каждую сотню метров высоты.

— Оркестров при подъеме не было,— шутит Владимир Сергеевич,— ведь это наша ежедневная работа. — И так же весело продолжает:— Молодо выгляжу, говорите? Что-ж, по теории Эйнштейна, если тело движется с огромной скоростью, время как бы растягивается. Видно, летчикам-высотникам суждено долго оставаться молодыми.

Ощущение в полете? Откровенно говоря, не было времени заниматься своими ощущениями. А вообще-то главное — плавность подъема, при которой терялось ощущение скорости.

Могу ли еще подняться на такую высоту? Да, конечно! Возможности для этого есть. Попробую и еще выше!

Н. ГАЛИМОН

За успехи в сельском хозяйстве Армянская ССР награждена орденом Ленина. Награду вручил на днях в Ереване Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов.

Фото П. Чолагяна (ТАСС).

Снимок принят по фототелеграфу.

МОСКОВСКАЯ ЯРМАРКА в Лужниках. На снимке: в павильоне обуви.
Фото Галины Санько.

ПЕРЕКРЫТО СТАРОЕ РУСЛО НЕМАНА. Река пошла через железобетонную водосливную плотину. Это подарок строителей Каунасской ГЭС к 19-й годовщине установления Советской власти в Литве.
Фото А. Горячева.

ВТРОЕ БОЛЬШЕ РЫБЫ, ЧЕМ В ПРОШЛОМ ГОДУ, поступает на Пярнуский комбинат. Здесь из балтийской салаки изготовляют консервы разных сортов.

На снимке: в одном из цехов комбината.
Фото Р. Лихач.

Хочется оставить запись в книге отзывов...

Фото А. Новикова.

НЬЮ-ЙОРК У ТЕЛЕФОНА...

Недавно американская журналистка Вирджиния Гарднер писала: «Маленький металлический значок, на котором написано «Сотрудник выставки», приколотый к борту пиджака или платью, действует на советской выставке, как магнит... Советские граждане, которые дают на выставке пояснения об экспонатах, обычно окружены задающими вопросы посетителями. После того, как я провела восемь часов на таких импровизированных семинарах о жизни и труде в Советском Союзе, я ушла убежденная, что американцы смотрят на сотрудников выставки тоже как на экспонаты, столь же впечатляющие, как конуса и части спутников».

Корреспондент «Огонька» связался по телефону с Нью-Йорком и попросил сотрудников выставки рассказать о своих встречах с посетителями. Первым к телефону подошел директор Советской выставки тов. Манжуло.

— Что нового на выставке?

— По-прежнему с 11 часов утра, когда открывается выставка, и до самого закрытия, до 10 вечера, непрерывно через здание «Колизея» идет поток людей. Каждый день выставку посещает 40—50 тысяч американцев.

— Как относятся посетители к советским сотрудникам выставки?

— Интерес к каждому советскому человеку огромен. Стоит выйти в зал, как тебя сразу же окружает толпа. Вопросы сыплются непрерывно, спрашивают обо всем, начиная со спутников и семилетнего плана и кончая законами о браке и семье. Самые любопытные ощупывают материал на твоем костюме и интересуются, где и когда он куплен, какова его цена.

— Не можете ли вы пригласить к телефону сотрудников выставки, чтобы мы могли поговорить с ними?

— Пожалуйста. Я передаю трубку товарищу Пурмалю, научному сотруднику Института химической физики, который заведует секцией науки.

— Здравствуйте, Анатолий Павлович. Скажите, пожалуйста, какие экспонаты вашей секции пользуются особым вниманием американцев?

— Трудно сказать. Американцам здесь все интересно. Но, пожалуй, самым популярным экспонатом является стенд автоматики и телемеханики. Американцы подолгу разглядывают различные аппараты и после осмотра стенда всегда задают один и тот же вопрос: как относятся советские рабочие к автоматизации? Здесь, в Соединенных Штатах, автоматизация — это страшная угроза, которая ведет к массовой безработице.

— Что нового из того, чего нет в Соединенных Штатах, демонстрируется на выставке?

— Здесь есть несколько уникальных советских научных приборов, например радикальный масс-спектрометр для исследования механизма химических реакций, установка, которая называется «Лупа времени»,— с ее помощью можно наблюдать такие явления, как взрыв, детонация. Есть и другие интересные новинки.

— Как оценивают их американцы?

— На выставке побывали американские ученые — известный биохимик Чамгоф и профессор Мирский из Рокфеллеровского института. Оба отметили, что научные исследования в нашей стране идут широким фронтом, и выразили удовлетворение превосходной советской аппаратурой.

— Есть ли среди посетителей, так сказать, «постоянные клиенты», которые приходят по нескольку раз?

— Многие специалисты и ученые приходят по два — три раза, чтобы лучше познакомиться с экспонатами. Они приглашают наших ученых, которые находятся здесь, к себе в лаборатории.

К телефону подошел Алексей Александрович Губер, заведующий секцией культуры.

— Наша секция имеет несколько стендов,— говорит он.— Мы показываем книги, демонстрируем очень хорошо оформленный стенд, посвященный советскому балету, показываем наши музыкальные инструменты. Здесь выставлены картины советских художников.

— Что о них говорят американцы?

— У картин всегда много народу, происходят жаркие дискуссии. В своих картинных галереях американцы привыкли к так называемому абстрактному искусству, искусству, которое нельзя назвать «изобразительным», потому что оно ничего не изображает. И первая реакция американцев на картины наших художников — это удивление.

— Как проходят дискуссии?

— Очень благожелательно. Всегда чувствуется стремление понять доводы, которые мы выдвигаем.

— Благодарим вас, Алексей Александрович.

Из книги отзывов

«Это прекрасная выставка...»

К. Столкер, Милуоки, штат Висконсин.

«Я считаю, что выставки, подобные этой, могли бы много сделать для укрепления доброй воли людей и таким образом отвести опасность ядерной войны».

Мануэль дель Пасо, Куба.

«Очень интересная выставка. Я надеюсь, она поможет сближению наших народов и наступлению вечного мира».

Р. Ледфорт, штат Нью-Джерси.

«Удивительная, прекрасная выставка, вдохновляющая каждого, кто стремится к лучшему устройству мира. Продолжайте большую работу, особенно в науке и медицине, которая будет полезной всему миру и всему человечеству».

Американский врач.

«Не страшно заболеть человеку в стране, где охрана и забота о его здоровье стали одной из главных обязанностей государства».

Б.

«Я старый эмигрант. Приехал сюда еще в 1912 году. И вот доживаю здесь жизнь. Я все ожидал, когда встречу своих соотечественников и узнаю из первых рук, что делается на любимой родине... Рад, что я русский, и горжусь этим. Славная родина, я горжусь тобой».

Тимофей Кудашевский.

ОСТРОВ СТРАДАНИЙ

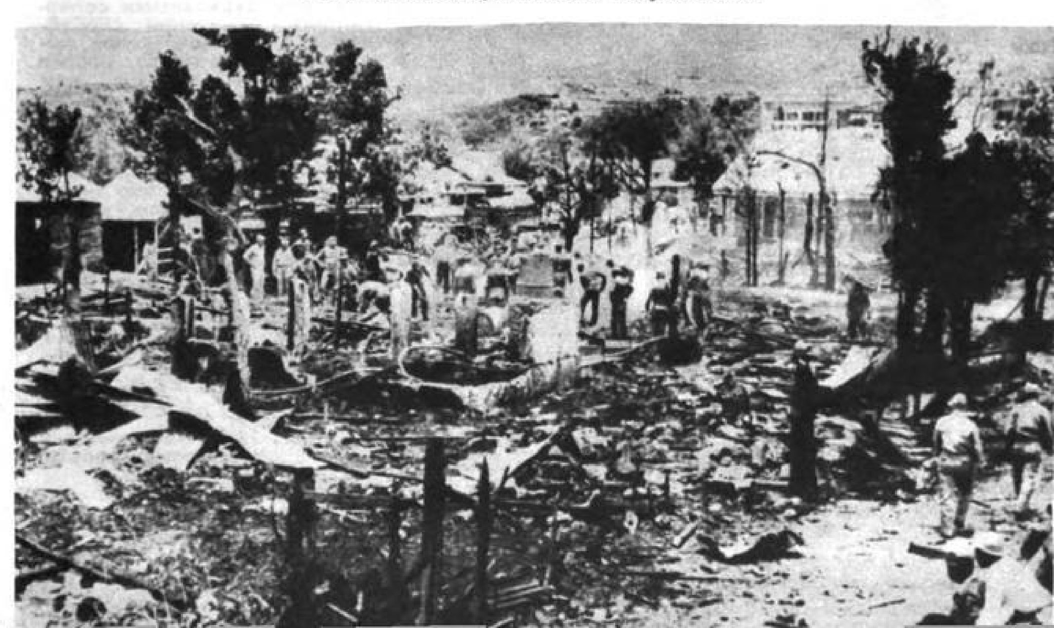
Существуют в мире общепринятые нормы: учебные и тренировочные полеты совершаются над полигонами, вдали от населенных пунктов. Но какие нормы, правила, ограничения могут быть для оккупантов?

Вот что случилось недавно на японском острове Окинава, оккупированном и превращенном Соединенными Штатами в военную базу.

Над островом совершал полет американский реактивный истребитель. В воздухе самолет загорелся. Лишенный управления самолет врезался в здание школы города Исикава. В результате катастрофы 25 человек было убито, 121 ранен. Пожар, возникший в городе после падения самолета, уничтожил 30 домов. Среди убитых и раненых не было ни одного американца.

Представитель Народной партии Окинавы Камедзиро Сенага заявил: «Дело заключается в том, что американские военные продолжают самовольно превращать Окинаву в базу для ведения атомной войны». Окинавцев заставляют расплачиваться за эту политику жизнями и кровью даже в мирное время.

Сюда упал американский истребитель.

Одна из жертв.

Фото агентства Джепэн пресс.

Новый рекордсмен мира в толкании ядра П. О'Брайен (США) с советским спортсменом Ю. Литуевым.

В. Руденков — победитель в метании молота.

К. Цыганков — победитель в тройном прыжке.

А. Артынюк раньше всех закончил бег на 5 тысяч метров.

Р. Шавлакадзе взял высоту 2 метра 5,7 сантиметра.

В. Крепкина дальше всех прыгнула в длину

ПОБЕДА НА «ФРАНКЛИН-ФИЛД»

Фото Б. Светланова и А. Бочинина.

Василий Кузнецов — сильнейший многоборец мира.

На стадионе Пенсильванского университета «Франклин-филд» в течение двух дней происходили легкоатлетические состязания команд США и СССР, названные местными журналистами «матчем столетия», «встречей титанов» и т. д.

Как известно, в прошлом году такой же матч состоялся в Москве и после напряженной борьбы закончился победой советских спортсменов с небольшим преимуществом в очках — 172 : 170.

Вторая встреча вызвала огромный интерес у американских любителей спорта. Об этом можно было судить хотя бы по тому, как быстро раскупались билеты на стадион, вмещающий больше семидесяти тысяч зрителей.

Все газеты уделяли большое внимание нашему приезду и подчеркивали, что эта спортивная встреча является частью программы по обмену в области культуры, техники и образования.

Советских спортсменов радостно приняли жители Филадельфии.

Но если нас приветливо встретили люди, то недружелюбно было по отношению к нам небо. Шли проливные дожди. Дорожки на стадионе были под водой, и только секторы для прыжков, покрытые специальным составом — грасстексом (смесь каучука с мягким асфальтом), вселили уверенность в хорошие результаты.

За 5 дней пребывания в Филадельфии наша команда провела 4 тренировки. Некоторые из них проходили совместно с американскими спортсменами и носили дружественный, товарищеский характер.

Тренировки под дождем кончились в самый канун матча. В ночь на 18 июля дожди сменила душная, жаркая погода.

Нужно сказать, что американская печать довольно широко освещала подготовку к состязанию и, конечно же, не стесняясь, занималась прогнозами. Все они, по существу, сводились к одному: американцы безоговорочно выиграют эту встречу.

А мэр города Детройта Луис Мириани заявил: «Надеюсь, Коробков такой хороший тренер, каким считает себя, однако в соревнованиях я все же буду держать пари, что американская команда победит его команду».

Когда мэру Детройта сказали, что русские уже однажды победили американскую легкоатлетическую команду, он ответил: «В прошлом году ее не поддерживал Мириани...»

Соревнования начались в очень неблагоприятной обстановке: мягкие дорожки, духота, жара—36 градусов в тени! Хотя в первых номерах программы — в спринтерском беге — мы уступили Рэю Нортону и Б. Пойнтеру, уступили даже в женском забеге негритянке Б. Джонс (которая в прошлом году в Москве тоже победила наших спортсменок), все же можно сказать, что острая борьба за доли секунды, метры и сантиметры началась с первых минут этого замечательного соревнования.

В субботний день мы проиграли и бег на 400 метров и барьерный бег, но зато В. Булатов прыгнул с шестом на 4 метра 64 сантиметра и установил новый рекорд СССР и Европы, зато В. Руденков послал молот на 66 метров 76 сантиметров, и знаменитый Гарольд Коннолли вынужден был довольствоваться вторым местом.

Полным драматизма был бег на десять тысяч метров. Борьба между А. Десятчиковым, Х. Пярнакиви и американцем Р. Сотом окончилась тем, что американец за три километра до финиша упал на дорожку без чувств.

Исключительная выносливость Десятчикова позволила ему закончить дистанцию первым. Вторым был советский же спортсмен Пярнакиви.

В эстафетах 4 по 100 метров американцы первенствовали в мужской, а мы—в женской команде. Наши девушки выиграли также метание диска и копья. Но особенно хочется отметить великолепный прыжок Таисии Ченчик: она преодолела планку на высоте 177,5 сантиметра и установила новый всесоюзный рекорд.

К концу первого дня мы выиграли четыре очка — 81 : 77.

Во второй день отличились наши бегуны. А. Артынюк выиграл бег на пять тысяч метров, оставив на втором месте П. Болотникова. С. Ржищин оказался первым в беге на три тысячи метров с препятствиями. Р. Шавлакадзе и И. Кашкаров не уступили американцам в прыжках в высоту, а К. Цыганков занял первое место в тройном прыжке.

Особо хочется сказать о десятиборце Василии Кузнецове. Он, как известно, проиграл в прошлом году негру Рэферу Джонсону. Но сейчас Джонсон в соревнованиях не принимал участия. Кузнецову пришлось состязаться со своим соперником заочно, потому что ни Д. Эдстрем, ни М. Хермэн не были для него серьезными соперниками. Советский спортсмен в блестящем стиле выиграл первое место, набрав 8 350 очков — больше, чем Р. Джонсон в Москве. Итак, Василий Кузнецов, который недавно установил мировой рекорд в десятиборье, на сей раз и на американском стадионе доказал, что он является сильнейшим многоборцем мира.

Итог матча — 175 : 167 в пользу советских спортсменов — нужно признать большим успехом.

Следующая встреча «двух сильнейших легкоатлетических держав мира» состоится в будущем году в эту пору в Риме.

Л. ХОМЕНКОВ,
заслуженный мастер спорта

Таисия Ченчик взяла высоту 177,5 сантиметра.

2:0

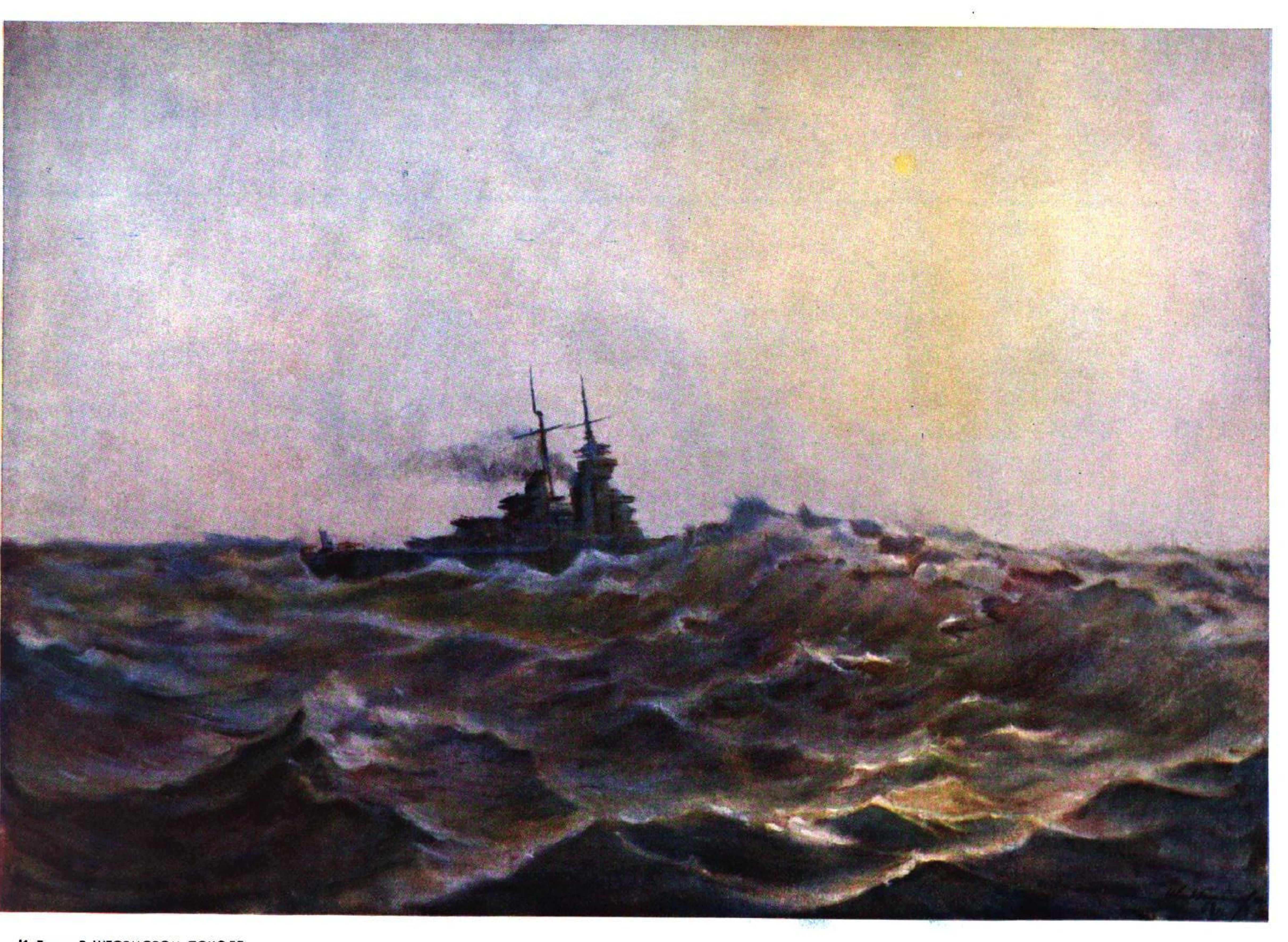
В минувшее воскресенье на Московском стадионе имени В. И. Ленина состоялся второй отборочный матч предолимпийского турнира. На сей раз сборная команда СССР выступила против сборной Румынии.

Матч закончился победой советских футболистов со счетом 2 : 0.

Таким образом, сборная Советского Союза набрала три очка из четырех возможных.

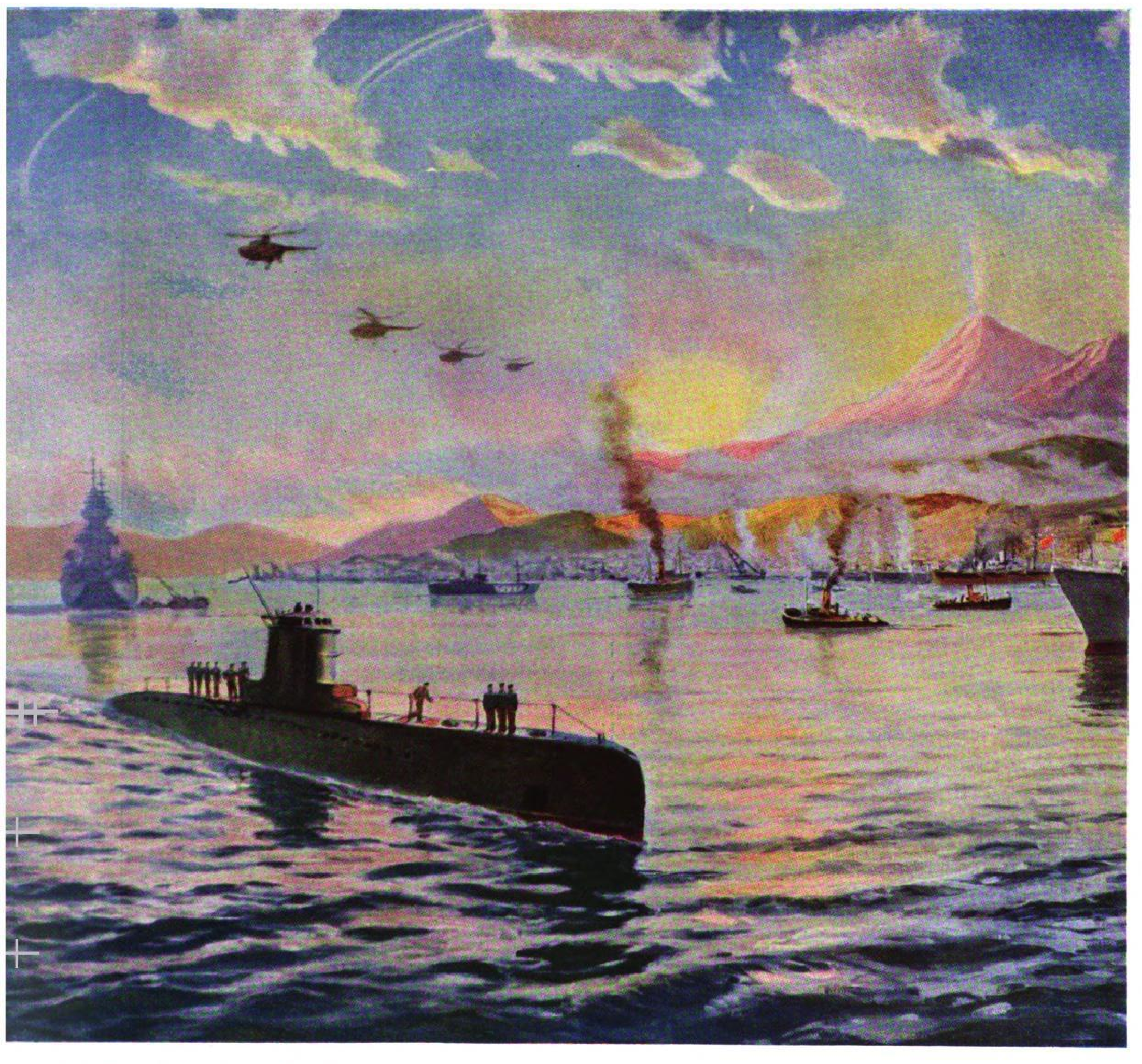
Теперь советские футболисты должны провести ответные матчи: в Бухаресте в начале августа и в Софии в середине сентября. Румынские и болгарские футболисты будут играть между собою в ноябре нынешнего года и в мае будущего. После этого определится, кто же поедет в Рим на Олимпийские игры.

На снимке: С. Метревели забивает второй гол.

И. Титов. В ШТОРМОВОМ ПОХОДЕ.

«Огонек».

Е. Львов. НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. (Фрагмент).

АКУЛЬЯ КЛЕТКА

Рассказ

Джеймс **ОЛДРИДЖ**

Рисунки **А. ВАСИНА.**

Потерять руку или ногу — значит мельком заглянуть в глаза смерти.

Представьте себе, что рука, на которой вы носили браслет с часами, где-то превращается в прах, а нога с родными и привычными желваками сгорает дотла... Всему, что осталось от вашего тела, нестерпимо с этим мириться.

Бен Амино потерял левую руку — от самого локтя: ее сожрала акула. Акула кинулась на него в далекой египетской бухте Красного моря, где он снимал под водой фильм для американской кинокомпании, и превратила Бена в кровавое месиво. Чудом удалось ему выбраться на гребень кораллового рифа. Но еще большее чудо совершил его сын Дэви: он долетел с потерявшим сознание отцом до Каира на маленьком самолете «Остер» [1].

Мало того, что он переволновался по дороге в больницу за раненого отца, — десятилетний мальчик пережил немало страшных минут, первый раз в жизни ведя самолет.

— Бедный малыш!

Бен, сжав зубы, твердил эти слова, хотя ни разу не произнес их вслух в присутствии сына.

Человек он был резкий да к тому же и не слишком хорошо понимал ребенка; только в больнице, после того, как Бен пришел в сознание, до него дошло, какую выдержку проявил мальчик, благополучно доставив его в Каир. А Дэви стоял возле постели Бена и злился, что отец заставил его перенести такое испытание.

— Здорово все это у тебя получилось! — слабым голосом произнес Бен, поглядывая на сына с какой-то робкой надеждой.

Дэви ничего не ответил. Бен понял, что ему нелегко будет сломать преграду, отделяющую его от сына, и стать признательным, ищущим привязанности ребенка отцом вместо того равнодушного, отчужденного и вспыльчивого человека, каким его привык видеть мальчик.

— На этот раз,— сказал Бен мальчику,— я построю акулью клетку.

— Какую? — неприязненно переспросил Дэви, не показывая, как он относится к намерению отца вернуться в Акулью бухту.

— Конечно, железную! — как всегда нетерпеливо, огрызнулся Бен.

Но он тут же постарался это загладить. Ему надо научиться разговаривать другим тоном, хотя сорокалетнему человеку и нелегко вдруг заговорить ласково, если он никогда этого не умел.

— Клетка маленькая, такая, чтобы человек мог встать во весь рост под водой и без всякой опасности снимать оттуда акул,— объяснил он.— Ты внутри, а они снаружи. Такую клетку имел на своем судне Кусто. Но моя должна быть много меньше и легче: ведь ее придется перевозить на небольшом самолете.

— А как же ты будешь летать с одной рукой? — спросил Дэви.

— Отрезали ведь мне левую руку,— сказал ему Бен.— А для «Остера» она не нужна. Управлять я могу и правой. Это — самое главное...

— Кто же тебе позволит летать с одной рукой?

— Никто не знает,— сказал Бен.— Ведь прошло уже восемь месяцев. А с самолетом тогда ничего не случилось. Почем им знать, что я потерял руку? Следующий медицинский осмотр только в ноябре, а к тому времени нас уже давно не будет в Египте. Самолет я могу достать, даже если у меня протез... Никто ничего и не подумает...

Он делал вид, будто все пойдет как по маслу, и вдруг понял: Дэви, наоборот, старается уверить его, что им придется туго.

Дэви не хотел возвращаться в Акулью бухту. Он боялся, что снова увидит, как отец, искалеченный и весь в крови, поднимается из моря. Он не хотел вспоминать, до чего страшно тащить отца в самолет, запускать машину, поднимать ее в воздух, вести по курсу, отыскивать аэродром и, наконец, сажать самолет среди огромных воздушных кораблей, стараясь не разбиться в щепки.

— На этот раз,— заверил его Бен, терпеливо превозмогая попытку Дэви уйти в свою скорлупу,— несчастного случая быть не может. Обещаю тебе...

Как можно было это обещать? Но что же ему оставалось делать?

Бену и самому еще не было ясно, что он будет делать. Когда Бен в последний раз снимал под водой фильм об акулах для компании «Коммершл филм», он надеялся, что на заработанные деньги сумеет увезти мальчика домой и устроить его там в приличную школу или нанять кого-нибудь, кто сможет за ним присматривать. Но восемь месяцев, проведенных в больнице, врачи и плата за квартиру, пока он болел, съели все его сбережения. У него не осталось денег даже на проезд в Нью-Йорк или Бостон, где им с мальчиком надо прожить несколько месяцев, пока не найдется работа для бывшего летчика с одной рукой, но зато без жены.

— Хочешь поехать со мной и поглядеть, как делают клетку? — спросил он сына.

— Да,— тихо ответил Дэви.

— Ну, пошли! — с наигранной бодростью предложил отец.

Бен набросал чертеж клетки и уговорил местного кузнеца из большой авторемонтной мастерской попытаться ее сделать. Грек-десятник дал разрешение (сунув в карман фунт стерлингов), а кузнец-египтянин со своим помощником — он был моложе Дэви, которому уже стукнуло одиннадцать лет,— стали ковать из углового железа и полос мягкой стали четыре стенки клетки.

— Дверь лучше сделать наверху,— сказал кузнец, приваривая стальные полосы к угловому железу на промасленном полу гаража.

— В воде у меня может не хватить сил ее открыть,— возразил Бен, подняв над головой свои полторы руки и делая вид, будто толкает ими крышку.

— Но эта дверца слишком велика, видите, какая она длинная,— пожал плечами кузнец.— С ней нелегко будет справиться.

— Ничего, как-нибудь одолею,— настаивал Бен.

Он попытался объяснить свою затею Дэви, но сын, казалось, слушал его с таким равнодушием, что Бен замолчал и предоставил ему самому смотреть, как идет работа. Бен не раз замечал, что мальчик очень наблюдателен, но терпеть не может, когда его учат.

Сам он внимательно следил за тем, чтобы

[1] См. рассказ Джеймса Олдриджа «Последний дюйм» («Огонек» № 37, 1957 год).

все было как надо: как кузнец режет металл, сваривает его и просверливает отверстия,— но постепенно летчика стала интересовать не клетка, а совсем другое. Его занимало отношение высокого смуглого кузнеца к десятилетнему мальчишке-арабу, который ему помогал.

Этот маленький оборванный египтянин по имени Махмуд был одет в синюю спецовку, которая так пропиталась железной пылью и маслом, что стала похожа на ржавый панцирь. Ноги его были слишком малы для стоптанных двухпудовых башмаков, в которых он шаркал по кузне; работая, как настоящий мастеровой, он не произносил ни слова.

Подмастерье он был отличный, точно зная, куда и в какую секунду подложить стальную полосу, не дожидаясь, чтобы ее у него попросили; кузнец работал, как хирург, которому прислуживает прекрасно обученный ассистент.

— Не так! — прикрикнул кузнец и отбросил в сторону зубило.

Наконец-то мальчик оплошал и подал не то, что надо.

Кузнец разразился длинной бранью, что очень не понравилось Бену. Но мальчик терпеливо смолчал и кинулся к раковине, чтобы налить воды в жестянку, куда кузнец окунул горячие сверла. На обратном пути он споткнулся и облил кузнеца грязной водой; тот повернулся и дал ему подзатыльник.

— Ну-ка, потише!..— сказал Бен.

Кузнец взглянул на Бена. Ростом он был вдвое выше летчика и ничуть не испугался сердитого окрика. Он засмеялся.

— Парень-то ведь лентяй,— сказал он по-английски.

Мальчишка осклабился. Кузнец уронил тяжелую руку ему на плечо и, подержав ее там, легонько подтолкнул мальца вперед, приказывая ему вынуть тупое сверло из дрели и заменить его новым.

Бен все понял и быстро взглянул на своего сына, чтобы проверить, понял ли тот. Но Дэви был скрытным парнишкой и редко показывал, что у него на душе, кроме, пожалуй, тех случаев, когда его обуревал страх.

— Ну, как тебе нравится клетка? — спросил его Бен.

— А ты сможешь поставить ее под водой?

— Подвешу груз к полу и привяжу боковые стенки к кораллу,— ответил Бен.

Кузнец с треском сломал сверло и, пока искал другое в ящике с инструментом, приказал Махмуду приварить прутья дверцы. Бен и Дэви смотрели, как мальчик зажигает ацетиленовую лампу, раздувая синее пламя, и, надев потрескавшиеся очки, приваривает крест-накрест полоски стали к дверной раме.

— Сваривай получше! — попросил мальчика Бен.

— Jowa, ya Bey [1],— сказал он.

Бен все-таки не спускал с него глаз, наблюдая за тем, чтобы прутья были приварены прочно. Он стоял возле маленького египтянина, но вдруг заметил, что Дэви демонстративно отошел в сторону. Поглядев на спину сына, Бен понял, что тот хочет выразить свою солидарность с маленьким арабом, который отлично мог приварить прутья и без указки старших.

Когда клетка была готова, ее осталось только перевезти на маленьком наемном самолете, не напугав при этом его владельцев. Чем меньше они будут знать об этой странной железной клетке, тем лучше. Даже в разобранном виде она была слишком громоздкой, чтобы уместиться в фюзеляже «Остера».

Единственным способом было привязать ее снаружи, вдоль всего фюзеляжа. Но это надо было сделать очень аккуратно, не то клетка могла сместиться во время полета и вызвать аварию.

На небольшом аэродроме у Бена были друзья среди египтян-механиков; и одному из них, которого звали Саламом — за то, что он постоянно приговаривал: «Ya Salaam!» («Милостивый господи!»), о чем бы ни зашла речь: будь то удачный полет или, наоборот, серьезная катастрофа, — Бен объяснил, что ему нужно.

— Ya Salaam! — сказал Салам, поглядев на клетку.— С этой штукой на «Остере» не полетишь.

— Почему? — спросил Бен.— Такую тяжесть машина поднимет шутя.

Салам помотал головой, показывая на легкий трубчатый фюзеляж.

— Во время полета они должны сохранять эластичность,— сказал он.— Если вы к ним привяжете металлическую клетку, будет слишком большая нагрузка на хвост... Ya Salaam!

Он утверждал, что Бену, может быть, и удастся долететь, но конструкция самолета будет ослаблена. Это опасно.

— В ангаре стоит «Бичкрафт». Он для этого дела куда больше подходит.

«Бичкрафт» — прочный, сильный американский самолет с мощным мотором. Машина была куплена египтянами у нефтяной компании, где раньше работал Бен. В «Бичкрафтах» и «Фейрчайлдах» он возил над египетской пустыней геологов, а теперь эти самолеты были изношены и доживали свой век в ангарах.

— Вот сюда, понятно? — сказал Салам, показывая место под фюзеляжем одного из «Бичкрафтов».

Бен вспомнил, что там ввинчено четыре болта для того, чтобы привязывать самолет к колкам в пустыне во время сильного ветра.

— Великолепно! — обрадовался он.

Салам отодвинул панель в задней части фюзеляжа и показал, куда можно прикрепить еще два болта, чтобы подвязать клетку.

— А мотор в порядке? Помню, из него масло текло, как из сита,— сказал Бен.

— Часов на двадцать хватит, а у меня есть очень тяжелое масло.

С Саламом не пропадешь, и Бену казалось, что он уже на полпути к цели.

В бытность свою в Канаде Бену частенько приходилось летать на небольших самолетах с громоздкими частями горного оборудования, подвязанными к фюзеляжу. Но у старого «Бичкрафта» разболталось управление, и мотор терял компрессию уже при взлете; Бену казалось, что он летит не на самолете, а на самой акульей клетке.

— Порядок? — спросил он Дэви.

Дэви был бледен, и отец не знал, от воздушных ли это ям над пустыней, от врожденного страха перед самолетом или от предвкушения опасностей, которые их ждут в Акульей бухте.

— А выше ты не можешь подняться? — спросил его мальчик.— Туда, где нету ям?

Это уже было достижением. Мальчик наконец о чем-то попросил.

— Я и так лезу наверх сколько могу,— ответил Бен, стараясь перекричать не слишком мощный рокот старенького мотора.— Клетка привязана чересчур близко к носу...

Нос у «Бичкрафта» и так был слишком тяжел, даже с добавочным грузом на хвосте. Бен отвел подальше назад ручку, но протез на левой руке сразу же впился в живое мясо. Ему приходилось все время держать машину в равновесии; стоило отвести ручку слишком далеко, нос задирался и самолет терял управление.

— В кармане у меня леденцы,— сказал Бен.— Достань-ка их оттуда.

Дэви залез в карман отцовской рубашки и вынул пакетик леденцов. Один из них он сунул Бену в рот (тот не мог отпустить ручку). И сделал это, как заметил Бен, по своей воле.

— Тебя тошнит? — спросил отец.

Дэви покачал головой, и Бен понял, что не должен был этого спрашивать. Вопрос, наверно, напомнил прошлый полет, когда Дэви сильно мутило. Но на этот раз Бен дал ему таблетку аэрона.

— Хочешь попробовать? — спросил Бен, кивком показывая на рукоятку.

Дэви снова мотнул головой и поглядел на отцовский протез; он был из алюминия, а кисть руки — из какого-то легкого сплава, покрытого кожей. Там, у локтя, где искусственная рука примыкала к настоящей, образовалась большая свежая рана, из которой выступила кровь. Вид кровоточащей раны заставил Дэви поглядеть в глаза отцу; он не понимал, как тот может терпеть такую боль, но Бен ответил ему спокойным взглядом.

— У меня чувство, словно я веду тяжело нагруженный товарный поезд! — прокричал Бен.

Он делал вид, что ему легко, но у него было ощущение, будто он несет самолет на вытянутой больной руке и она уже начинает сдавать.

— Ну вот! — с облегчением произнес Бен, когда среди десятка тысяч бухт вдоль обнаженной зеленой границы пустыни и моря показалась их белая бухта.

Бен узнал о ней от одного египетского гидробиолога: по его словам, тут было полно и акул и гигантских скатов. Эту бухту тоже звали Акульей, как и все другие, и она тоже представляла собой изогнутую гряду неприступного кораллового рифа, вправленную в безликую пустыню. Сюда можно было добраться либо с моря, либо на легком самолете.

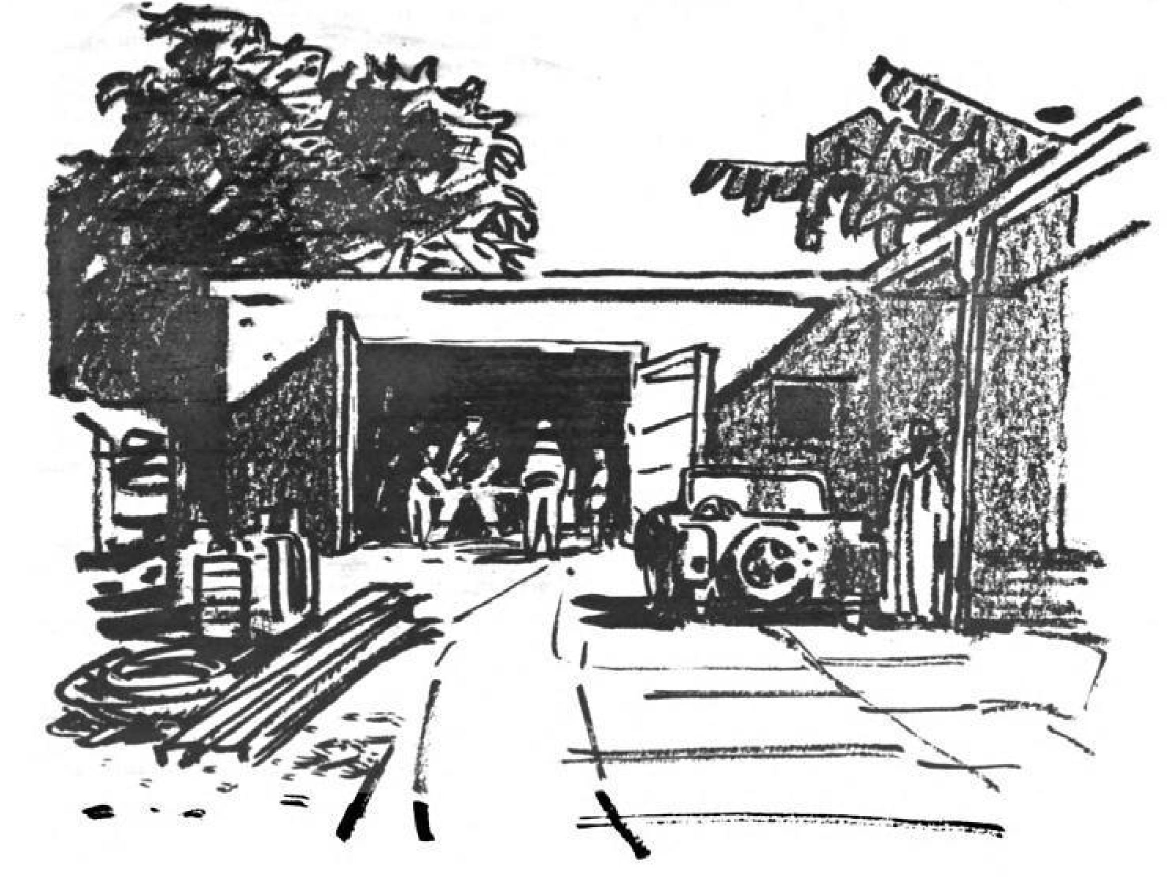
— Ну, теперь держись! — крикнул Бен, когда они начали снижаться.— Он будет подскакивать...

Подойти к бухте было легко. Но стоило им опуститься пониже, как песчаная поверхность берега перестала казаться ровной полоской пустыни, и на ней появилось несметное количество кочек.

Самолет коснулся земли, внизу у него что-то сместилось, и его так занесло, что они чуть не перевернулись. Послышался сильный треск в фюзеляже, и они почувствовали толчок: пробило заднюю стенку кабины. Самолет подско-

[1] Ладно, приятель.

чил и остановился, но внизу снова что-то затрещало...

— Ты не ушибся? — спросил у отца Дэви.— Что случилось?

У Бена чуть не вырвало протез, когда рукоятка подалась вперед, и ему, видимо, было очень больно. Он изо всех сил дергал ремни, которыми протез был привязан к руке, отчаянно стараясь освободить окровавленную культю от терзавших ее металла и кожи.

— Ах, будь ты проклята! — со злостью бормотал он.— Лучше не иметь никакой руки!

Он чертыхался, пока случайно не увидел лицо сына. Тогда он опомнился и затих. Но, прочтя в глазах у мальчика памятный ему ужас, он спросил себя, верно ли поступил, потащив ребенка туда, где тот уж раз натерпелся столько страху. Однако с самого начала эта затея казалась ему необходимой для них обоих. Бен был человек простой и трудности на своем пути умел преодолевать только упорством.

— Ничего, заживет,— сказал он Дэви и выпрыгнул из кабины, чтобы посмотреть, сильно ли поврежден самолет.

Поломка была ерундовая. Край акульей клетки срезал большой выступ коралла, поднимавшийся из песка. Этот кусок коралла и пробил фюзеляж с таким треском. Если бы коралл не был так аккуратно срезан, он мог бы проломить хвост самолета и вконец его искалечить.

— Чепуха! — заявил никогда не терявшийся Бен.— Фюзеляж мы починим...

Но Дэви сразу же подошел к воде, окунул разгоряченное лицо в море, смочил волосы и шею.

— Эх ты, бедняга! — снова пожалел его Бен.

Но он тут же стряхнул с себя это чувство. Жалость к сыну не поможет им обоим.

Акулья клетка чуточку погнулась от удара о коралл, но с помощью молчаливого Дэви Бен собрал ее к полудню.

Они ждали захода солнца, растянувшись под самолетом. Потом закрепили болтами стенки клетки. Дэви вставлял болты, а Бен завинчивал их здоровой рукой, вооруженной гаечным ключом. Дверцу подвесили на петли, когда уже спускалась тьма.

— Ну, уж вторую руку они мне сквозь эти прутья не отхватят,— смеялся Бен, восхищаясь своей клеткой.

— Ты наденешь под воду протез? — спросил Дэви.

— Нет. С ним хуже, чем совсем без руки,— сказал Бен.

Он не признался в том, что все равно не сумел бы надеть протез на открывшуюся рану.

Они переночевали под самолетом, но на этот раз Бен предусмотрел все, что могло понадобиться сыну: лимонад, печенье и даже компот, который они ели руками, а Бен в это время рассказывал мальчику, как различать созвездия в Восточном полушарии.

Дэви не показывал и виду, что ему интересно, но Бен чувствовал, что сын слушает его с увлечением.

Рано утром Бен разведал, куда удобнее опустить клетку, но катить ее по песку до края рифа оказалось совсем не легко.

— Лучше надень туфли,— посоветовал Бен мальчику, поранившему ногу.

Сам Бен еще не привык к тому, что он однорукий, и был уже очень раздражен к тому времени, когда клетку можно было спустить через край рифа в прозрачную глубину на двадцать футов. Дэви ему помогал. Он молча выполнял все, что ему приказывали, и ни разу не вызвался что-нибудь сделать по своей воле, как это обычно бывает со всеми мальчишками.

— Когда я скажу тебе: толкай,— ты уж поднатужься,— сказал ему Бен,— и сразу же беги в сторону, чтобы не запутаться в веревке...

Он привязал к верхушке клетки четыре конца. Теперь она не может завалиться на бок и пойдет вниз стоймя.

— Толкай! — крикнул Бен.

Они пыхтели и скользили, но вот наконец клетка перевалила через край рифа.

— Отойди! — закричал Бен.

Но Дэви уже успел отскочить. На колках, забитых в прибрежный песок, натянулась веревка, и клетка повисла под водой. Бен надел маску и нырнул, чтобы ее осмотреть.

— Кажется, все в порядке,— сказал он, выйдя на берег после того, как установил клетку на дне.— Теперь я привяжу ее к коралловому рифу, и дело с концом.

Он заметил, что Дэви уже растянул брезент, под которым они могли провести самые жаркие часы. Мальчик успел перетащить на берег и части маленького компрессора для заполнения воздухом акваланга, так что Бену оставалось только его собрать.

«Наконец-то у меня с малышом дело пошло на лад»,— решил Бен.

Он не помнил, чтобы Дэви когда-нибудь раньше предупреждал его желания, и подумал об арабском мальчике, который был таким мастером угадывать мысли кузнеца.

— Как тебе понравился тот арабский парнишка? — спросил Бен.

— Сколько он зарабатывает в неделю? — спросил, в свою очередь, Дэви.

— Немного,— ответил Бен, удивившись откровенной практичности сына.— Несколько пиастров в день.

Но разве все дети не отличаются грубой практичностью, в то время как большинство взрослых безнадежно сентиментальны?

Камера для подводных съемок, которую прислала Бену кинокомпания, снимала на тридцатипятимиллиметровую пленку. Подводные съемки и были целью этой маленькой экспедиции. Компания платила до пяти тысяч долларов за тысячу футов хороших кадров с акулами и еще тысячу долларов за кадры с гигантскими скатами.

Бен опустил на веревке тяжелый киноаппарат в воду, после чего надел акваланг.

— Если хочешь, можешь лечь на край рифа и смотреть,— сказал он Дэви и показал, как надо растянуться в мелкой воде за гребнем коралла, погрузив лицо в воду над самой глубиной.

— Знаю,— сказал Дэви.

— Только не ныряй.

Бен захватил с собой запасной акваланг. Он уже научил Дэви нырять в безопасном заливчике, защищенном одним из рифов, который преграждал доступ акулам. Дэви был хорошим пловцом и легко освоил аппарат.

— Что ты станешь делать, пока я буду под водой? — спросил Бен.

— Читать,— сказал Дэви и вынул из рюкзака книгу.

Бен поглядел на нее и улыбнулся. Это была одна из тех книг, которыми так увлекаются английские мальчишки,— приключения храброго летчика, дравшегося в Северной Африке с арабами.

— Тебе она нравится?

— Нравится,— смущенно сказал Дэви.— Она из школьной библиотеки.

Может быть, именно это и делало книгу такой привлекательной. Бен подумал, что его сын больше англичанин, чем американец. Дэви не помнил Америки и ходил в Каире в английскую школу. Даже произношение у него было скорее английское, чем американское. Английское воспитание, вероятно, и объясняло то, что он был таким сдержанным и практичным.

— Я ненадолго,— сказал Бен и погрузился в воду, держась за веревку.

Как только он очутился под серебристо-голубой поверхностью моря, Бен посмотрел, не привлекла ли акул его приманка из ослиного мяса. Тоненькие черные струйки крови сочились из мяса в прозрачную воду кораллового моря. Тучи мелкой рыбешки с любопытством разглядывали приманку, но крупной рыбы не было и в помине. Он опустил киноаппарат на самое дно и, входя в клетку, порадовался своей выдумке. Здесь он находился в безопасности, а снимать акул отсюда было очень удобно. Он закрыл дверцу клетки и стал ждать.

Ему пришлось ждать и тогда, когда он спустился вторично под воду после обеда. Как и всегда, акулы появились внезапно, откуда ни возьмись. Только что их еще не было, а вот,

он и моргнуть не успел, как одна из них уже тычется носом в ослиное мясо. Пока он наводил киноаппарат, рядом с ней оказались еще две; одну из них, пятнистую акулу-«кошку», сопровождали две полосатые рыбы-пилоты, плававшие над выступом ее носа. Бен пристроил камеру к стенке клетки и нажал спуск. Ближняя акула испуганно метнулась прочь. Они еще не отведали крови. Испробовав ее, они сразу смелеют; и Бен снова принялся ждать.

Его не смущало, что он опять очутился в окружении этих страшилищ, от которых ему так досталось. В клетке он чувствовал себя в безопасности. Но он совершенно явственно ощутил боль в руке, куда в тот раз вонзились зубы акулы. Он чувствовал ее в той части руки, которой уже не было.

«В последний раз,— сказал он себе.— Сорву эту ставку и больше не играю. Надо подумать и о мальчике...»

Он и сам считал, что слишком уж хорошо умеет приспосабливаться к обстоятельствам. Это полезно, когда летаешь над канадскими лесами и при такой беспорядочной работе, которую ему приходилось выполнять в Египте. Оглядываясь назад, он понял, что умение приспосабливаться стало его второй натурой. Да и как бы иначе мог работать и даже просто выжить летчик вроде него? Но нельзя строить на этом жизнь человеку, которому надо растить сына. И, глядя на шершавую кожу акулы, находившейся от него в каких-нибудь шести футах, он решил, что придется на этот счет пораскинуть мозгами на досуге. Ему вовсе не хотелось, чтобы Дэви рос таким, как он.

Две акулы бросились на мясо, а потом бесстрашно проплыли мимо клетки. Он направил на них объектив.

— Ну, меня ты не ухватишь! — сказал он, когда одна из них вернулась на него поглазеть.— Шиш!

Теперь у него был богатый выбор: перед ним плавало пять или шесть акул. Некоторые из них принадлежали к породе акул-великанов, две были пятнистыми «кошками». Одна лежала на дне возле большой подводной скалы мертвого коралла, в том самом месте, где он надеялся увидеть скатов. К этой скале он прикрепил расчалку, державшую клетку.

«Только не торопись!» — сказал он себе.

Его всегда подмывало снимать слишком короткие куски... Он поддерживал камеру обрубком руки. Было больно, но кое-как получалось. И тут вдруг одна из акул-великанов дерзко приблизилась к клетке и, отплывая, ударила по ней хвостом.

Клетка накренилась назад, потом вперед и чуть не опрокинулась на бок; ее удержали веревки, которыми он привязал ее к коралловому рифу за спиной. Он переждал, пока клетка не перестала качаться, и решил, что с него хватит. К тому же в камере кончилась пленка.

— Еще разок, и все,— сказал он Дэви, вынырнув на поверхность.

— Почему акула ударила по клетке? — спросил Дэви.

Он все видел сверху, но Бен уклонился от ответа.

— Трудно сказать,— пробурчал он.— Случайно...

Но он не успокоил Дэви. Желая рассеять его страхи, Бен велел ему начать укладку снаряжения, чтобы они могли пуститься в обратный путь, как только он вынырнет в следующий раз.

Он неудачник, ему всю жизнь не везло, и хотя он к этому уже привык, ему, видно, не по возрасту бороться со своим невезением.

Снимать акул он кончил. Они сожрали все мясо, и большинство из них уже уплыло. Но он упрямо продолжал выжидать в надежде на появление тысячедолларового ската,— скаты облюбовали место у коралловой скалы, где мелкая рыбешка обчищала их от паразитов.

«Боже мой! — мысленно воскликнул Бен.— Кажется, привалило счастье...»

Большая тень, похожая на пятнистое облако, двигалась по самому дну мимо скалы. Это был скат с чудовищными головными плавниками; он плыл тяжело и неуклюже: то ли был слеп, то ли ранен, а может быть, просто стар.

На ходу он сбивал со скалы небольшие куски коралла, и белый песок на дне клубился при каждом взмахе его гигантских остроконечных боковых плавников.

«А ну-ка, красавчик, поближе!» — подбадривал его Бен.

Скат плыл возле самой клетки, и как ни был Бен поглощен съемкой, он подумал, что либо плавником, либо могучей головой скат может оборвать веревку, привязанную к коралловой скале.

Бен постучал камерой по прутьям клетки, чтобы спугнуть ската, но тот продолжал плыть и наткнулся на веревку.

От сильного толчка клетку дернуло вперед. Бен почувствовал, как она опрокидывается, словно ее ударило миной.

У него мелькнула мысль, что скат потащит клетку с ним в открытое море. Бен лежал на боку. Он решил, что позади либо лопнули веревки, либо отломился кусок кораллового рифа. Клетку толкнуло со страшной силой, она перевернулась раз и другой. Последовал новый толчок, скат освободился от веревки и неуклюже исчез в облаке песка и коралловой крошки.

«Как же я выберусь?» — подумал Бен.

Дверца была прижата к морскому дну. К тому же клетку покорежило, и прутья с одной стороны вдавило вовнутрь. Он чувствовал себя, как большая рыба в аквариуме. Тюрьма его была тесной, когда он находился в ней стоя, ну, а теперь, лежа, он едва мог пошевелиться.

«Если я на этот раз выберусь, будет просто чудо»,— сказал он себе.

Просунув ногу сквозь прутья на морское дно, он попробовал приподнять клетку и перевернуть ее дверцей кверху. Тщетно. Он попытался разогнуть тонкие стальные прутья, но кузнец постарался сделать их попрочнее. Он стал трясти дверцу, надеясь ее сломать, но Махмуд сварил ее на совесть.

«Каюк!» — сказал он себе.

Бен перевернулся на спину, чтобы посмотреть, следит ли за ним Дэви. Но над ним не было видно маски мальчика. Тогда он взглянул на манометр и выругал себя за лишние пять минут ожидания — и все из-за какой-то несчастной тысячи долларов!

Воздуха у него оставалось не больше чем минут на двадцать.

Прошло две минуты, но ему показалось, что прошел час.

Он снова попробовал освободиться и, взглянув наверх, увидел маску Дэви. Бен лег на спину и помахал рукой. Сын помахал ему в ответ. Здоровой рукой Бен показал, что хочет отвинтить болты, скреплявшие клетку, и ему нужен гаечный ключ.

Лицо Дэви исчезло.

Когда мальчик появился снова, Бен увидел, что он опустил в воду гаечный ключ.

— Не бросай! — выдохнул он вместе с пузырьками воздуха, словно мальчик мог его услышать.

Но Дэви бросил ключ. Он привязал его на леску и, раскачивая ее, забросил ключ в клетку. Бен даже не стал его отвязывать, а сразу принялся отвинчивать болты.

Но круглые головки болтов оказались внутри клетки, а гайки — снаружи. Как ни выворачивал руку, он не мог наложить ключ на гайку. Бен взглянул вверх и помотал головой. Но Дэви там не было.

По расчетам Бена, воздуха оставалось минут на пятнадцать; тут он заметил, что к нему спускается веревка. Он догадался, что мальчик хочет попробовать поднять клетку. На суше это было бы немыслимо, но под водой могло и получиться.

— Давай! — выдохнул Бен, привязав веревку к крышке.— Только поскорей!

Маска Дэви исчезла, а через несколько мгновений веревка натянулась, но клетка не двинулась с места. Попытка была безнадежной, и, когда снова показалось лицо Дэви, Бен принялся вертеть рукой.

— Самолет,— неслышно сказал он,— запусти самолет.

Он стал показывать жестами, как запускается винт, берется на себя ручка, дается газ,— мальчик понял и снова исчез. Пока тянулись эти бесконечные минуты, Бен старался представить себе, что делает мальчик: сообразит ли он привязать трос к заднему колесу, сумеет ли запустить мотор, который так часто захлебывался; перед ним стояло бесчисленное количество мелких задач, от решения которых зависел успех; даже тут, под водой, Бену почудилось, что его бросает в пот.

— Поторапливайся, Дэви! — сказал он и испугался за мальчика.

Если он не сможет отсюда выбраться, Дэви ни за что не поднять в воздух этот «Бичкрафт». Самолет слишком стар и неподатлив, чтобы мальчику еще раз удался полет. Теперь жизнь Дэви целиком зависела от его собственной.

Тут он почувствовал толчок.

«Он его запустил!..»

Веревка натянулась опять; Бен испугался, что ее перережет о железный угол клетки. Здоровой рукой он отвел веревку в сторону. Бен был избит и исцарапан, но теперь, когда заработал мотор, к нему вернулась надежда.

«Он не отпустил тормоза»,— сказал себе Бен.

Если тормоза достаточно изношены, они сдадут... И внезапно что-то действительно дернуло...

Клетка запрыгала по дну, легла на бок, потом уперлась дном в стенку кораллового рифа и приподнялась — не совсем, но все же немножко приподнялась.

— Держи! — отчаянно закричал Бен.

Не обращая внимания на ушибы, он просунул здоровую руку сквозь прутья и стал подтягивать клетку к рифу. Веревка ослабела, Бен дернул ее вниз, закинул за выступ и кое-как привязал к одному из стальных прутьев.

Он явственно ощущал, с каким усилием работает клапан подачи воздуха. Взглянув на манометр, Бен увидел, что давление упало до десяти атмосфер,— он вбирал остатки воздуха.

Он стал толкать дверь, но, хотя клетка теперь и стояла, дверца не поддавалась. Клетку перекорежило, и дверца безнадежно заклинилась; Бен не в силах был выбить ее ни рукой, ни ногой.

Он снова беспомощно поглядел наверх.

— Пропал! — всхлипнул он. — Пропал!

Он чувствовал, что теряет голову, но когда опять увидел лицо мальчика — маску и темные глазницы,— все же сумел ему показать, что не может открыть дверь.

Только когда Дэви внезапно исчез, а затем снова появился уже ниже поверхности моря, на этот раз весь целиком, Бен испуганно огляделся, нет ли рядом акул.

— Не спускайся! — замахал он руками.

Дэви спускался с трудом. Он был слишком мал и легок для своего большого акваланга, но он все же добрался до клетки и вцепился в нее. Ах, как пригодился бы Бену воздух из этого акваланга! Но он продолжал лихорадочно оглядываться, нет ли поблизости акул.

Их было две; они дремали неподалеку, возле скалы.

Дэви судорожно дергал дверцу руками.

У Бена мелькнула мысль о напильнике, но он вспомнил, что в ящике с инструментом напильника нет.

Он больше ничего не мог придумать и уже почти не мог дышать. Он смотрел на Дэви в каком-то отупении; мальчик привязывал свободный конец веревки к двери клетки.

— Ну и что?

Дэви отчаянно заработал ногами, чтобы опуститься поглубже. Отец увидел, как он поплыл к скале, захватив все обрывки веревок. Акулы, лежавшие там, на дне, могли быть и людоедами; Бен с тревогой следил, как сын осторожно огибает выступ скалы, таща за собой связанные друг с другом веревки.

«Он решил использовать скалу, как блок»,— понял Бен, вдыхая остатки воздуха и ожидая, что каждый новый глоток будет последним.

Ему хотелось поторопить мальчика, но он знал, что нельзя этого делать.

Бен смотрел, как Дэви неуклюже проплывает прямо над спящими акулами. «Детей нельзя подвергать опасности,— с горечью подумал он,— даже если на карту поставлена твоя жизнь». Он не раз был преступником по отношению к сыну, полагаясь на то, что все обойдется благополучно. Ничто не обходилось благополучно. Жизнь — это ловушка, и нужно уберечь от нее мальчика, если только он выберется отсюда. Он будет оберегать сына от самого пустякового риска, от малейшего намека на опасность...

Бен глотал последний воздух из аппарата,

когда Дэви благополучно обошел круг и стал подниматься, зажав в руке веревку.

«Дай акваланг!» — жестом потребовал Бен.

Он показал на свой манометр и покачал головой; показал на акваланг Дэви, давая понять, что его нужно спустить как можно скорее.

Дэви кивнул.

Бен чувствовал, как при каждом вздохе дрожит и сопротивляется воздушный клапан.

Он напрягал теперь мускулы живота, вытягивая из баллонов последний воздух. Кружилась голова, и он не понимал, почему Дэви медлит. Дольше он не протянет, Бен это знал наверняка...

Акваланг опустился на веревке.

Бен вырвал изо рта загубник и потянул к себе сквозь прутья шланг второго акваланга. Прильнув лицом к прутьям, он сунул в рот новый загубник. Из аппарата пошел воздух, и Бен почувствовал прохладную струю с металлическим привкусом.

Но не слишком ли поздно? Он так измучился, что едва держался обрубком за стенку клетки, вцепившись здоровой рукой в шланг. Сознание в нем еле теплилось.

Он не заметил, как потянуло клетку вперед, пока она опять не зашаталась. Веревка, привязанная к дверце и закинутая за скалу, напряглась. От скалы отлетали куски мертвого коралла, рыбы кинулись во все стороны, проснулись дремавшие акулы.

Дэви снова запустил самолет, а тот тянул веревку.

Бен крепче сжал зубами загубник, судорожно хватаясь здоровой рукой за выступ рифа. Теперь он уже чувствовал, как туго натянута веревка. Острый коралл резал ему руку.

Все произошло сразу.

Рывком открылась дверца, лопнула веревка, Бен выпустил шланг акваланга, и его отнесло в сторону. Клетка накренилась, миг — и она упадет.

Оставалась секунда, чтобы выбраться через полуоткрытую дверь.

Сделав бросок, он почувствовал, как железо ободрало ему спину. Клетка опрокинулась, едва он успел из нее выскочить. Он заработал ногами, чтобы всплыть на поверхность, а легкие его, казалось, вот-вот разорвутся.

Но и сейчас Бена еще подстерегала смерть. Стоит ему забыть, что при подъеме нужно постепенно выдыхать воздух, давление в легких станет повышаться, и легкие этого не выдержат.

«Выдыхай, — повторял он себе, — потихоньку».

Он вырвался на поверхность, все еще со свистом выпуская воздух. И жадно вздохнул, чувствуя всем существом яркий свет, солнце и ветер.

— Скорей! — кричал Дэви; надев маску, он следил за тем, что происходит под водой.— Акула!

И вот тут Бена охватил ужас, такой ужас, который придает человеку нечеловеческие силы. Он стал бить руками и ногами и, словно на крыльях, вылетел за коралловую гряду, на мелководье.

Дэви помог ему выкарабкаться. Только тут Бен вспомнил о пустом акваланге у себя за спиной. У него едва хватило сил упасть на живот в нагретую солнцем воду у самого берега.

И все...

Бен лежал неподвижно в теплой воде. Сил больше не было. Дэви допытывался, как он себя чувствует. Но Бен только кивнул. Мотор продолжал работать. И, наверно, перегрелся.

— Выключи мотор! — выговорил он с трудом.

Мальчик зашлепал по воде. Мотор захлебнулся в надрывном кашле. Наступила тишина. Бен знал, что ему надо подняться, не то он не поднимется никогда.

Он отстегнул пряжки акваланга, пояс с грузом и выполз из своих доспехов. Поднявшись на ноги, он выбрался на прибрежный песок и снова растянулся, на этот раз на спине; каждая царапина, каждая ссадина на теле давали о себе знать.

И тут Бен понял, что он растратчик.

Это он понял. Ну, что ж, и то хлеб. Больше он никогда не станет рисковать жизнью малыша. В его годы смерть не страшна. Жизнь свою он и так уж растратил. Но ребенку нельзя умирать.

— Прости, малыш,— сказал он, глядя на сына.

Над ним наклонилось вытянувшееся, испуганное лицо ребенка. Вот-вот он увидит знакомый жалобный взгляд, услышит знакомый упрек.

— Здорово все это у тебя получилось! — с отчаянием произнес Бен.

Это было сущей правдой. Дэви никогда не навязывался со своими услугами, он не мастер угадывать чужие желания, и уж никак не скажешь, что у него душа нараспашку; но, когда мальчик подрастет, он будет незаменим в трудную минуту. Может быть, он пошел характером в отца, недаром они оба так цепко держатся за жизнь.

— Я оставил камеру...— начал было Бен.

Он сел. Камера застрахована, и никто не станет тужить о ее потере, но пленка, кадры с гигантским скатом стоили тысячу долларов.

— Ты туда не вернешься? — спросил Дэви.— Не вернешься?..

Бен знал, что у него хватит пороху туда вернуться, да, он сможет нырнуть, найти второй акваланг и спуститься с ним за камерой. Но чаша весов стала склоняться в другую сторону.

— Пожалуй, нет, Дэви...— сказал он.— Пожалуй, что нет...

Перевели с английского
Е. ГОЛЫШЕВА и Б. ИЗАКОВ.

ГЛАВНАЯ ТРУБА

О. ДРИЗ

Вы только представьте, ребята, себе:
Играет мальчонка на медной трубе!

Ему еще нет и тринадцати лет,
А он уж в военную форму одет.

Со звездочкой красной фуражка на нем,
Он в талии стянут солдатским ремнем,

И солнечный зайчик не сходит с сапог,
Знай прыгает, скачет с носка на носок.

Такого однажды я знал паренька.
История, братцы, его коротка...

Не просто тот мальчик играл на трубе.
Служил он горнистом, представьте себе!

Он с ясною зорькой дружбу водил,
Нас громким сигналом поутру будил,

В поход на ученьях солдат созывал,
Усталых потом собирал на привал.

Но все ему мало, представьте себе,
Хотел бы играть он на главной трубе!

Я спрашивал мальчика: «Это не та ль,
Что будит лесную безмолвную даль,

Чей звонкий услышав прерывистый звук,
Со страху роняет орех бурундук,

Что в бегство козуль обращает лесных,
Как листики, ноздри трепещут у них?

А может быть, та, что ведет за собой
Отряд пионеров к волне голубой,

Сзывает их вечером лунным к костру,
И плещется вымпел на ней на ветру?»

«Нет, нет!» — головою мотал паренек.
И впрямь, как иначе ответить он мог?

Хоть горн предложите ему золотой,
Все будет не то по сравненью с мечтой.

Одно лишь он знал достоверно о ней:
Всех горнов, всех труб она в мире главней.

Главнее трубы, что, в оркестре звуча,
Грозит оглушить самого трубача.

Главнее фанфар, что победно трубят,
В торжественный день возглавляя парад,

Чей голос певучий вся слышит страна:
Такая уж сила фанфарам дана.

Однажды — не так эти дни далеки —
Вдруг поднял горнист по тревоге полки.

В тот черный, навечно всем памятный час
Фашистские орды напали на нас.

Но так он, мечтатель, и не узнал,
Что значил его торопливый сигнал

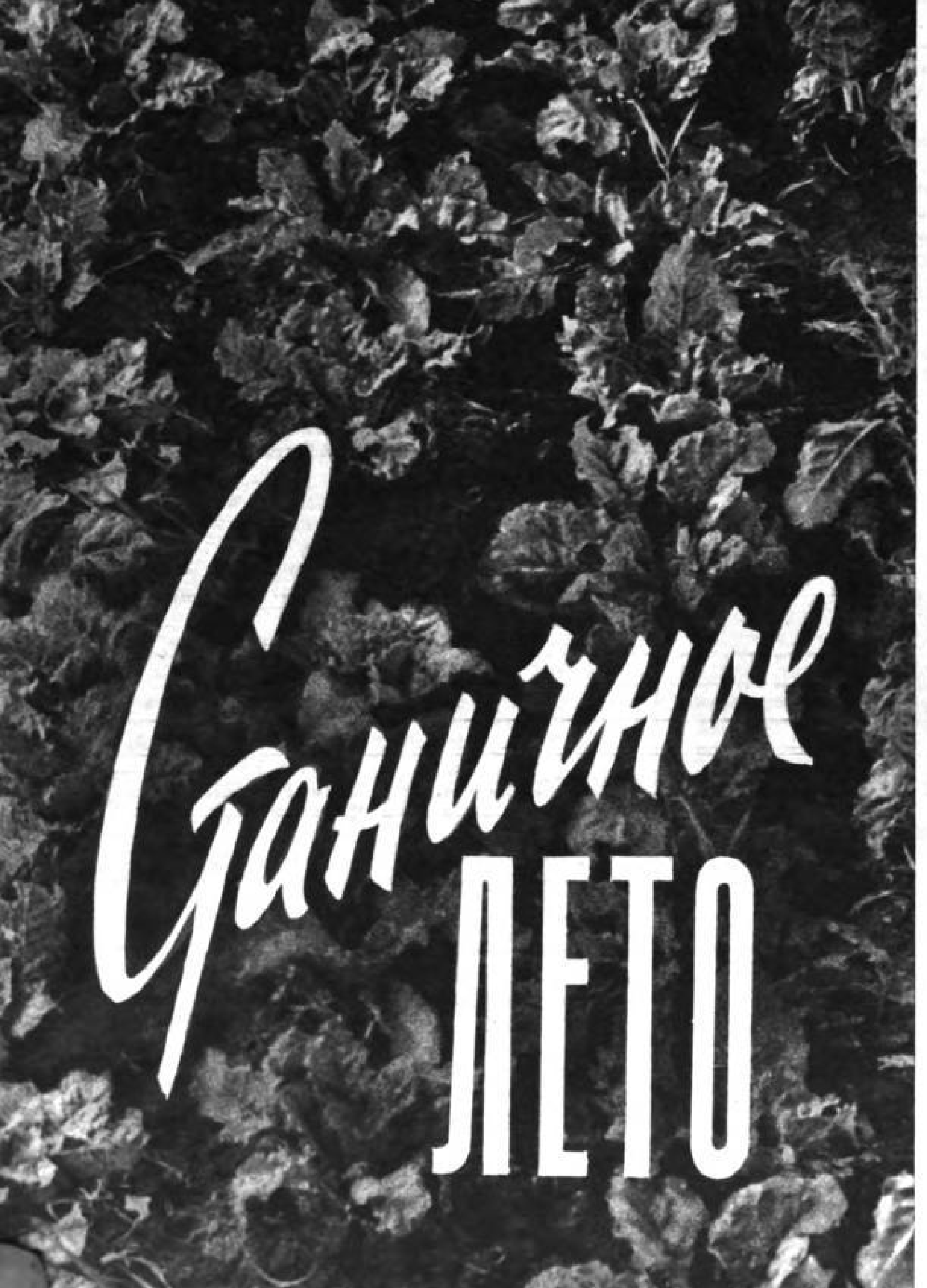
В тот час, самый трудный в народной судьбе,
Что тут и сыграл он на главной трубе!

Перевела с еврейского
Т. СПЕНДИАРОВА.

Георгий РАДОВ

Фото Ф. Коротневича.

Станичное лето

Эта свекла выращивается без затраты ручного труда. Затейщики этого дела — Герой Социалистического Труда П. Н. Стратиенко (справа) и агроном М. Т. Посевин.

У себя дома

Междупарье — раздумчивая пора. Посевная отшумела, уборочная впереди, и хотя и председатели и бригадиры поднимаются, как и весной, в четыре утра, и хотя уже в шестом часу из райкома несутся по проводам тревожные вопросы: «Как с молоком? Когда по пуду возьмете от коровы? А как с откормом? А с прорывкой свеклы? А с сенокосом? А с ранним силосом?» — все-таки в эту пору есть время для раздумья.

Вечером секретари Павловского райкома партии Николай Михайлович Архипенко и Антон Дмитриевич Красненко предупредили:

— Учти, завтра экскурсия.

Экскурсия?! Мне вспомнился горький урок, преподанный накануне старым знакомым. Человек этот — он председательствовал в одном из крупных колхозов Юга — постоянно был на колесах. Заберет десяток колхозников и мчится то в Зауралье к Мальцеву, то на Украину к Гиталову, то под Москву к Генералову, то за Ставрополь, то под Ростов, то в Рязань, то в Одессу. «И что тебе дома не сидится, Фома Никифорович?» — спрашивали его товарищи. «Как это, что? — удивлялся он.— А опыт? А новшества? А перспектива? Надо же изучать новое, передовое!» «Ну и изучай: есть же книги, плакаты, газеты». «Мало ли что! — отмахивался Фома.— Надо же своими глазами глянуть. Знаешь нашего человека? Пока своей рукой не пощупает — не поверит». И снова снимался с места и несся «щупать своей рукой» какую-нибудь новинку.

В районе не любили его, смеялись над его страстью, звали «Фома с перспективой», но наш брат, корреспонденты и всевозможные представители, души не чаяли в Фоме.

И вот минувшей зимой, как гром с ясного неба, пришло известие: колхозники турнули Фому с председательского поста за очковтирательство и развал хозяйства. Уже после объехал я наконец все бригады и фермы и нигде, ну просто-таки решительно нигде, не заметил в натуре ни малейшего следа новинок, «нащупанных» Фомой. И с горечью понял, что нам, верхоглядам, три года морочил головы хитрейший болтун, спекулируя на пропаганде передового опыта. И тогда-то подумалось: вообще-то нужны ли в наш век эти поездки в дальние края? Не слишком ли мы щедры, если потратили, например, несколько миллионов рублей на то, чтобы десять тысяч экскурсантов «пощупали своей рукой», как в пятигорском совхозе держат коров без привязи? Не проще ли было напечатать подробную статью об этом и разослать ее по районам? Неужто наши грамотные люди — председатели и зоотехники — не разобрались бы, в чем суть дела? Словом, после истории с Фомой охладела душа к экскурсиям. И вдруг снова экскурсия...

— Куда, Николай Михайлович?

— А никуда. По своему району.

— Гости будут?

— Да никаких гостей. Свои. Председатели, агрономы, районные работники...

Вот тебе раз! Да что же нового увидят друг у дружки колхозные председатели, если они встречаются едва ли не каждый божий день?

Увидели!

Рано утром вереница «Волг», «Побед», «Москвичей» и «газиков», провожаемая громким собачьим лаем, вынеслась из районной станицы. А возвращались в сумерках. Спидометры беззвучно дощелкивали третью сотню километров — велик район! И председатель колхоза «Комсомолец» Павел Петрович Диденко сказал озадаченно:

— Вот тебе и у себя дома...

Да, это было почти непостижимо: «у себя дома» мы увидели не просто много хорошего, а если можно так выразиться, самоновейшее новое, которое вряд ли отыщешь и за тридевять земель.

В степи за станицей Новопластуновской мы увидели свеклу, посеянную квадратным способом. Правда, человек городской, может, и миновал бы это поле: «Подумаешь, квадраты! Теперь мода такая». Но мы стояли над этой свеклой в торжественном молчании. Сколько поколений русских и украинских крестьян мучились, теряли здоровье и силы на свекловичных полях! Так было и в колхозах: на кукурузу, на подсолнухи властно ступили машины, а свекла никак не поддавалась полной механизации. Под ее семена — бесформенные косматые комочки — нельзя было настроить квадратно-гнездовую сеялку, да к тому же каждое семя было многоростковым, оно производило на божий свет до дюжины растений. И свеклу сеяли сплошным рядком, а потом прорывали: женщины едва не ползком, в кровь раздирая колени, выщипывали ненужные растения. Где-то на Украине вырастили уже одноростковую свеклу, но Кубань ее не имела...

И вот оно, поле, засеянное по-новому. И свой доморощенный агроном Михаил Посевин, молодой загорелый мускулистый хлопец, вчерашний прицепщик. Жалея силу и красоту станичниц, он механически расщепил многоростковые семена свеклы, откалибровал их, высеял, дождался всходов, а когда женщины, как и обычно, в наколенниках явились в поле, они ахнули от удивления: свекла не нуждалась в прорывке! Экономисты тотчас же прикинули: впятеро сократились затраты труда на обработку гектара...

Потом мы вторглись в мясомолочный цех района, и на ферме колхоза «Путь к коммунизму» увидели «елочку». Да, да, ту самую знаменитую доильную площадку, о которой полгода говорят животноводы страны, но которую я до сих пор так-таки и не видел в натуре. Даже пятигорцы, даже они, затейщики беспривязного содержания коров, до конца мая еще не освоили «елочку». А тут, «у нас дома», она действовала: рослый

дояр, не нагибаясь, ходил по траншее и цеплял на коровьи соски доильные приспособления, похожие на небольших осьминогов. Он доил один уже шестьдесят коров, а когда буренки окончательно привыкнут к «елочке», он будет доить сто двадцать...

Затем, отмахав три десятка километров, мы оказались у степной речки, и Павел Петрович Диденко показал, как можно «вернуть свинью в ее первобытное состояние». Клочок берега огородили забором, по-над ним поставили кормушки с молотой кукурузой, а на берегу, и в камышах, и в воде, хрюкая от наслаждения, нежились полторы тысячи свиней. Правда, они были грязны. Они вовсе не походили на тех розовых, нежных киносвиней, что снимаются в цветных фильмах. Но дьявол с ним, с розовым цветом, была б свинина! В «первобытном состоянии» — на свежем воздухе, у воды — свиньям было привольно, здорово, и, как показали контрольные весы, они великолепно набирали мясо. А главное, устройство этого «откормочника» решительно ничего колхозу не стоило, а один свинарь шутя управляется со всем стадом. Я глянул вдоль речки и прикинул: да сколько же миллионов свиней можно откормить за лето и на юге и на севере и у сибирских озер и речек! Откормить, не возводя никаких построек, и сдать осенью на мясокомбинаты...

И, наконец, еще тридцативерстный бросок — и у станицы Веселой нам показали, как телята сосут коров. Сосут они, в общем, не оригинально, так же, как сосали и при Иване Калите, и я никак не мог взять в толк, почему ученые-зоотехники окрестили это натуральнейшее сосание «новым» подсосным методом. Единственно, о чем думалось, глядя на этот «метод», так это о том, какой ученый-умница четверть века назад отучил от него колхозы и приучил их выпаивать телят из ведра. Это был какой-то дурацкий акт недоверия к теленку, и слава богу, что нашлись разумные люди и снова подпустили телка, и не одного, а трех — четырех к уготованному им природой материнскому вымени...

Пока ездили, пока смотрели, пока обедали, я искоса наблюдал за Иваном Исаевичем Гармашем. Его, председателя крупнейшего в Краснодарском крае и лучшего в районе колхоза «Советская Россия», как-то обошли в этот день. Человек гордый, он не выказывал обиды, только попросил секретарей райкома: «Да поедемте же к нам на сенокос». И вот мы с жадностью вдыхаем ни с чем не сравнимый сладостный запах привядшей люцерны и смотрим на остроумную технологию уборки сена вовсе без ручного труда. Верткие маленькие тракторы с толкающими волокушами гребут сено, везут его к скирдам, скирды растут, а в поле пусто: ни смеха, ни песен... Два тракториста за день убирают скошенное сено с пятидесяти гектаров.

И это все «у себя дома»...

Поздним вечером я сидел на крылечке, вслушивался в долетающий из садов птичий гомон и пытался соединить воедино видения этого богатого дня, нанизать их, как рыбу на кукан, на одну ниточку...

Нет, конечно, экскурсия затеялась не с бухты-барахты. Новинки готовили исподволь. Не полагаясь на «за тридевять земель», райком «у себя дома» выдвинул вперед группу разведчиков. Каждый колхоз, сообразуясь с уже накопленным опытом, испытывал что-то свое, чтобы в случае удачи распространить его повсеместно.

Все шли по нехоженому. Накануне я видел «елочку» в первый день ее жизни, и, господи, какой же гвалт стоял на ферме! Коровы упрямились, их били палками, тащили за рога, и уже кто-то махнул рукой: «А хай ей грець, той елочке! Сто лет без нее доили». Я видел, с какими сомнениями обращали свиней в «первобытное состояние»: а вдруг налетит ортодокс-зоотехник, да составит акт, да потом влепят «строгача» за то, что свиньи в грязи! Я видел, как Михаил Посевин, милый, умный Посевин, чуть было не оступился. Налетел-таки на него ортодокс-агроном из краевого города, наорал, и остолбеневший Посевин уже было нарядил женщин с тяпками на свеклу, посеянную специально для тракторной обработки. У парня была смелость, но не хватило выдержки.

Да, шли по нехоженому и искали, искали. И в поисках раскрывались характеры, наклонности и таланты.

Наутро Архипенко спросил у меня:

— Ты узнал Петра Никитича?

Нет, признаться, я не узнал Петра Никитича Стратиенко, председателя колхоза имени Калинина. Герой Социалистического Труда, он на совещаниях держался в тени, и хотя люди знали, что он хозяин рачительный, но считали его человеком чересчур уж уравновешенным, далеким от всяких страстей и волнений.

Он показал нам поля. Председатели — народ ревнивый, но и они, глянув на калининские поля, согласились, что это не просто хорошие, а отменные. Блеск агротехники, доведенной до полного совершенства! Если уж квадраты, так идеальные квадраты! Если уж рядки, так по струнке! Если уж культиваторы, то со следоуказателем и набором острейших бритв! Настроенные с точностью до миллиметра (да, да, уже миллиметры пошли в ход в сельском хозяйстве!), они рыхлили все междурядье от растения до растения. Если уж дороги, так без зеленых обочин, опаханные так, что «на развод» не оставлено ни единого сорняка. Если уж земля, то разделанная в пух. Район долго обходили дожди, а тут все еще была влага — ее берегли с осени.

И вот Стратиенко заговорил обо всем этом, и все притихли, все заметили, что этот тихий человек одержим неукротимейшей страстью — любовью к земле. Он говорил: «Если оставили с осени гребнистую поверхность,— влага уходит тоннами. А если прикатали,— как дверь захлопнули». Он говорил: «Теперь у нас такие машины, что можно землю обрабатывать художественно».

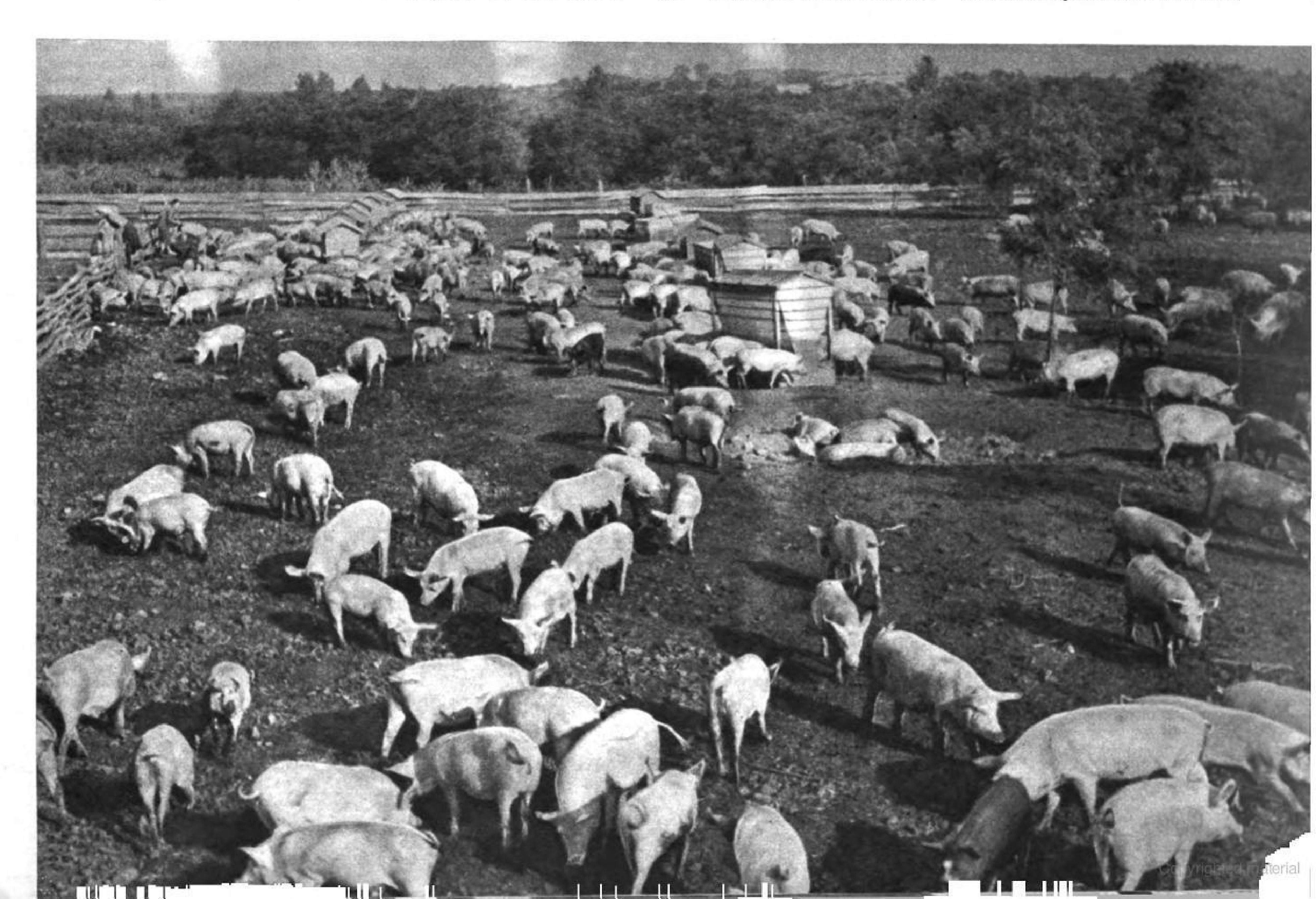
— Художественно?! — вполголоса повторил кто-то, явно не ожидая услышать это слово от будничного с виду председателя. — Поэт!

Таким нам открылся Стратиенко.

— А Козлов? — спросил Архипенко.— Ты узнал Козлова?

Нет, и Ивана Александровича Козлова я не узнал. Четыре года тому назад он, стройный темноволосый красавец в сером желез-

Свиньи в «первобытном состоянии».

нодорожном кителе, несколько растерянный, стоял перед настороженным колхозным собранием. Было заметно, что люди не верят в него, не верят в то, что он, горожанин, деповский инженер, поведет крупную кубанскую артель. И кто-то крикнул сзади: «А вы к нам надолго? Жинку-то привезете?» И выбрали его, больше полагаясь на авторитет райкома. Тогда мы провели с ним ночь в одной хате, и он долго не спал, ворочался, вздыхал, жаловался: «С людьми-то я полажу, ну, а знания? Ни черта же не смыслю в сельском хозяйстве!» А вчера этот Козлов показывал нам «елочку» и так уверенно толковал о ней, так щедро пересыпал речь специальными терминами, что приезжая корреспондентка спросила у меня: «Это кто? Зоотехник?» А когда я напомнил ему о былых сомнениях, он пожал плечами: «Что ж, знания — дело наживное».

Таким нам открылся Козлов.

— Вот что, Антон Дмитриевич,— сказал Архипенко, обращаясь к Красненко, секретарю, ведающему сельским хозяйством.— Теперь надо биться, чтобы все эти новинки пошли в ход по району! А на осень будем готовить еще одну серию новинок. Пускай опять каждый колхоз испытает что-то свое. И учти, Гармаша надо особо нагрузить! Колхоз сильнейший, человек гордый. Он на самолюбии вытащит любое новое дело.

— А направление? — спросил Красненко.

— То же самое: будем бить в одну точку — простота, дешевизна, экономичность, снижение трудовых затрат...

О пище духовной

Накануне в Кореновском районе, точнее, в станице Плантировской, мы с председателем П. М. Третьяковым поехали на свиноферму. Председатель спешил. У него были дела в полях, и на ферму он заскочил, что называется, на минутку. Но он все-таки заглянул в корпуса, полюбовался на поросят, почесал за ухом у огромного, слоновьей стати хряка.

— Вот так всегда! — с горечью сказал молодой широкогрудый парень, когда председательская машина скрылась из виду.— Всегда так: на свиней полюбуется, а с людьми не поговорит...

— Но ему некогда! — вступился я за председателя.

— Всегда ему некогда! Было у нас собрание, чуем, под окна машина подошла. Дверца хлопнула, а никто к нам не заходит. Полчаса минуло, опять сигнал: уехали... А потом сторож рассказывал: был, мол, председатель, все корпуса обошел, все кормушки проверил. Ох, как мы обиделись! Понимаешь, свиные кормушки проверил, а на собрание не зашел! А мы б ему высказали! Сто человек на ферме, а душа нет, бани нет, где помыться после работы? И столовой нет! Еще хорошо семейным, берут из дому провизию, хоть и всухомятку, а пища. А как нам, одиноким? Еще не обидно — был бы бедный колхоз, а то сорок раз миллионер! Богатейший на Кубани, тысячу раз председателя в газетах хвалили: хороший, мол, руководитель. Да разве ж это хороший? Для хозяйства он, может, и дельный, а для людей?

И у павловцев не все ладно с бытом. Правда, в бригадах и на фермах строятся добротные общежития, везде есть столовые, но в районной станице с многотысячным населением и по сей день нет бани. Недавно достроили просторное двухэтажное здание для... канцелярии: чуть не каждый сотрудник райисполкома получил по кабинету. А районная больница ютится в крохотном ветхом строеньице. И никому не приходит в голову, что, ей-же-ей, лучше стеснить канцелярию, а просторный дом отдать больнице...

Да, быт заботит людей, но только ли быт?!

Рассказали такую историю. На ферме служила доярка. Старательная, аккуратная, но очень уж тихая и скупая девушка. Девчата звали ее монашкой. И вдруг «монашка», что называется, развернулась. На мотоцикле примчался на ферму какой-то хлопец в клетчатой ковбойке, подсыпался к девушке, и вскоре прошел слух, что она забирает с книжки все свои деньги — около двух десятков тысяч рублей — и уезжает с мотоциклистом на Дальний Восток. Ее отговаривали. Ей толковали, что хлопец, судя по всему, ненадежный, ветреный, и бог его ведает, откуда и зачем залетел он в станицу. Не послушала. Бросила работу. Уехала. А недавно вернулась в одном платьишке: мотоциклист до копеечки пропил ее трудовые тысячи, пустил по миру, бросил...

У нее стали допытываться: почему уезжала? Любовь?

— Какая там любовь! — с тихой яростью возразила доярка.— Надоело тут жить, захотелось глянуть в свет широкий. Ну и поехала. Что мы тут видим на ферме? Коров? Быков? Про что слышим? Про молоко? Только и радость, что хорошо платят.

Месяц я прожил в станице, и весь месяц вокруг звучали голоса об этом же: о пайке пищи духовной.

Приезжаем в бригаду, на ферму, на дальний хутор. И те самые люди, что еще вчера жаловались на небогатый трудодень, сегодня атакуют:

— Да когда же нас в театр повезут?

— Хоть бы концерт какой-то...

— А детей? Детей будем учить музыке чи не будем? Что, наши дети хуже, чем городские?

Разговорился со знакомым бригадиром. Упрекнул его: мало, мол, вы даете колхchampionship колхознику культурных благ.

— А мне самому их что, пудами отпускают? — обиделся он.— Мы-то что получаем, руководящая часть? Вызовут в колхоз на совещание... Прополка, уборка, случка, сенокос, опорос — вот тебе и вся повестка дня. Вызовут в район, опять тем же строем: прополка, уборка, случка, сенокос, опорос... Ну, редко-редко лекцию прочитают про международное положение либо про семилетку. И все! А для общего развития?

— А что вам нужно для общего развития?

Он замялся:

— Вот видишь, и не скажу толком, что нужно. Отстал, ничего не поделаешь. А нужно! Нельзя же на свете жить одними опоросами. За работу с нас во-от как спрашивают,— провел он по горлу ребром ладони.— А что нам дают? А где время? Прокинешься в четвертом часу с петухами, и аж в первом часу ночи до кровати доберешься. Какая же тут бисовому батьке культура? И секретарь райкома так работает и председатель колхоза. В пятом часу встречаешь их в бригада и в полночь не ложишься: не дай бог застанут сонного, оконфузят. Пережиток это, по-моему! Отставало сельское хозяйство, и были мы все тут: и средний комсостав и старший комсостав — на казарменном положении. В ночь-полночь подымали друг дружку: лети в степь... Но зараз-то дела настроились, можно бы по-другому работать,— нет, привычка! Спытай у нашего председателя: давно он книжку в руках держал? Гарантию даю, с самого отпуска не держал. И я тут как-то вечером дорвался до книжки, чую, машина подошла: председатель. Я книжку под стол, не дай бог, думаю, заметит, скажет: «Ах, сукин сын, развлекаешься, а сено не скирдовано». Вот тебе и культура! И я под начальство подстраиваюсь. Вижу, свинарка одна, десятиклассница, книжку держит. «Ты что читаешь?» «Роман, Иван Васильевич». «Ты б лучше брошюру по свиноводству проштудировала, а то роман...» Не-ет, если ты хочешь дознаться, почему у нас так урезан культурный паек, так ты подымись-ка повыше.

Я поднялся повыше, в райком, к Николаю Михайловичу Архипенко. Он сказал:

— Есть простой ответ: плохо еще работаем с народом. Много от людей требуем, а им мало даем. Но давай-ка копнем поглубже! Взвесь-ка, чем располагает район. Соответствует ли, так сказать, наша культурная база запросам людей?

Взвесили. База оказалась как база. Кинотеатры, библиотеки, районный Дом культуры, колхозные клубы, свои и заезжие лекторы. Ассортимент ничем не хуже, чем у соседей.

— Какой там ассортимент! — живо возразил Архипенко.— Вот позвонят из колхоза, попросят лектора по агрономии или механизации, пожалуйста, хоть десятерых дадим. Есть кадры! А если попросят хорошую лекцию, допустим, о новостях науки, либо о химии, либо о театре, о литературе, о живописи? Если потребуют на хутор преподавателя музыки? Художника? Кого я им пошлю? А кто самодеятельностью руководит? Самоучки, любители... Нет, далеко нам до полного ассортимента культуры! А глянь, чем районная станица богаче обычных станиц в смысле культуры? Что мы имеем, так сказать, для общерайонных нужд? Плохонький районный Дом культуры с небольшим бюджетом? Эх, если б в районе иметь крепкую культурную базу, тогда колхозам легче помогать... Если б иметь!

Так, с этого страстного «если б иметь», и начался большой районный разговор о пище духовной. Он разгорелся в райкоме, затем продолжался в бригадных станах, в колхозных конторах, на сессии районного Совета и, наконец, завершился одной фразой: нужен, как воздух, нужен району межколхозный центр культуры и искусства.

Почему межколхозный, а не просто районный? Да потому, что колхозы сейчас не только пашут и сеют, а что ни день, то больше становятся хозяевами всей жизни районной. Все чаще и чаще видишь в станицах новостройки, в которых колхозный рубль накрепко побратался с рублем государственным. Высятся новые школы — их построили на колхозные деньги, а содержит их государство. Посреди станицы бассейн для плавания — и он сообща устроен колхозами. В Анапе, на морском берегу, затеян пионерский лагерь — и в нем колхозные деньги. Открыли консультационный пункт сельскохозяйственного института, набрали заочников, понадобилось здание, и его опять-таки на паях строят колхозы, и уже заложили фундамент. Словом, прошла пора, когда председатели шли в район со словом «дайте», теперь это слово чаще произносят районные работники. И когда зашла речь о районном центре культуры, прежде всего подумали о колхозах. Прикинули, что ежегодно колхозы тратят по триста, а то и по пятьсот тысяч рублей на культурные нужды, и огромные эти деньги частенько растекаются по мелочам и, как говорится, не дают «должного эффекта». И возникла мысль: а не объединить ли силы и средства колхозов, чтобы создать базу культуры, которая бы служила для всего района?

Вот за что особенно люблю я этот район: сказав «а», тут тотчас же говорят «б». Не успел развернуться разговор о культуре, как уж был создан межколхозный совет культуры из колхозных председателей, секретарей партийных организаций, видных интеллигентов. И колхозники решили отчислять на счет этого совета по одному проценту из артельных доходов.

И уже намечено, что именно будет делать и кого содержать межколхозный совет. Ну, разумеется, при нем будет районный университет культуры, и народный театр с опытным режиссером, и еще режиссеры для колхозных кружков самодеятельности, и ансамбль песни с опытным руководителем, и районная музыкальная школа для взрослых, и детские музыкальные школы в колхозах, и консультационный пункт сельскохозяйственного института, и межколхозный центр переподготовки кадров...

Я вспомнил про «общее развитие руководящей части», о котором толковал мне бригадир, и спросил: а чем ему, бригадиру, поможет межколхозный центр культуры?

— Думаем так,— сказал Архипенко.— Выстроим институт, подберем лекторов и вызовем группу бригадиров, доярок, свинарей, заведующих фермами — лучших наших тружеников и самых занятых людей — сюда, в район. Вырвем их из будничной обстановки этак месяца на три — четыре и будем учить.

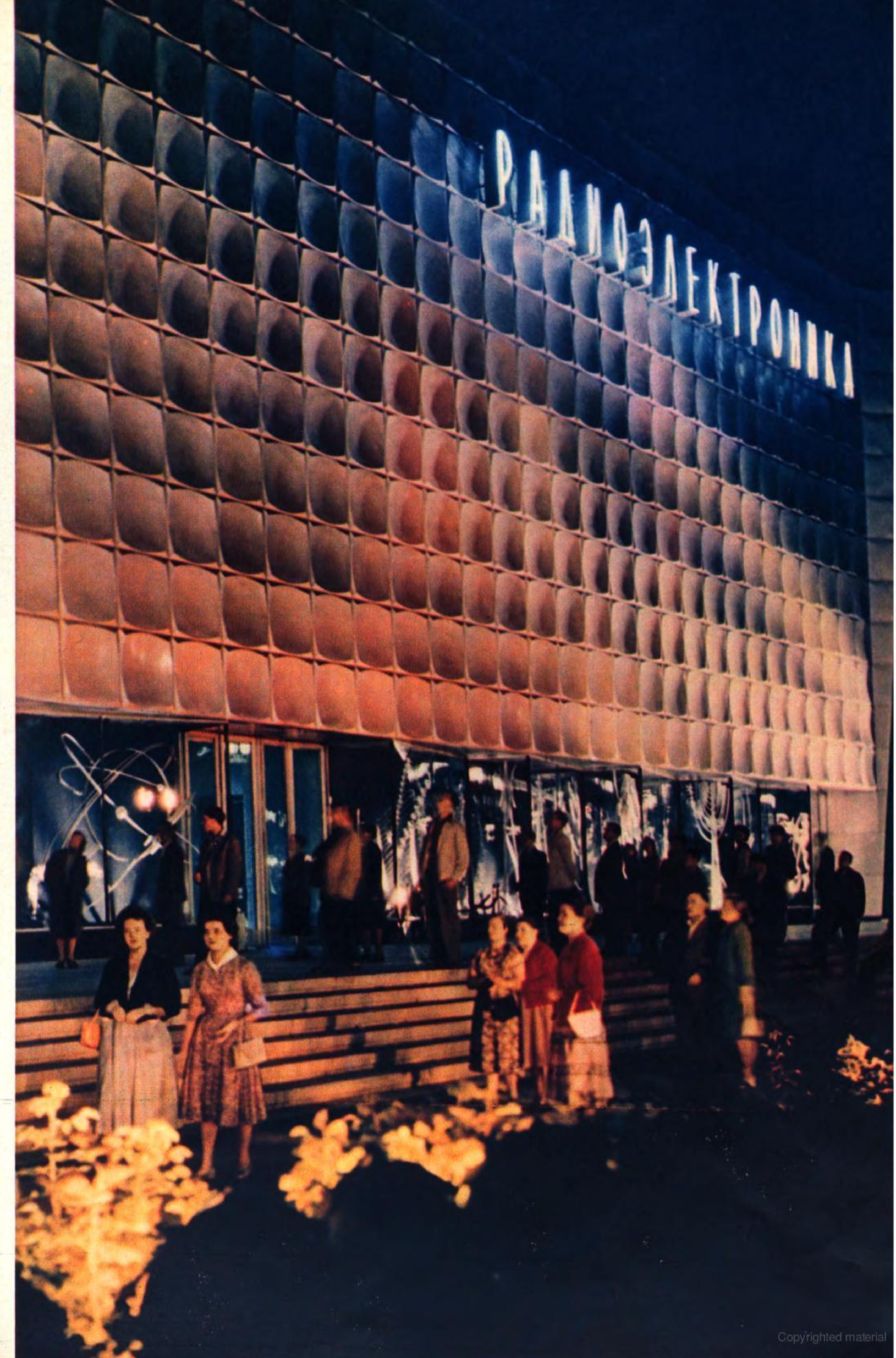
— Чему? Агрономии? Зоотехнике?

— Нет, не в этом смысле. Дадим им какую-то сумму знаний, так сказать, по основам культуры. Ну, скажем, лекции по истории, по международным отношениям, о достижениях науки, о литературе, музыке, живописи. Поездки в театры, экскурсии... Пусть пошире взглянут на мир! Пусть толкнут свое «общее развитие»...

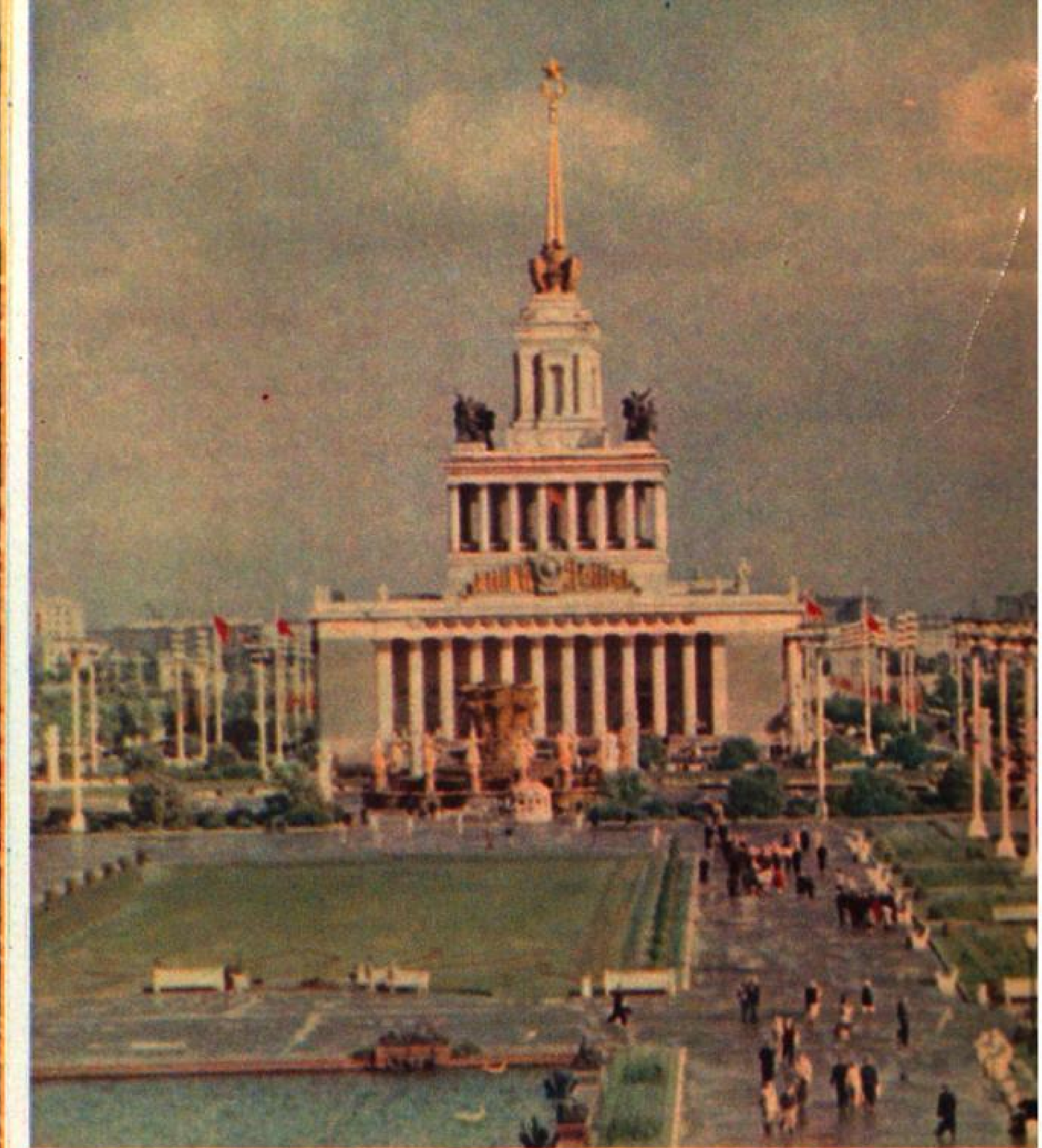
Долго искал я слово, которым можно было бы обозначить общее впечатление о нынешнем лете в среднем районе Кубани. И пришло на ум, что самое верное слово — «ищут». Ищут новое, передовое, полезное. Разведка брошена по всем направлениям...

ВЫСТАВКА ДОСТИЖЕНИЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Фото Б. Кузьмина, В. Тарасевича и Е. Умнова.

Павильон «Радиоэлектроника».

← У главного входа.

Установка для холодного гнутья труб.

Площадь Дружбы народов.

Новые автобусы и грузовики.

Машины для сельского хозяйства.

Каждому любопытно увидеть себя на экране телевизора.

Павильон «Атомная энергия в мирных целях». Здесь демонстрируются модели действующих атомных электростанций и реакторов.

В павильоне «Московская область».

НА СТЫКЕ ТРЕХ ГРАНИЦ

Среди густого леса — полянка. В зелени травы щедро разбросаны розовые пирамидки иван-чая, венчики ромашек, голубые капельки незабудок и огоньки гвоздик. Журчит ручей, скрытый от глаз зарослями ольхи.

Недавно лесная тишина была нарушена многими голосами, торжественной музыкой оркестра.

На полянке, где сошлись государственные границы трех республик — Российской Федерации, Белоруссии и Латвии,— после многолетней разлуки встретились партизаны Отечественной войны. Иные пришли сюда из окрестных деревень, иные проделали долгий путь из Москвы, Минска, Риги, Витебска, Ленинграда, Полоцка...

Семнадцать лет тому назад несколько южнее стыка границ, у белорусской деревни Лисна, партизаны белорусской Освейской бригады завязали бой с оккупантами. Фашисты оказались сильнее и одолевали народных мстителей. Но тут вперед вырвались пулеметчики белорус Василь Равинский и латыш Имант Судмалис. Они повели ожесточенный кинжальный огонь. Операция закончилась в пользу партизан.

Сражались в белорусской бригаде имени Фрунзе и латыши. Бок о бок с ними бились великолукские отряды партизан России. Летом 1942 года отдельные группы латышей, сражавшиеся в рядах белорусских бригад, организовались в свою латышскую бригаду, которую возглавил нынешний министр просвещения Латвийской ССР Виллис Петрович Самсон. Вскоре партизанские отряды разгромили вражеский гарнизон. В этом бою отличились многие, в том числе белорусы Петр и Григорий Лукашонки, латыш Имант Судмалис (впоследствии Герой Советского Союза), казах Галим Ахмедьяров.

И вот почтить память лучших сынов России, Белоруссии и Латвии, павших в тех сражениях, и собрались спустя семнадцать лет боевые друзья на стыке границ трех республик.

Возродив добрый старый обычай, насыпали высокий курган и на вершине его посадили дуб дружбы. Высадили по нескольку стройных деревцев и у подножия кургана. Россию олицетворяют клены, Белоруссию — березки, Латвию — кудрявые липы. На три стороны от кургана проложили прямые просеки-дороги. Там, где лесные аллеи пересекают ручей, перекинули легкие мостики с перилами.

Прах погибших партизан перенесен в братскую могилу. В белорусской деревне Лисна открыт памятник погибшим героям.

Партизаны решили собираться здесь каждый год в первое воскресенье июля. Кто сможет, приурочит к этому времени свой отпуск, приедет с семьей. В окрестных деревнях, заново отстроенных после войны, есть где разместиться. Пусть на примере партизанской дружбы будет воспитываться молодежь.

А. ДИТЛОВ

На снимке: У партизанского костра на стыке границ трех республик.

Фото автора.

КЛЯТВА В УЩЕЛЬЕ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Рудольфу Маречеку

— Слушай, а я понравилась им?

— Еще чего! Разве такие курносые нравятся?

— Нет, я говорю серьезно! Ведь это твои отец и мать...

— У отца такой характер, что он не любит говорить попусту. И я тоже.

— Вот видишь, какой ты! А мне все-таки кажется, что я им понравилась. Твоя мама мне сказала: «Возьмите, Саша, этот пирожок, он вкусней...» И так на меня посмотрела...

— Поцелуй меня, Саша...

— Что ты, сюда идут!

— Наверное, такие же, как мы. Поцелуй меня. Еще.

— Смотри! Какой удивительный камень!

— О чем ты думаешь, когда я тебя целую?

— Нет, ты пойди сюда! Видишь, что вырезано на камне: «26 июня 1952 года годовщина нашей свадьбы. Мы вместе»! Как удивительно, правда?

— Это не вырезано, а высечено. Тут недалеко лагерь альпинистов.

— Ну, я не знаю. И вот видишь, рядом еще: «26 июня 1955 года годовщина нашей свадьбы. Мы снова здесь вместе».

— Ты лучше прочти вот здесь.

— Это я не могу прочесть. Это на каком-то языке, которого мы не учили. А вот справа... Смотри, что справа: «26 июня 1957 года день нашей свадьбы. Мы вместе, мы любим друг друга». Ох, как это замечательно! Как замечательно так любить!..

— Никто никогда не любил так, как я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя...

— Мне кажется, что я любила тебя всю жизнь, только раньше не знала... Слушай, мы придем к этому камню через год? Как они?

— Я люблю тебя!

— Сумасшедший! Честное слово, мы оба сумасшедшие. Я же говорила, что сюда идут...

И тут камни и щебень с шелестом осыпались из-под моих ног; я вышла к концу тропы, ведущей из ущелья.

Там была поляна, вся в красных маках и подвижных солнечных пятнах. Посреди поляны лежал большой камень, круглый, как стол. На нем сидела девушка в ситцевом платье и тапочках; нежное лицо ее было, как золотым дождем, осыпано веснушками. Рядом стоял молодой человек в очках, с выгоревшими от солнца волосами; на нем были клетчатая рубашка и спортивные шаровары, за плечами висел рюкзак. Завидев меня, оба они взметнулись, точно стрижи, и зашагали к ущелью. Спустя несколько минут густой и протяжный гул бегущей воды заглушил их голоса.

Я осталась на поляне одна.

Помедлив, я подошла к камню. Глубоко врезанные буквы были наполнены непросохшей дождевой водой. В каждой капле отражалось небо, и строчки на камне блестели и казались голубыми. Медленно, слово за словом, читала я слова о любви, поведанные камню, ветру и далекому гулу реки.

Пролетел ветер, капли на камне задрожали и вспыхнули. «Мы вместе, мы любим друг друга...» — прочла я вслух и смутилась, словно выдала чужую тайну.

Я медленно водила рукою по камню, ощущая под ладонью его живую теплоту. Далеко впереди синели дуги хребтов Тянь-Шаня. Голубой жук, сложив крылья, как парашют, упал рядом со мной. В ветвях застонала горлинка; закачалась, зашелестела трава, раздвигаемая невидимым маленьким путником. И где-то в ущелье, заглушая все звуки природы, глухо, торжественно, непрестанно гудела и билась вода.

К концу дня я оказалась в Пржевальске. Это был кудрявый от зелени городок, лежащий недалеко от озера. По тенистым улицам мчались грузовики; в них среди приборов, ящиков с продуктами и спальных мешков сидели, стукаясь друг о друга, загорелые люди: то ехали в дальнюю экспедицию геологи.

Первый же мальчишка, встреченный на улице, привел меня к дому-музею великого путешественника. Долго стояла я перед шкафом, за стеклами которого белели страницы его дневников. Слова приказа Пржевальского о начале путешествия в Тибет звучали у меня в ушах, как далекая походная труба.

Когда я вышла из музея, небо вдруг потемнело.

Быстрые свинцовые тучи, клубясь, катились из-за гор. Рванулся ветер, деревья дрогнули, и по улицам пролетел тревожный, шелестящий говорок листвы, который бывает предвестником бури. Где-то стукнуло и покатилось пустое ведро, пронеслись сорванные ветром куски бумаги. Хозяйки, выскочив из домов, снимали развешанное на веревках белье.

Я прибавила шагу, но ветер толкал меня в грудь, забивая дыхание. На улице стало так темно, будто наступил вечер. Гром проворчал и замер. Теперь я уже не шла, а бежала, сама еще не зная, куда. В городе у меня не было крова. Но все: свист ветра, дрожь листвы и эти бешеные свинцовые тучи, несущиеся прямо на город,— все, как в детском сне, гнало меня к людям, под их защиту, под чей-то добрый кров.

Я бежала по пустынной улице, задыхаясь, борясь с ветром. Вдруг тучи треснули, разрезанные пополам слепящей кривой молнией, и в ту же минуту ударил гром такой силы, будто обвалилась половина горного хребта. Человек, который однажды был застигнут грозой в Киргизии, знает, что это такое. Это потоки воды, которые размывают дороги в горах, обваливают утесы, вырывают с корнем деревья. Дождь хлынул — и в течение нескольких минут я стала такой мокрой, будто окунулась в озеро. Я бежала среди потоков воды,

вдоль чужих калиток и заборов, за которыми метались мокрые деревья. В это время впереди мелькнуло крыльцо. Под ногами глухо простучали мокрые ступеньки, и я оказалась под кровлей.

Это было высокое чистое крыльцо с белым, выскобленным полом и крепкой крышей. Над входом торчали рога горного козла. Я стояла, прижавшись к стене; с волос и платья текли струи воды, как у русалки.

В это время дверь позади открылась, и я чуть не упала в теплую глубину передней.

На крыльцо вышел невысокий седой человек в клетчатых матерчатых башмаках. У него были безмятежные, светло-голубые глаза. На краснощеком лице торчал упрямый, облупившийся от загара нос и крепкий, хорошо выбритый подбородок. Высокий воротничок рубашки свободно охватывал морщинистую сильную шею.

Это был очень пожилой человек, пожалуй, даже старый. Но его осанка, развернутые плечи, крепкие, как корни, руки — все выдавало в нем ту здоровую, неутомимую стариковскую силу, которой могут позавидовать и в молодости.

— Заходите, заходите в дом, пожалуйста...— сказал он, и что-то в его интонации поразило меня. Она была как бы не прилажена к тем словам, которые он произносил: так порою на человеке топорщится сшитое не на него платье. И вместе с тем мягкая ее певучесть была приятной и знакомой, будто недавно звучала в моих ушах.

— О, что вы...— пробормотала я, отряхиваясь, и на моего хозяина полетели брызги.— Видите, какая я мокрая. Я у вас в доме все затоплю...

— Ничего! — ответил он добродушно.— Не утонем. Заходите, вам надо обсушиться.

Переступив порог, я оказалась в передней, а затем в небольшой комнате со светлыми стенами. У окна стоял письменный стол; высушенные, связанные пучками травы лежали на нем вместе с книгами и тетрадями. Сильно и чисто пахло тмином. На столе, как вечером, горела лампа.

— Мария Терентьевна! — крикнул хозяин, и в комнату вошла женщина.

На ней были такие же клетчатые башмаки и холстинковое, стянутое кожаным кушаком платье. Русые с сединой волосы были коротко подстрижены, и в них заткнута круглая гребенка. Морщинистые щеки покрывал загар. Весь ее облик, походка, движения, даже старомодная гребенка напоминали старых петербургских курсисток, какими так часто до седых волос оставались русские земские врачи.

— Знакомьтесь. Моя жена, — представил хозяин.

Мария Терентьевна наклонила набок голову и вдруг стала очень похожа на мужа, как часто бывает у супругов, проживших долгие годы вместе.

— Ловко это вы успели...— сказала она, с интересом оглядывая мое мокрое, прилипшее к бокам платье.

Через пять минут я уже сидела за столом, одетая в байковый халат Марии Терентьевны и огромные шлепанцы, и пила горячий чай.

— Давно приехали? — спросил меня хозяин.

— Приехала? — удивилась я. — Почему вы решили?

— Когда живешь в одном городе больше тридцати лет, то знаешь всех. — Он засмеялся.— И все, в общем, знают тебя.

Мария Терентьевна поставила на стол домашние хлебцы.

— С тмином! — Хозяин разломил хлебец. — Замечательная штука — тмин! Украшает хлеб, мясо и поцелуй! — Он сунул половину хлебца в рот.

Прямо передо мной на стене висела большая карта Европы. Справа в рамке виднелась семейная группа. В молодых улыбающихся людях с рюкзаками за плечами я узнала своих хозяев. Мария Терентьевна была на фотографии в таком же платье с кожаным кушаком; возле нее стояли три маленьких решительных мальчика в соломенных шляпах с резинками под подбородком: очевидно, сыновья.

Я перевела глаза дальше — и вдруг сердце мое дрогнуло.

Из золоченой рамы смотрело знакомое лицо. Как хорошо я знала эти светлые бесстрашные глаза, и поворот головы, смелый, как у сокола, и этот нежный мудрый лоб.

То был Юлиус Фучик, такой, каким его навсегда сохранил для нас художник Макс Швабинский.

— Боже мой! — сказала я. — Этот портрет...

— Просим? — переспросил хозяин, наклонив набок голову, и я подпрыгнула на стуле.

— Йисте чех! — закричала я.— Вы чех! Но как вы оказались здесь? Млувим троху чески. Але чту добрже. Дьекую вам за срдечне пржиети! Просим!

Я выпаливала подряд весь свой запас чешских слов, пораженная неожиданным открытием. Так вот почему мне показалась знакомой певучесть его интонаций! Но как случилось, что он живет в Пржевальске больше тридцати лет? Откуда он приехал? Как все это произошло?

— Проминте. — Тут я остановилась, как музыкальная шкатулка, у которой кончился завод. — Я хотела бы узнать...

— Ну, — мой хозяин поправил воротничок,— тогда придется долго рассказывать. Это действительно очень давняя история. Я ведь приехал сюда в тысяча девятьсот двадцать четвертом году...

— А как это случилось?

Он помолчал.

— Вы знаете,— сказал он,— у народов Средней Азии есть пословица. Очень мудрая, между прочим. Вот как она звучит: «Когда утром человек просыпается от лучей солнца, он поворачивает голову туда, откуда идет свет».

— А ты расскажи, Иржи,— проговорила Мария Терентьевна и налила мне еще чая.— Расскажи все, как было.

Но седой Иржи молчал и поправлял воротничок на морщинистой крепкой шее, и я тоже молчала, ожидая.

Теперь мне были понятны и хлебцы с тмином, и клетчатые уютные башмаки, которые с таким удовольствием носят чехи у себя дома, и то неуловимое, что витало в обстановке комнаты, делая ее непохожей на все другие, какие я могла увидеть в этом городке.

Непонятна мне была только Мария Терентьевна с ее добротным русским говором и внешностью старой курсистки. Уж в ней-то все кругом было только русское...

Но тут мой хозяин начал свой рассказ.

Он говорил не торопясь и смотрел в окно, словно видел там события собственной жизни и не вспоминал, а рассказывал о том, что видит. И я тоже смотрела в окно, за которым шумел дождь, и мне казалось, что я вижу те же картины, что и он.

Я видела Прагу и Братиславу, Брно и Кладно, и многие другие города в те далекие годы, и краснощекого голубоглазого человека с упрямо торчащими светлыми волосами, каким был тогда молодой Иржи Витачек. Я видела, как ездит он по городам и деревням Чехословакии, рассказывая людям о Советской России, о юной светлой республике, переживавшей тогда сложную и трудную пору. Он говорил им и о далекой Киргизии, прекрасной горной стране, которая столько веков знала бесправие и нищету, говорил о ее народе, о ее озерах и пастбищах, о ее горах и степях, о ее пыльных жарких ветрах и грозовых полднях.

Казалось, что было крестьянину из Бернартице или рабочему из Брно до этой страны, где кочевали скотоводы со своими странными круглыми домами, которые там называют юртами; что было им до того, что эта гордая, веками обездоленная страна, став свободной и равноправной, стремится как можно быстрей окрепнуть; что было им до нужд и забот, тревог и надежд этих людей, ни языка, ни песен, ни обычаев которых они не знали.

— Я работал тогда в Жилине,— сказал Иржи Витачек.— Вы знаете Жилину?

— Это очень красивый город,— сказала Мария Терентьевна быстро.— А природа вокруг какая живописная! Целые цепи гор. Можете представить: склоны покрыты буком, пихтой, елью... А над хребтом возвышается гора Кривань, настоящая красавица Высоких Татр. Нет, это удивительно живописная область!

— Вы, я вижу, хорошо знаете те места,— сказала я.— А вот мне не пришлось побывать в Жилине.

— Я тоже там не была.— Мария Терентьевна вдруг покраснела, как девочка.— Еще не была, — поправилась она и, смутившись, посмотрела на мужа.

— Тогда среди рабочих Жилины было много разговоров о Советском Союзе,— сказал Витачек. — Мы собирались почти каждый вечер. И, можете представить, все больше народа поговаривало о своем решении ехать в Советский Союз! Но как ехать? Мы хотели работать вместе с советскими людьми, помочь им. Каждый из нас знал, что он неплохой мастер и может принести пользу. Но все это надо было хорошенько обдумать.

— Ох, я вспомнила: ведь я читала об этом!

— Может быть, и читали,— согласился Витачек.— Ну вот, обдумав все, мы и решили объединиться в кооператив. Стали собирать деньги, купили на них станки, машины, оборудование. Мы хотели сами построить в Киргизии небольшой завод и мастерские, чтобы работать там... Словом, всю эту историю рассказывать можно очень долго.

— Это целый роман! — вставила Мария Терентьевна.

— Да, действительно роман... — Муж покачал головой. — Но первая глава... Знаете, я ее всю жизнь буду помнить!

— Можете представить,— негодующе сказала Мария Терентьевна и всплеснула руками, — когда пришла пора ехать, ему отказали в заграничном паспорте! Стало известно, что он организатор всего этого дела. И в день, когда первый эшелон выехал из Жилины, его арестовали и посадили в тюрьму! А я как раз встречала эшелон. Нас много тогда собралось на станции.

— Ты расскажи, как было, — перебил муж.— Расскажи.

— Да было, как было, только не очень складно, — засмеялась Мария Терентьевна. — Приехали они, а тут повалил снег с дождем, ветер дует такой, что на ногах стоять нельзя. И кругом станции голая степь. Ни деревца, ни постройки — ничего! И туман такой, что даже гор не видно. Стоят наши други на платформе, озираются, лица серьезные, озадаченные... В особенности у женщин. Ну, взяли мы их под руки, повезли в город, а там уже солнце выглянуло, на тополях почки, ивы в пуху... Город у нас красивый! Вижу, все повеселели, улыбаются, смотрят по сторонам... И вот с того дня...

— Да, с того дня,— сказал муж.— Вскоре и я приехал. Самая горячая пора началась: одни мастерские строим, в других уже идет работа. Черт знает, сколько энергии у нас было! Как будто у каждого в три раза силы прибавилось. А кругом уже и друзья и помощники: добрый слух идет быстро...

— Ты про охотника расскажи, — напомнила жена.

— А! — Витачек засмеялся.— Я же говорю, что слух прошел быстро. Только мы пустили первую мастерскую, приходит к нам старый киргиз. «Вот — говорит,— ружье. Совсем хорошее ружье! Мой отец ходил с ним на охоту. И дед мой тоже с ним на охоту ходил, барса из него убил. Ну такое замечательное ружье! Совсем новое. И вот поломалось, какая беда! Люди говорят: вы добрые мастера. Если это правда, вы, наверное, исправите мое ружье».— Витачек почесал подбородок.— Ну, отремонтировали мы его ружьишко, а оно уже совсем рассыпалось, надо сказать... Приходит наш охотник через несколько дней и тащит убитого горного козла. «Это,— говорит,— вам подарок... Видите, какое хорошее ружье!»

Тут мой хозяин распахнул окошко и высунул свою седую голову под дождевые капли.

— Вы посмотрите, посмотрите туда...— засуетилась Мария Терентьевна. Видно, ей очень хотелось, чтобы я увидела то, что показывает муж.— Не бойтесь, дождь уже не такой сильный...

Я высунула голову под проливной дождь, и хозяин торжественно показал мне рога горного козла, торчащие над входом в дом.

— Неужели тот самый? — удивилась я.

— Конечно! Время идет быстро,— сказал Витачек.— Как будто все было вчера.— Он засмеялся.— Как будто вчера мы здесь с Марией Терентьевной познакомились...

— А где это случилось?

Супруги переглянулись.

— Она пришла на наш первый митинг, — Витачек покосился на жену, — начала выступать и вдруг...

— Иржи! — сказала Мария Терентьевна строго.

— Господи, Манечка, ведь это со всяким может случиться! И мне даже понравилось: такая славная девушка и вдруг...

— Иржи! — еще строже сказала Мария Терентьевна.

— Молчу, молчу... В общем, после митинга я проводил ее домой. И с той поры — видите? — провожаю домой уже тридцать пять лет...

— Налить тебе чаю? — спросила Мария Терентьевна сердито.

— Да, время идет быстро...— задумчиво сказал Витачек.— А мне все кажется, что мы совсем не изменились! Как помню я тот день, когда в Киргизию приехал Юлиус Фучик...

Он замолчал, и я молчала тоже.

И показалось мне, что встал в этой тихой комнате Фучик, веселый и счастливый, в летней красноармейской форме, которую он получил в подарок как почетный всадник Киргизского полка; и прошел Фучик снова по гудящему от ветра Рыбачьему, и по берегу Иссык-Куля, и по тропе среди красных, пылающих утесов...

— Вы видели Густу? — спросила Мария Терентьевна.

Разве могла я не видеть в Праге Густу?!

Она жила в том же доме, где когда-то они жили с Юлиусом. Мы сидели с ней рядом, близко, как сестры. Я видела ее лицо, слегка усталое, поблекшее, как нежный цветок, и эти блестящие, горячие глаза, глаза человека, который ничего не забыл.

Мы сидели с Густой рядом. Она показывала мне страницы, исписанные ровным, мелким, изящным почерком, почти без помарок, и медленно перекладывала их одну за другой. Страницы были тонкими, буквы написаны слабо, почти без нажима карандаша. Но столько в этих страницах было силы и правды, столько несгибаемой страстной любви к людям, что не существовало на свете огня, который мог их сжечь, сердца, которое могло бы их позабыть.

То была рукопись «Репортажа с петлей на шее».

...Но здесь Иржи Витачек снова начал свой рассказ.

И я медленно, словно просыпаясь, вернулась из Праги в Пржевальск.

Наступила ночь, дождь давно перестал, а мы все сидели за столом. Порывшись в ящике, хозяин вынул фотографию, где была снята в парке большая группа — пожилые усатые люди с такими же пожилыми добродушными женами. Это были бывшие члены чехословацкого кооператива, живущие здесь по сей день. Неожиданно Витачек сказал, что он ездил недавно к себе на родину, и так увлекся рассказом о поездке, что мы совсем забыли о сне. Потом они с женой запели чешские песни, я стала им робко подпевать, и когда мы хватились, за окном уже голубел рассвет.

Спать меня уложили на хозяйской кровати, на мягком пуховике. Но я долго не могла уснуть. Сухой тмин, лежавший у изголовья, пах, как в горах. Вдруг неожиданно я уснула, точно провалилась в сон; мне приснилось, что под окном вдоль улицы Ленина бежит светлая Влтава, за ней синеют Высокие Татры и пастухи в белых куртках играют на цимбалах. Так прекрасны и удивительны были эти видения, что я засмеялась во сне. Видно, тмин украшает не только мясо и хлеб, но и сны.

* * *

Когда утром я проснулась, хозяина моего не было дома.

Он пришел только через час, чисто выбритый и озабоченный, в парадном костюме и еще более высоком воротничке, подпирающем красные морщинистые щеки. Накануне вечером я обмолвилась, что хочу проехать в Кой-Сары, и он где-то раздобыл машину — старенькую «Победу», всю в шрамах и вмятинах, как боевой петух. Он предложил проводить меня в Кой-Сары, и Мария Терентьевна сказала, что она тоже едет.

В этом прыгающем дымящем возке мы отправились в путь по крутым горным дорогам. Когда мы уже изрядно отъехали от Пржевальска, спутник мой, помявшись, спросил, не хочу ли я пройти к тропе, ведущей в ущелье. И хотя я там была только вчера, я сказала, что, конечно, хочу.

И вот, оставив машину внизу, мы снова идем по тропе.

Мы скользим по каменным обломкам, мимо отвесных пламенеющих срезов красного песчаника. Витачек с женой шагают так, что мне за ними не угнаться. Только сейчас я поняла, за какими спутниками увязалась: это были настоящие, бывалые альпинисты. Они шагали свободно и быстро, а я, поминутно спотыкаясь на скользких камнях, торопилась за ними.

— Тмин,— сказал Витачек на ходу и, сорвав легкий зеленый зонтичек, бросил в рот несколько зерен.— А это болиголов, видите? — показал он, жуя тминные зерна.— Тоже зонтичное. Но, между прочим, яд. А вот это наш тянь-шаньский дом — знаменитые местные ели. Под ними можно спрятаться в любой дождь: ни одна капля не просочится...

Он шел по горной тропе, как по своему дому; все было ему знакомо. Ветер развевал его мягкие седые волосы. Мария Терентьевна, сухощавая, в войлочной сванской шапочке, с маленьким рюкзаком за плечами, легко шагала вслед за ним. Было видно, что они брали вместе не один подъем в своей жизни, взбирались не на одну гору.

— По каким тропам вы здесь уже ходили? — спросила я и остановилась, чтобы вытереть лоб.

— Здесь все мое, — ответил Витачек просто и показал на горы.

Мы пошли еще вверх и остановились. Могучий кустарник подступал к самой тропе; были видны обрыв с его тревожной и таинственной прелестью, убегающие по склонам папоротники, малахитовый мох и где-то в глубине светящийся поводок ручья.

Шум реки сюда еще не добирался, но в воздухе уже дрожал, как виолончельная струна, ее далекий протяжный голос. Я глядела на травы и мхи, на деревья и горячие камни, полная того счастья и покоя, какие приносит людям природа.

Иржи Витачек стоял рядом с женой, и оба они, подняв лица к солнцу, смотрели куда-то вверх. Я тоже посмотрела вверх и увидела горный пик, весь позолоченный солнцем, с голубым, сверкающим снегом на вершине.

— Пик Юлиуса Фучика,— сказал Витачек строго, и я закрыла глаза, как от ожога.

Третий раз звучало здесь это имя, и третий раз Юлиус Фучик приходил сюда, чтобы сказать: «Люди, я жив, я с вами».

Не знаю, сколько времени я простояла здесь. Когда я наконец оглянулась, Витачека с женой не было возле меня.

Не торопясь я пошла по тропе вверх и вышла к поляне перед ущельем.

Иржи Витачек и Мария Терентьевна были там. Они стояли возле знакомого мне круглого камня с надписями, взявшись за руки, и глядели на него. Сванская шапочка Марии Терентьевны съехала назад, щеки разрумянились, в глазах сиял влажный застенчивый блеск. На секунду мне даже показалось, что я увидела в них слезы.

Муж стоял, держа ее пальцы своей крепкой старой рукой; в другой руке у него был зажат молоток.

Неслышно обойдя тропу, я посмотрела из-за его плеча на камень.

На камне была высечена новая надпись:

«26 июня 1959 года — день нашей свадьбы. Мы вместе, мы любим друг друга».

Хозяин

Илья ШВЕЦ

Когда я вижу двор, укрытый
густою тенью верб и лип,
когда я слышу домовитый
решетчатой калитки скрип;

когда, в красе ее неброской
и простоте негулевой,
большак раскидистой березкой
прошелестит над головой;

когда колхозный сад маняще
желтеет яблоками весь,
я знаю: это настоящий
хозяин поселился здесь.

Ему сама скала отво́рится,
пустыня явит красоту,
и я его, как чудотворца,
вот именно за это чту!

Брянск.

Первая охота

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

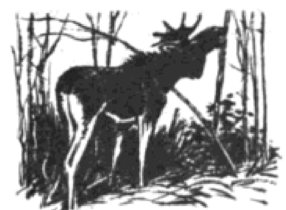
Один в лесу

Вот человек один в лесу,
В дурмане зелени и влаги,
Стоит с двустволкой на весу
На вальдшнепиной тяге.

Любовью— ждущей, шепчущей, свистящей—
До края переполненные чащи...
И розовый застывший сок березы...
Белы стволы, и вечер бело-розов.

...И пенье птиц и тишина
Пронзительно волнуют душу.
Он, всех громов хлебнув сполна,
Пришел весенний шум послушать.
На нем резиновых сапог
Неповоротливые гири.
Что вспомнилось тебе, стрелок?
Метро и лозунг «Пять — в четыре!»?..
Ружье чуть холодит ладонь.
Курки —
как вопросительные знаки.
Что вспомнилось?
Огонь! Огонь!
Легендой ставшие атаки.
Забудь... Забудься... Ты в лесу.
Слеза сползает по листу.
Он был еще вчера листочком,
Сегодня утром стал листом.
А эту каплю при прыжке неточном
Смахнула белка выгнутым хвостом.

Девятый час. И вылетает вальдшнеп.
На мушку острый клюв его лови.
Но поздно. Вальдшнеп улетает дальше,
Оставшийся для жизни и любви.

Старый лось

А вот следы с водой на донышке,
И эхо протрубило гулко.
Своих уродиков-детенышей
Ведут лосихи на прогулку.

Отцы семейства в отдалении
Минут свободных не теряют,
Рогов ветвистые крепления
В борьбе спортивной проверяют.

За чащей, на болоте гаревом,
Встал старый лось в тоске и скуке.
С ним не желают разговаривать
Ни правнуки его, ни внуки.
Он, кажется, не будет праздновать
Свой юбилей двадцатилетний,
Согнувшийся, со шкурой грязною,
Дотягивая год последний.

Звериному внимаю горю я,
Но не как сочинитель басен.
И не ищите аллегорию:
Такой подход к стихам опасен.

У молодых осин на пенсии
Живет он, мрачный, престарелый.
А все ж гуманно, что лицензии
Не брал я для его отстрела.

«Охотничий минимум»

Старший егерь взял меня с собой
На охотничий экзамен.
Лес был совершенно голубой
И в торжественном молчанье замер.

Крались мы болотною тропой,
Где проходит лось на водопой,
Вел охотник старый новичка
Сквозь тетеревиные тока.

Мы присели на сухой бугор,
Повели негромкий разговор.

В рюкзаке — охотничьи колбаски,
В термосе — наверное, не чай.
Только сели — начались побаски:
— Слушай, новичок, и не скучай.
Случай был (он говорит случа̀й)...

Шел я с незаряженной двустволкой.
Вдруг навстрѐч взъерошенные волки.
Наступают, воют, скалят пасть.
Видно, вышло не за грош пропасть.

Нес как раз консервы я в кошелке.
Кинул в них три банки—жрите, волки!
Взялся за стволы, прикладом враз
Вожака ударил между глаз.

Все другие убежали сдуру,
Ну, а мне пятьсот рублей за шкуру.

Как-то был еще случа̀й такой:
Ставил я капканы за рекой,
Вижу — рысь откуда ни возьмись.
Я ей говорю, как кошке: брысь!
Да капкан набросил ей на хвост,
А дальнейший разговор был прост.

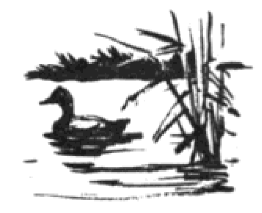
На бугре, на гаревом болоте,
Начал разбираться я в охоте,
И завел: — Был случай у меня,
Тигра встретил я средь бела дня.
Где? Сказать по правде, недалёко,
В километре от Владивостока.

А со мною только спиннинг был,
Я его блесной и зацепил...

В темноте вернулись мы на базу,
Егерь процедил такую фразу:
— В нашем деле понимает он,
«Минимум охотничий» зачтен!

Подсадная уточка

На озере Неро ночуют транзитные лебеди,
Поди разберись в их шипении, гоготе, лепете.

Любовные споры — извечное дело весеннее,
А может, они излагают свои впечатления...
О том, что увидели после отсутствия долгого:
Вблизи Сталинграда с разлившейся встретились Волгою.

Что все здесь иное в сравнении с дальними странами:
Три дня пролетали они над подъемными кранами.

В своем шалаше я подслушал беседу их мирную
(В том самом, где рай, если рядом находится милая).

А озеро Неро дышало туманами утречка,
И друга звала подсадная плененная уточка.

А лебеди плыли почти в километре от выстрела.
Их старый вожак на заре треугольником выстроил.

Они улетели в район освоения Севера.
Осталась со мною на якоре уточка серая.

Ну, как их догнать? Можно было б на «ИЛ-восемнадцатом»
В Норильск полететь, с лебедями опять повстречаться там.

Но я, к сожалению, должен на озере мучиться:
Со мной эта кряква, охотничьей базы имущество.

Не тронув патронов, уставши, по тальнику лазая,
С казенною уткой в корзине вернулся на базу я.

Ни выстрела за ночь! Оставьте охотничьи шуточки...
Где б лучше смогли вы найти пастуха вашей уточке?

Возвращение с охоты

Итак, мы возвращаемся с охоты,
Веселые, усталые, как черти,
Неся пустые сумки за спиной.
Исчерпаны все шутки и остроты,
Рассказаны все байки (им не верьте,—
Из них правдивой нету ни одной).

Пять дней (а может, это были годы?)
Промчались быстро, даже слишком быстро,
Среди лесов, подлеска и болот.
Я человек, создание природы,
Ее костра светящаяся искра,
Взлетающая в звездный небосвод.

Я родственник березок белоногих.
(Их надо будет записать в анкете
С роднею человечьей наравне.)
Я ваш, поросшие травой дороги.
Как много дел у нас на белом свете!
Весна живет во мне, и я в весне!

Желают счастья нам лесные феи,
Окончившие техникум в столице,
И провожают нас в обратный путь.
Мои стихи — охотничьи трофеи —
Пускай теперь летят на ток, как птицы,
И в них другой стреляет кто-нибудь.

В объективе — АВСТРАЛИЯ

Столица Австралии не сердце страны, а лишь место, откуда исходят правительственные декреты. Канберра, федеральная столица, была заложена в двадцатые годы и все еще строится. Это город белокаменного парламента, памятников, улиц без домов, живописных пустырей, на которых пасутся коровы и овцы. Австралийцы шутят: «Канберра — это самое большое и самое мертвое кладбище в стране». Что ж, им виднее!

Сидней — первое поселение европейцев на австралийской земле, основанное в конце XVIII века и названное по имени тогдашнего министра колоний Англии. Ныне крупнейший город Австралии (свыше 2 миллионов жителей) — город банков, страховых обществ, резиденций промышленных и торговых фирм. Здесь создается экономический и политический климат пятого континента.

В. МАЕВСКИЙ

От Москвы до берегов Австралии — тысячи километров. Территория ее в тридцать раз больше Англии и приблизительно равна Соединенным Штатам.

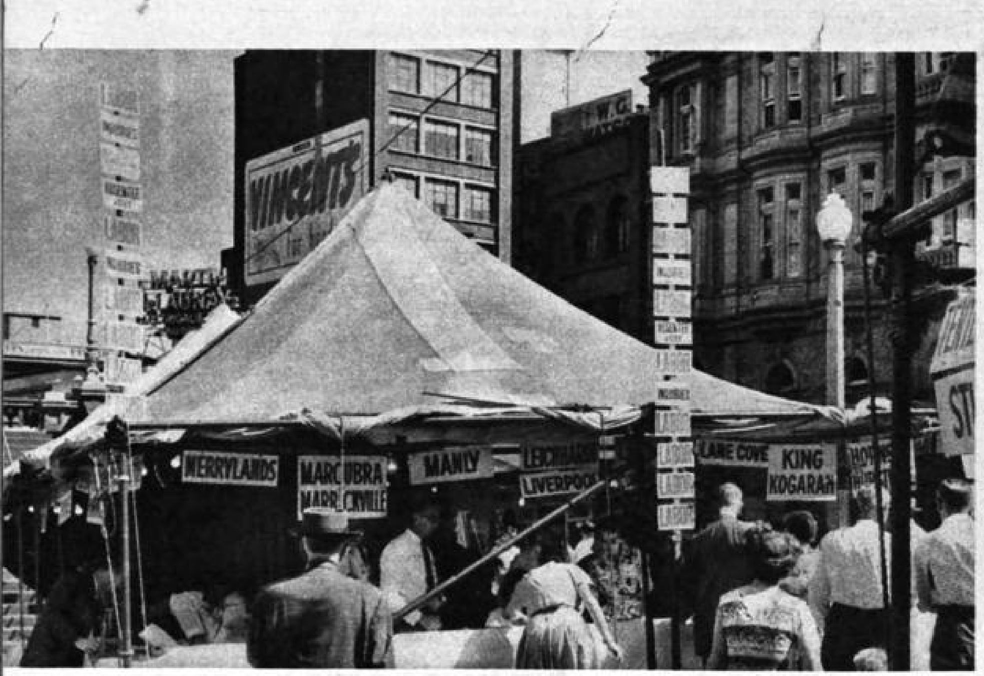
Это континент контрастов. Там можно увидеть огромные современные города и мертвые пустыни, реактивную технику и первобытный бумеранг коренного жителя, породистых овец и диких кенгуру.

Австралия была британской колонией. Теперь это самое молодое империалистическое государство, под контролем которого находятся и колонии и «опекаемые» территории. Австралийские войска до сих пор участвуют в многолетней карательной войне против малайского народа.

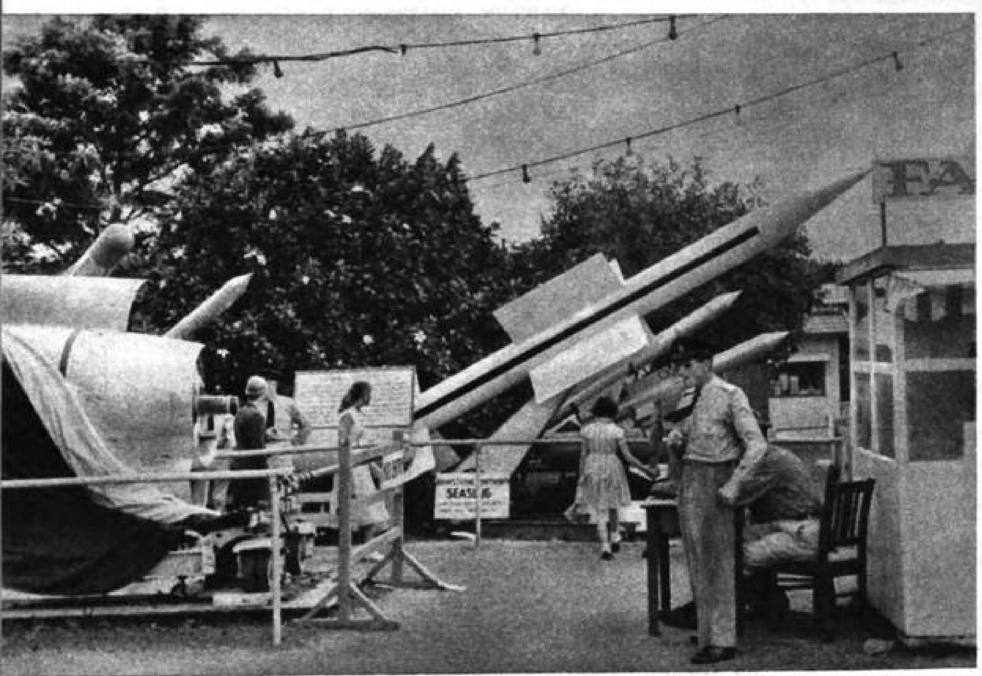
В стране с населением в 10 миллионов человек хозяйничают пять гигантских монополий, в руках которых находится почти вся экономика государства. И не только экономика. «Правительство страны, решения, имеющие действительную силу, — писала газета «Сидней морнинг геральд», — контролируются путем переговоров между промышленниками и управляющими соответствующих правительственных ведомств».

У Австралии есть национальный флаг. Национальным гимном является британский гимн «Боже, храни королеву». Национальный напиток — пиво. «Национальная религия», как утверждают в шутку сами австралийцы, — конепоклонство, ибо миллионы людей увлекаются скачками.

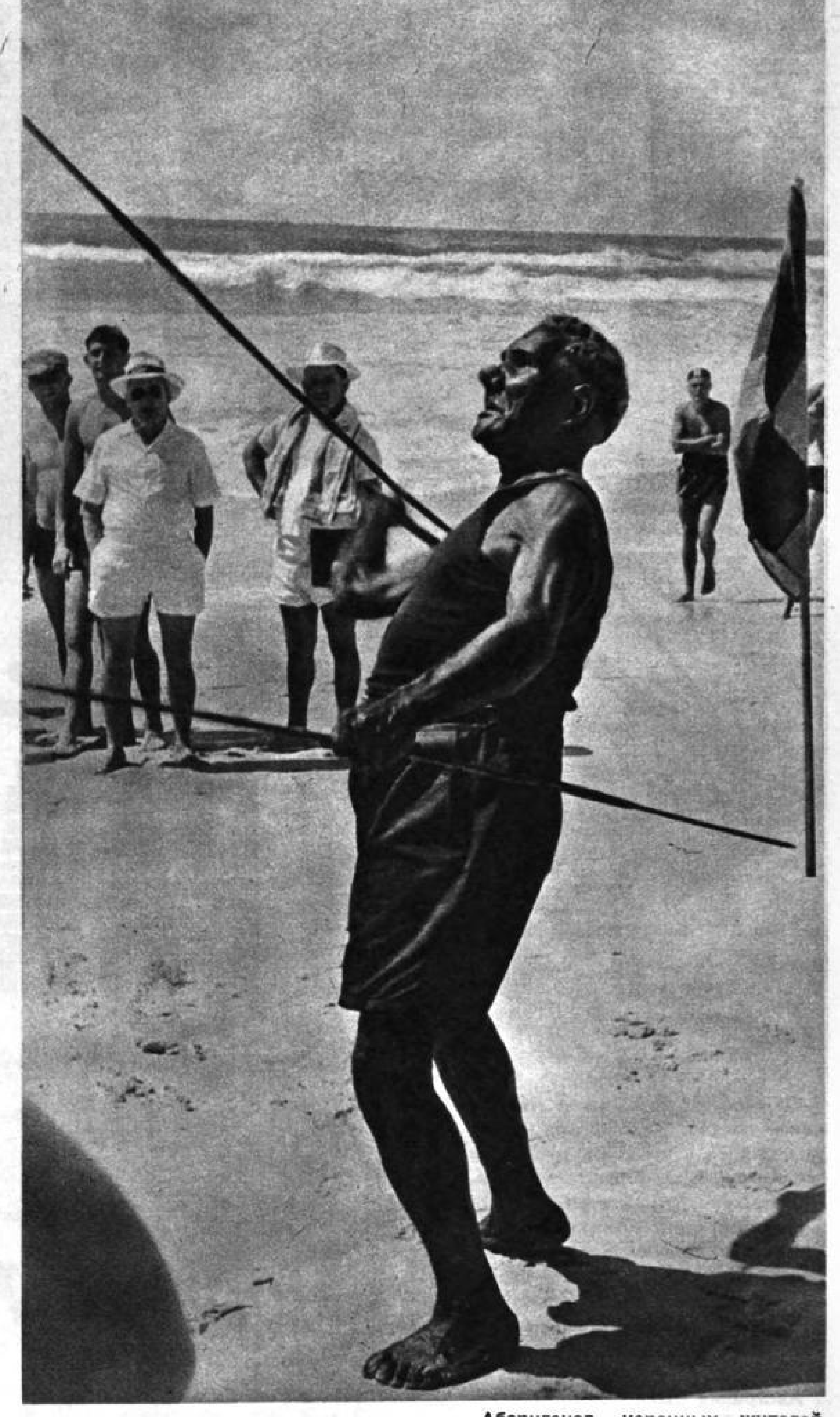
Итак, мы в Австралии.

Что это? Торговые ряды? Ярмарка? Нет, происходят выборы в парламент штата Новый Южный Уэльс. Палатка в заплатах, натянутая в центре Сиднея,— избирательный участок для тех, кто оказался далеко от дома. Здесь он может выполнить свой гражданский долг. Голосование обязательное: за неучастие в выборах — штраф.

Конечно, австралийский народ за мир. Но есть австралийцы, для которых подготовка к войне — хороший бизнес. Австралия входит в агрессивный блок СЕАТО. Даже на сельскохозяйственной выставке реклама пушек, ракет, мин, бомбардировщиков, атомных бомб занимает солидное место. За последние пять лет правительство истратило на военные приготовления полтора миллиарда фунтов. Это сильно ударило по карману австралийского труженика.

Аборигенов — коренных жителей Австралии — постигла трагическая судьба: сотни тысяч были уничтожены колонизаторами, оставшиеся загнаны в резервации в пустынных районах страны, лишены каких бы то ни было прав. Старику Маккензи «повезло»: его используют для демонстрации туристам искусства метания копья и бумеранга.

→

Это литейный цех американского автомобильного завода «Дженерал моторс — Холден» в Мельбурне. Эта компания имеет сейчас 60-миллионный капитал. Недешево обходится австралийской экономике такое «процветание» заокеанских бизнесменов! Для выплаты прибылей этой компании в твердой валюте австралийским властям пришлось прибегнуть к займу за границей.

Сто пятьдесят миллионов овец дают Австралии шерсть на 300—400 миллионов фунтов в год — это треть мирового производства шерсти. Овца превращает сочную австралийскую траву в шерсть и золото.

Мода заразительна. Принесенная с Запада мода на абстрактное искусство распространилась и в Австралии.
Это — скульптурное украшение в университетском городке Канберры. Автор утверждает, что здесь изображена «отдыхающая девушка». Вряд ли кто-либо из австралийских девушек согласится иметь хоть отдаленное сходство с этим куском камня!

В австралийских городах пользуются популярностью магазины, где продаются издания социалистических стран. На витрине магазина в Мельбурне мы увидели журналы «Советский Союз», «Огонек», «Советская женщина», китайские, польские, чехословацкие и другие журналы, газеты и книги.

Аттракцион в духе нынешнего атомного века — «атомное ревю». «Смотрите ужасные последствия воздействия стронция-90!». «Сначала платье превращается в пыль, затем мясо медленно отделяется от костей!» Австралийцы не очень увлечены аттракционом. Они понимают, что нужно не смотреть на то, как «мясо медленно отделяется от костей», а решительно протестовать против гонки ядерных вооружений.

Нормализация советско-австралийских отношений открывает путь к укреплению экономических и культурных связей между СССР и Австралией. Это знаменательное событие отметили многие австралийские газеты, помещающие такие рисунки. Его горячо приветствуют народы наших обеих стран.

ГАЛЕРЕЯ ПРИНАДЛЕЖИТ СЕВАСТОПОЛЮ

Мария **БЕЛКИНА**,
специальный корреспондент «Огонька»

Как-то давно, перед войной, я проходила мимо Третьяковской галереи, и дорогу мне преградили солдаты. Четко отпечатывая шаг, они прошли строем в ворота. Почти каждое воскресенье здесь останавливаются грузовики, с них спрыгивают солдаты, матросы и, построившись под командой какого-нибудь безусого лейтенанта, идут в галерею. Это обычное явление, оно не запало бы в памяти, но тогда рядом со мной на тротуаре остановились двое иностранцев, очевидно, туристы, и один другому сказал по-английски, усмехнувшись:

— Они думают («они» явно относилось не к солдатам), искусство помогает побеждать!..

...А позже, уже во время войны, под Ленинградом, в одной разбомбленной и сожженной дотла деревне, молодой боец, сжимая от ненависти и отчаяния кулаки, говорил:

— Нас неправильно воспитывали, нас воспитывали гуманистами, на Бальзаке и Шекспире... — Но его оборвала бомбежка.

И вот эти два случайных и, казалось бы, ничем не связанных друг с другом эпизода, эти обрывки фраз вдруг припомнились мне недавно в Севастополе. Я была в картинной галерее, стояла у окна, наблюдая за группой матросов, которые переходили от картины к картине. Беззвучно, казалось, не сгибая колен, передвигали они ноги в своих немыслимо отутюженных клешах, словно отлитых из чугуна. Бритоголовые, ладные, курносые пареньки, видно, только что получившие увольнение на берег.

С ними был человек в штатском. Невысокий, худощавый старик с седой эспаньолкой. Он был немногословен, останавливаясь у полотен, да и все равно до меня не доносились его слова. Это была мимическая сцена, немое кино. И по лицам матросов я понимала, как они прочитывали картины.

А за окном, у которого я стояла, был Севастополь. Новый Севастополь, старого нет — его война сровняла с землей. А на его месте вырос новый! Большой, благоустроенный город, с театром, клубами, кино, библиотекой, галереей. Галерея расположена почти там же, где она была и до войны, на проспекте Нахимова, и картины на стенах висят те же: Брюллов, Тропинин, Репин, Серов, Крамской, Маковский, Рафаэль... Не многие наши галереи могут похвастаться подлинным Рафаэлем...

И человек с эспаньолкой, должно быть, вот так же и тогда, до войны (он был и в то время директором галереи), показывал эти картины тем, другим парням из Калуги и Полтавы, из Вязьмы и Иркутска, парням, которые потом сражались за этот город, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть осады, которые вырвали этот город из рук врага, которые построили новый на месте разбитого. Они, наверное, вот так же стояли, задумавшись, у картины Коровина, где на берегу моря сидит одинокая женщина, так же грустили у картины Касаткина, где в зале окружного суда, припав к коленям осужденного, рыдает жена. И добрую, ласковую улыбку вызывали у них поля, луга, поистине чисто русский простор, перенесенный на холст Поленовым!..

И мне подумалось: а ведь, должно быть, все-таки искусство помогает побеждать. Должно быть, нас правильно воспитывали!..

...А человек с эспаньолкой вел матросов от картины к картине. У него были большие серые глаза, выцветшие от жизни, и уставшие руки. Усталость сквозила в каждом его жесте. И он был так осторожен, так экономен в движениях, словно боялся что-то в себе сломить. Я знала, он перенес недавно тяжелый инфаркт. Ему было запрещено работать, выступать, но он, видно, не удержался: избиратели пришли, матросы, они выдвигали его в городской Совет...

Человек этот, художник по профессии, директор галереи по должности, был Михаил Павлович Крошицкий.

И, глядя на его хрупкую фигуру, казавшуюся особенно хрупкой в окружении атлетически сложенных ребят, я старалась представить его себе в 1941 году, когда после бомбежек он ходил среди развалин домов и вытаскивал куски дверей, крышки столов, деревянные обломки и нес их в галерею. А потом в галерее сколачивал ящики, ящик за ящиком, и паковал в них картины. Он упаковал тогда тысячу картин и увез их под обстрелом и бомбежкой из осажденного города... Я старалась представить себе его на крыше теплушки, куда он забрался починить железо, чтобы дождь не заливал картины. А эшелон тронулся, и он так и пролежал на крыше вагона до остановки, коченея...

Михаил Павлович Крошицкий.

Конечно, это было полтора десятка лет назад, но, судя по фотографиям, он мало изменился с тех пор, и потом ведь не всегда физическая крепость придает людям мужество. А внешность часто бывает обманчива... Когда я в первый раз увидела Михаила Павловича, что-то в его облике — то ли его эспаньолка, то ли манера разговаривать и держаться, то ли слабые, тонкие кисти рук — навело меня на мысль, что он, должно быть, потомственный интеллигент, быть может, осколок какой-нибудь дворянской фамилии. Я высказала ему это свое предположение, и он засмеялся.

— Когда я в семнадцатом вступил добровольцем в народную милицию, мне тоже говорили, что я выгляжу слишком интеллигентным, и даже шляпу советовали не носить. А я интеллигент в первом поколении. Мой отец был котельщик, работал на судоремонтном заводе. А дед — матрос...

Потап Фомич Крошицкий, матрос первой статьи, поставил когда-то в Севастополе на горе, на Костомаровской, хибару. В этой хибаре родился и вырос Михаил Павлович. Дед был участником первой обороны Севастополя в 1854—1855 годах и за отвагу и храбрость получил Георгия. Внук — участник второй обороны Севастополя, но не с оружием в руках совершил он свой подвиг.

...Две недели уже Крошицкий сидел в Южной бухте, ждал погрузки. Уходили корабли, транспорты, и не раз у него на глазах еще в бухте их настигали бомбы с вражеских самолетов. Но теперь это была единственная дорога на Большую землю. Город был окружен. По Южной бухте, пытаясь сорвать погрузку, били орудия с Генуэзской крепости, расположенной над Балаклавой. Била корпусная артиллерия с Мекензиевых гор. Бомбила авиация... Жену и двух маленьких детей Крошицкий отправил в бомбоубежище: когда начнется погрузка, он успеет их известить. С ним оставались две сотрудницы галереи — две уже немолодые женщины. Но в одну из таких ночей — немцы были особенно активны ночью,— когда над бухтой висели осветительные ракеты, когда вокруг рвались снаряды, горели здания и небо гудело от вражеских самолетов, эти две женщины, не выдержав, бежали в город, в бомбоубежище.

Итак, груда ящиков у причала, в них — тысяча картин. И человек, невысокий, худой, неотступно при них. «Маньяк», — считали многие в городе. Когда такое обрушилось на страну, когда одна сводка тревожнее другой, он занят только какими-то картинами! Это, конечно, не совсем так, не только картинами был он занят. Он одним из первых в стране в дни войны стал выпускать «Окна ТАСС». Он выступал с лекциями на кораблях, перед бойцами на передовой, он работал в отряде ПВО, дежурил на крыше галереи, гасил зажигалки. Но, конечно, маньяком он не был, я бы сказала, скорей одержимым. А ведь это, должно быть, так здорово — быть одержимым в работе, быть влюбленным в свое дело, считать его самым главным, самым нужным на земле! Только тогда можно чего-то добиться, что-то успеть сделать за короткую человеческую жизнь.

...Трудно теперь установить, да и незачем, почему на все требования и просьбы Крошицкого укрыть галерею, помочь ее упаковать, эвакуировать местные власти отвечали: «Без паники! Галерея должна работать!» Это был первый год войны, первые месяцы, еще мало кто представлял себе всю полноту того бедствия, которое обрушится на страну, еще только учились воевать. И, быть может, считалось, что уже только то, что галерея на месте, служит как бы фактором морального воздействия на людей: паники нет,

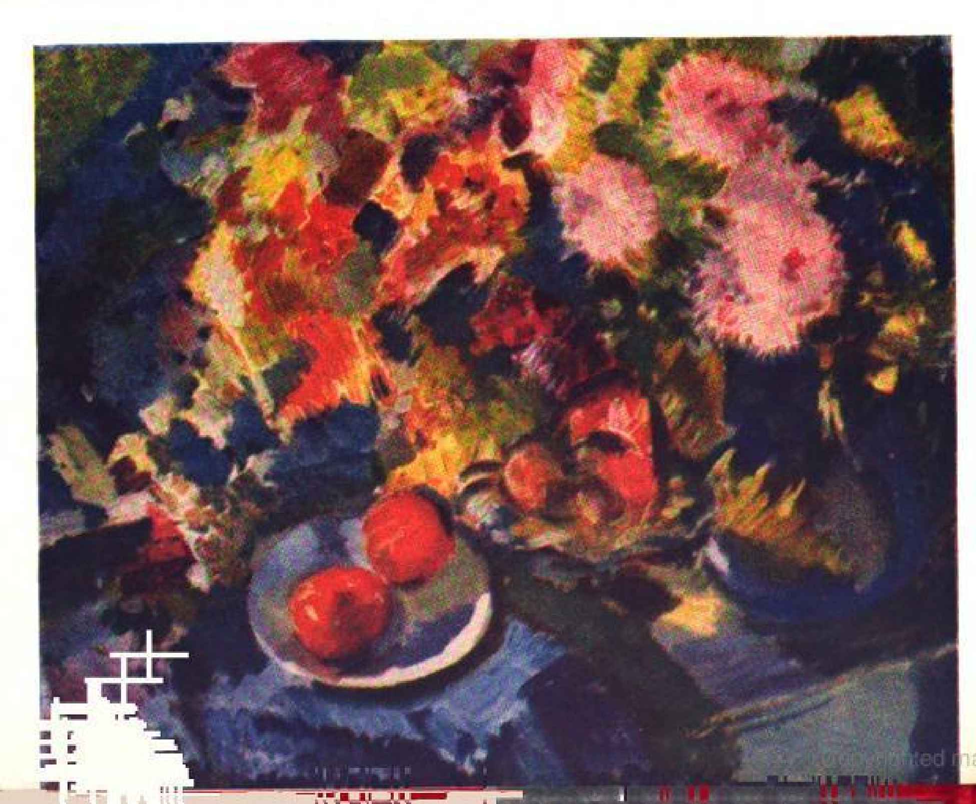
И. Ендогуров (1861—1898). ДОЖДЬ.

Севастопольская картинная галерея

А. Васнецов (1856—1933). КРЫМСКИЙ ВИД.

К. Коровин (1861—1939). БЕРЕГ ЧЕРНОГО МОРЯ.

Севастопольская картинная галерея

К. Коровин. НАТЮРМОРТ.

идут бои за город, идут бомбежки, а жизнь в городе продолжается.

Но у Крошицкого была своя точка зрения: одна фугаска, одна пропущенная зажигалка — и галереи нет. А за галерею отвечал он. Конечно, проще всего было бы ждать, когда последует распоряжение от вышестоящих инстанций, а если оно не последует вовремя — что поделаешь, война! Война все спишет! Но Крошицкий был иного склада человек. Он закрыл галерею, сам упаковал ее и стал требовать у военного командования помочь ему эвакуировать картины. Грузили на транспорты, вывозили из города ценное оборудование, машины. Бесспорно, все это было нужно стране, но машины можно сделать, типографские шрифты — отлить, а Серов и Коровин картин больше не напишут...

И вот как-то ночью, когда, как и в предыдущие ночи, все вокруг содрогалось от разрывов, к груде ящиков, сваленных на пирсе, подбежал начальник пристани.

— Кто тут с галереи? Даю пятнадцать минут на погрузку!

Крошицкий бросился к матросам. Когда заработали краны, он спустился в трюм. Он растаскивал ящики в стороны. Ящики рушились сверху один за другим. Казалось, сейчас они разлетятся в щепы. Но он честно сработал — ящики оставались целы.

И вот уже последний оттащен в сторону, и Крошицкий взбирается вверх на палубу и видит, как борт судна медленно отделяется от причала. Первое движение его было к еще не убранному штормтрапу... Но он все равно не успеет добежать до бомбоубежища, не успеет привести семью. Транспорт отходил. Полоса воды все ширилась... Еще можно было добраться до берега вплавь. А что будет с галереей? Где сгрузят ящики? Это все равно, что выбросить картины за борт... Но в городе остается семья, где-то там, в убежище, жена и дети. И в маленьком домике на горе, на Костомаровской, мать. И они еще ничего не знают. И он им уже ничем не сможет помочь...

Крошицкий в отчаянии метался по палубе, то уже готовый броситься вниз, в воду, то застывал на месте. А берег все отдалялся. В красном дыму пожара, в огненных залпах орудий. Уже били зенитки, и транспорт содрогался от залпов, уже налетали немецкие бомбардировщики, и бомбы ложились то справа, то слева по борту.

...А потом? Потом стучали колеса, стучали и день и ночь, отсчитывая километр за километром. Теплушка. И в ней такой же мороз, как в степи. Посреди теплушки железная печь, но топить ее нельзя: от разницы температур запотевают картины. Дверь приотворена, пусть от ветра еще холоднее, но все же не так одиноко, не так тоскливо. Сумерки. Степь. Метет поземка, и где-то далеко-далеко вдруг мелькнет огонек, где-то люди, где-то чья-то жизнь, где-то чей-то дом и, должно быть, семья собралась за вечерним чаем...

Дурные вести настигают быстро. Еще в Батуми на пристани ему вручили записку из Севастополя — ее доставила подводная лодка. В записке сообщалось: вся его семья погибла. Сообщала тетка...

Итак, теплушка, холодная, нетопленная печь. Кипяток, взятый на станции, уже давно остыл, хлеба нет, сахару нет, еды нет. Война, 1942 год. Все по карточкам, а карточек нет. Денег нет. Вещей нет, все продано: надо было платить за вагоны, за погрузку, разгрузку. Зарплаты нет. Директор Севастопольской галереи, а галерея (на колесах) — в трех товарных вагонах.

Полустанки, разъезды, вокзалы. Эшелоны на фронт — пушки, орудия, танки, бойцы! И из встречных теплушек песни, гармонь, словно едут в них не на смертный бой. А эшелоны с фронта молчат, немые — госпитали, вагоны с беженцами, детдома, заводы. Белоруссия, Украина, Крым. Стало тесно в стране, все дороги ведут на Ташкент!

Остановка. Топот ног.

— Эй, кто тут в вагонах, живой или мертвый! Выгружайся! Вагоны нужны! Эй, старик, пошевеливайся!

Старик! Он и не заметил, как превратился в старика, а ему еще не было и пятидесяти. Оброс седой бородой, опух от водянки.

...Запасные пути, ящики сброшены. Метет снег. Мороз сорок градусов. А он в осеннем пальто — севастополец! Ходит, засунув руки в рукава, втянув голову в плечи. Ходит вокруг своего ценного груза. Ходит день, ходит ночь. Чуть отойдет — слышит треск: ломают ящики.

— Что вы делаете? Ведь это же картины из Севастополя!

— Топливо нужно! Печь топить нечем! Я думал, это ничейный груз.

Ну, с таким еще легко, с таким еще можно поговорить, объяснить. С мародерами хуже. А бывали и мародеры! А тут нужно идти к телефону, звонить, добиваться, надо ехать в горком, обком, требовать, чтобы приняли галерею или отправляли ее дальше.

— Что? Какой груз? Тысяча картин из Севастополя? Куда следуют? Дайте эвакуационный лист!

Эвакуационного листа нет, направления нет. Галерея просто вывезена из Севастополя, спасена. Место следования? Адрес? Большая земля! И Большая земля впрямь оказалась большой! Города отказывались принимать галерею. В одних Крошицкого встречали сочувствующие, все понимающие взгляды. Но что сделать? Город забит. Сюда эвакуированы заводы, фабрики, учреждения, госпитали. Живут в школах, на вокзалах, даже в землянках. А тут еще тысяча картин. Их не свалишь под открытым небом. В сарае нельзя держать! Следуйте дальше. У соседа, быть может, свободнее...

А в других городах его встречали холодные, равнодушные глаза чиновников. Можно было бы найти помещение под галерею, можно было бы оставить. Но нет направления, нет эвакуационного листа. Груз не оформлен по всем параграфам и пунктам. Брать на себя ответственность, проявлять инициативу? Следуйте дальше, там разберут, что к чему!..

Следуйте! Легко сказать — следуйте. А вагонов нет. И Крошицкий ходит день, два, неделю, а вагонов нет. И часто начальники станций сами, на свой риск дают ему первые освободившиеся вагоны, немытые, из-под угля, чтобы только отправить с глаз долой этого странного старика из Севастополя, который нервничает и доказывает, что могут погибнуть картины, а сам еле держится на ногах и так истощен, что еще, чего доброго, помрет на ящиках с Репиным и Брюлловым здесь, у тебя на глазах.

И опять стучат колеса. И опять летят вдогонку телеграммы. Время военное. Вагоны нужны под срочные грузы. А галерея? Галерея подождет! И опять где-нибудь в тупике сброшены ящики. И опять день и ночь охраняет их человек в осеннем пальто, окоченевший, голодный.

Долго странствовал Михаил Павлович Крошицкий, пока наконец разыскал эвакуированный из Москвы Комитет по делам искусств. Тогда наконец он получил зарплату за все это время. Тогда были ему выданы карточки. Тогда Севастопольская галерея обрела право жительства: получила направление и была оформлена по всем статьям и параграфам в дальний сибирский город Томск. Но путь до него еще был далек...

В Томске Михаил Павлович распаковал ящики. Старая живопись не выдержала перемены температуры, тряски дорог, краски стали осыпаться. Надо было пока, до реставрации, залатать эти места тонкой бумагой. На холсте появился грибок от сырости, нужно было осторожно снимать его спиртом. Минеральные краски потемнели. Они должны быть на свету. Надо было облучать их солнцем. Крошицкий частично проделывал эту работу в пути, в теплушках, на дальних перегонах. Но это все было сложно. А теперь можно осмотреть всю тысячу картин.

Там, в Томске, как-то зайдя в горком, он увидел на стене огромную карту, на которой отмечалась линия фронта. Красные стрелы двигались теперь на запад, к границе. Там, на карте, он увидел, что Воронежская область очищена от оккупантов. Где-то в этой области жили до войны родственники его жены. И он решил их разыскать. Он послал письма во все райцентры с просьбой откликнуться. И пришло письмо. Но не от родственников. Нет. От жены... Она была жива. Она и дочь! Его мать и сын погибли во время бомбежки. А жену, обезумевшую, метавшуюся по городу с трехлетней дочкой на руках, подобрали матросы и на эсминце доставили на Большую землю. Оказывается, не все еще в жизни было потеряно!

...А потом? Потом, когда окончилась война, Крошицкий вез галерею назад, через всю страну вез, но не в Севастополь. Севастополя не было. Была груда развалин. И трава росла по пояс, и бурьян там, где были улицы, исхоженные им с детства. И стаи крыс разбегались, заслышав шаги. И только белье, которое полоскал ветер на веревках в пустых коробках, оставшихся от зданий, говорило о том, что где-то под землей обитают севастопольцы...

Почти десять лет галерея находилась в Симферополе. Ждала, пока отстроят Севастополь. Много раз за эти годы, как и за годы войны, возникал вопрос: почему, собственно говоря, галерея севастопольская? Севастополя нет! Много раз предлагалось и решалось расформировать галерею, пополнить ею фонды других галерей. Но каждый раз все эти решения натыкались на упрямство Крошицкого: галерея принадлежит Севастополю!

И галерея теперь снова принадлежит Севастополю!.. И снова по залам мимо картин проходят сотни, тысячи людей. Искусство вечно! И в душах людей эти картины снова зарождают и доброе, и грустное, и радостное чувство...

И хочется, чтобы посетители галереи знали о том человеке, который сохранил эти картины для них. Михаила Павловича Крошицкого в галерее вы теперь не застанете: он вышел на пенсию. Мне подсказали жители Севастополя, что галерея по праву могла бы носить его имя.

Есть в Севастополе отличная традиция: на новых зданиях висят мраморные доски, которые рассказывают об истории города, о подвигах, совершенных его людьми. Быть может, и верно: на галерее могла бы висеть доска, на которой рассказывалось бы о том, что Михаил Павлович Крошицкий спас эту галерею в годы Великой Отечественной войны и вернул ее городу, не только не потеряв ни одной картины, хотя сделал сорок три пересадки, больной, голодный, одинокий, но вернул городу картин вдвое больше, чем вывез, ибо в годы эвакуации он пополнял галерею даже тогда, когда, по существу, Севастополя не было. Ибо он неизменно верил: Севастополю быть на земле!

После выступления ОГОНЬКА

ГЛАЗАМИ ПОВАРА

Так назывался репортаж, опубликованный в № 11 «Огонька» за 1959 год. Речь шла о недостатках в работе тульских предприятий общественного питания.

Как нам сообщил секретарь Тульского горкома КПСС тов. Малыгин, репортаж обсуждался на собрании коллектива фабрики-кухни и расширенном активе предприятий Тульского треста столовых. Приняты меры для улучшения работы этих предприятий, повышения качества обедов, снижения их стоимости. На фабрике-кухне установлены новые поточные линии, автоматы по продаже напитков и соков.

На фабрике-кухне, а также и других предприятиях треста в предвыходные и предпраздничные дни организуются выставки-распродажи кулинарных изделий и полуфабрикатов.

На фабрике-кухне предполагается оборудовать цех по выработке рыбных полуфабрикатов и птицы, расширить и механизировать овощной цех и дополнительно перевести восемь предприятий треста на снабжение полуфабрикатами из этих цехов.

Заметки спортивного обозревателя

М. МЕРЖАНОВ

Фото В. Прикулиса и А. Бочинина.

Это было весной прошлого года; в матче с французскими и бельгийскими теннисистами участвовали не только наши опытные мастера ракетки, но и юноши, которых мало кто знал. Зрители недоумевали: с одной стороны, на корт выходили Робер Айе, Поль Реми и Жак Бришан, чьи имена блистали на площадках Уимблдона и Парижа, а с другой — школьники Томас Лейус, Сергей Лихачев и студент Андрей Потанин.

На одной чаше весов были опыт и мастерство, а на другую чья-то смелая и мудрая рука положила лишь отвагу молодости. Думал ли кто-нибудь уравновесить класс игры задором? Едва ли. Но подобный шаг можно назвать спортивной дерзостью, у которой было будущее. Впрочем, было у нее и настоящее.

Недоумение зрителей скоро прошло. Школьники посылали длинные, сильные мячи по углам, укорачивали их, точно били «смэш», часто выходили к сетке, в общем, играли, как «большие». На трибунах то и дело вспыхивали аплодисменты, и они адресовались не Ж. Бришану, а Т. Лейусу, не А. Жамару, а Я. Пармасу. Мы видели, как юные таллинские теннисисты уложили на обе лопатки опытных асов бельгийских кортов. Правда, это была одна из немногих удач матча. Одиночные встречи школьники проиграли, но проиграли лишь после того, как знатные французы не раз вытирали потный лоб. На сей раз рукоплескали побежденным не из чувства спортивного патриотизма и тем более не из чувства местничества, а только потому, что молодые игроки показали теннис, который мы не видели давно: в нем были зачатки мастерства, смелость, свежесть. И если набор простейших движений составлял как бы алфавит тенниса, его азбуку, то в данном случае мы видели, как из этих движений слагались слова и красивые фразы.

Робер Айе после матча сказал: «Потанин и Лейус играют блестяще, но неточно. Им не хватает опыта; когда они немного «потолкаются» среди иностранных теннисистов, они станут опасными и «натворят дел»...»

Именно на этом матче, где не один, а несколько талантливых юношей и девушек заставили обратить на себя внимание, можно было вспомнить о прошлом и черпать пищу для размышлений.

Золтан Катона в игре.

Мальчики из Загорянки

Если в упор посмотреть в глаза нашей теннисной истории, то можно увидеть в ней унылые, почти неподвижные фигуры, монотонно кидающие друг другу длинные мячи к самой крайней линии. Не предаваясь тревоге, они коснели в штампе, не искали новых форм и вели скучную борьбу, которая, впрочем, не вызывала эмоций ни у самих игроков, ни у публики.

Не в этом ли крылась непопулярность тенниса у нас?

Помнится, как-то, гуляя по седьмой просеке подмосковного Загорянского леса (было то в тридцатых годах), я увидел детскую площадку, где играли в крокет, серсо и теннис. Меня удивили мальчики лет 9—10, которые с завидной точностью копировали приемы мастеров ракетки — Каракаша, Павлова и Преображенского. Мальчики играли подолгу, вдохновенно и, как казалось, изобретательно. И сколько бы раз я ни был в Загорянке, всегда видел этих юных теннисистов на корте — они либо играли, либо подавали мячи мастерам...

То были Николай Озеров и Семен Белиц-Гейман, впоследствии известные советские теннисисты.

В те годы приезжал в Москву знаменитый француз Анри Коше, и десять тысяч москвичей в течение нескольких дней собирались на великолепном теннисном стадионе в парке ЦДКА, чтобы поглядеть на «жонглера из Парижа». И если отбросить цирковые номера, которыми француз, как побрякушками, хотел украсить свою игру, то можно было увидеть высокий класс тенниса с множеством разнообразных и оригинальных приемов. Некоторые зрители смотрели на них как на теннисную диковинку, другие — как на предметный урок.

Юные наши спортсмены жадно воспринимали смелую, агрессивную игру. Они не только глядели на француза, но и учились у него. Затем наши тренеры положили немало сил, чтобы развить в ребятах эту новую манеру игры: смелые выходы к сетке, умение гасить мячи ударом «смэш», разнообразить тактику нападения.

Казалось, выпусти их тогда на международные корты, брось их, еще не умеющих плавать, в «теннисное море», заставь барахтаться, может быть, и хлебнуть горькой воды, а все же плыть в большом просторе, гляди, и появились бы у нас свои Баротры, Перри, Ганзолесы.

Но нет, история рассказывает о другом: мы обрекли юных теннисистов на плавание в кипяченой воде бассейна...

Н. Озеров, Э. Негребецкий, В. Корбут, С. Белиц-Гейман, З. Зигмунд учили друг друга. И хотя их выход на передовые позиции отечественного тенниса изменил внешний облик игры, освежил его и сделал более привлекательным, все же большинство спортсменов, в том числе и молодых, продолжало монотонно перекидываться на крайних линиях.

Создавалось впечатление, что они не играют в теннис, а отбывают некую трудовую повинность. Подобная манера, названная самими спортсменами «качкой», всегда была выражением отсталой, анахронической тактики, на скрижалях которой было начертано: «Отрекись от суеты».

Если внимательно проследить за эволюцией в тактике тенниса от давних времен до наших дней, то можно заметить, что основой ее всегда был и до сих пор остался выбор позиции на площадке: играть ли у задней линии (а иногда и за ней) или постепенно двигаться вперед, к сетке, для наступательного «ближнего боя». Строго говоря, выбор позиции в теннисе отражает извечный вопрос в спорте: атака или оборона? Старый догмат «все для защиты» бит современным теннисом, подвижным, маневренным, атлетически красивым, с обилием ударов по мячу, еще не достигшему земли. Кто владеет такой игрой, тот имеет ключ к победе. Взоры теперь прикованы к ним.

А кто не видел этих изменений на международных кортах, тот безнадежно отставал. Мы в этом убеждались каждый раз, когда к нам приезжали зарубежные теннисисты.

Вспоминаю один из таких матчей, когда приехал только что битый в Уимблдоне Иожеф Ашбот, а также его друзья Золтан Катона и Жужа Кермеци. Это был не первый приезд знаменитого Ашбота, когда-то покорявшего нас безошибочными подачами, мощными, длинными ударами, умением укоротить полет любого мяча. Теперь он был далек от своей былой формы. И все же венгр победил наших ведущих теннисистов, в том числе и первую ракетку страны — С. Андреева, который с завидной постоянностью вел игру у задней линии.

Может быть, не стоило ворошить в памяти прошлые матчи, в которых мы неизменно показывали свою приверженность к старым формам тенниса, если бы они не были свидетельством нашей тактической, да и технической отсталости.

Становилось ясно: нужно готовить новых теннисистов в возрасте... 12—14 лет. Учить ребят взялись лучшие тренеры. Среди них хочется назвать Н. Теплякову, Н. Лео, Е. Чувырину, Э. Крее, И. Шура, Р. Силуянову, А. Зигмунд. Это было основой, на которой вырастал новый теннис. Можно было ждать «выдачи продукции».

Вот уже несколько лет юные теннисисты участвуют во всесоюзных турнирах не только в своем «юношеском разряде», но и допускаются к играм со взрослыми.

К тому же значительно чаще наши спортсмены стали встречаться с зарубежными мастерами ракетки: с венграми и чехами, поляками и румынами, французами и бельгийцами. Одни приезжали к нам, к другим направлялись мы. В этих состязаниях принимала участие и способная молодежь, воспитанная нашими трудолюбивыми тренерами.

Подготовка юношей и «нормальное теннисное кровообращение» сразу же дали плоды: на корт пришли школьники и повели наступление на заслуженных мастеров спорта с позиций, занятых у сетки.

Атакующий удар был столь энергичен, короток и красив, что сильнейшая группа наших игроков сразу же уступила первые места и ведущее положение в теннисе юношам, имена которых вчера еще никто не знал.

Новая «партитура» тенниса

Это не было случайностью. Зимний турнир этого года на крытых кортах стадиона «Динамо» показал, что молодые игроки, особенно Т. Лейус, А. Потанин и

С. Лихачев, твердо держат ракетку в руках. Впервые за много лет чемпион Советского Союза Сергей Андреев не только не стал победителем турнира, но даже не вышел в финал. Выиграл юный Томас Лейус.

Это было поражение не столько чемпиона, сколько старой, отжившей тактики, из которой Андреев взял все, что мог. Он довел технику своей игры до «машинности», а иной раз поражал выдержкой и выносливостью. Но теперь подобный теннис рушился на наших глазах.

Удивлены были лишь те, кто не знал, как исподволь готовились молодые спортсмены, кто не понимал, что менялась «партитура» тенниса, а значит, должны были меняться и исполнители партий.

В мае в Риге состоялся международный турнир на приз Совета Министров Латвийской ССР. Из Венгрии приехали знакомый нам Золтан Катона и Клара Бардоци, а Чехословакию представлял П. Корда. С нашей стороны «под ружьем» были все возрасты — от С. Андреева до Томаса Лейуса. И если на зимних кортах молодежь удачно провела «разведку боем», то теперь она атаковала и обыграла соперников по всем правилам теннисного искусства.

Томас Лейус.

Уже в четвертьфинале чемпион страны С. Андреев после борьбы в пяти сэтах, ни один из которых не был легким, вынужден был признать себя побежденным. Обыграл его киевлянин М. Мозер.

Энергичная, темповая, атакующая игра бакинца С. Лихачева заставила опытного мастера, отличного техника Золтана Катона, применить все свое умение, чтобы с честью выйти из этого неожиданного поединка, в котором соперник годился ему в сыновья. Зато на следующий день З. Катона не мог устоять под «пушечными ударами» Андрея Потанина. Венгерский гость проиграл.

Т. Лейус победил М. Мозера и встретился в финале с А. Потаниным. Они заслужили право оспаривать первое место. И если Лейус был точен, бдителен и аккуратен на протяжении всех четырех часов (!) встречи, то Потанин поражал нас красивой, темпераментной игрой, хотя иной раз, словно сбиваясь с такта, делал осечки и быстро терял самообладание.

Чего здесь было больше: неопытности или нрава?

Жак Бришан после одного из матчей сказал журналистам:

— У меня плохой характер: я не люблю проигрывать...

Эта фраза не была только шуткой. Внимательный зритель мог бы заметить, как этот спортсмен боролся за самую малую возможность выиграть, старался взять любой мяч, иной раз, казалось, недосягаемый.

Этого мы не увидели у Потанина. Он то выигрывал у Лейуса — 6 : 0, то слишком легко отдавал завоеванное. Достаточно сказать, что в пятой, решающей партии при счете 6 : 6 он вел 40 : 0 и... проиграл.

Впрочем, это было не раз.

Хотелось отметить и суетливость Потанина на площадке. Он как бы танцует на месте, прежде чем произведет удар, тратит на это много сил. Тренер должен «очистить» игру Потанина от лишних движений, подобно тому как скульптор снимает последнюю глину с готового произведения. Тогда игра молодого спортсмена приобретет еще большую стремительность, силу и красоту.

Рига еще раз подтвердила, что настал момент выпускать нашу молодежь в большое, международное «теннисное плавание».

Старая китайская поговорка гласит: «Не забравшись в логово тигра, не поймаешь тигренка».

Пойманные «тигрята»

Международная теннисная арена велика. Ежегодно устраиваются открытые чемпионаты Австралии, Франции, США и Англии, так называемый «Большой шлем» турниров.

Но неофициальным розыгрышем первенства мира принято считать встречи в Уимблдоне, под Лондоном, куда, как в теннисную Мекку, ежегодно в конце июня съезжаются игроки экстра-класса со всех континентов. «Белый турнир» в Уимблдоне разыгрывается с 1877 года на травяных кортах. Эти площадки похожи на хорошо выработанные ковры, на которых пружинит и слегка скользит мяч.

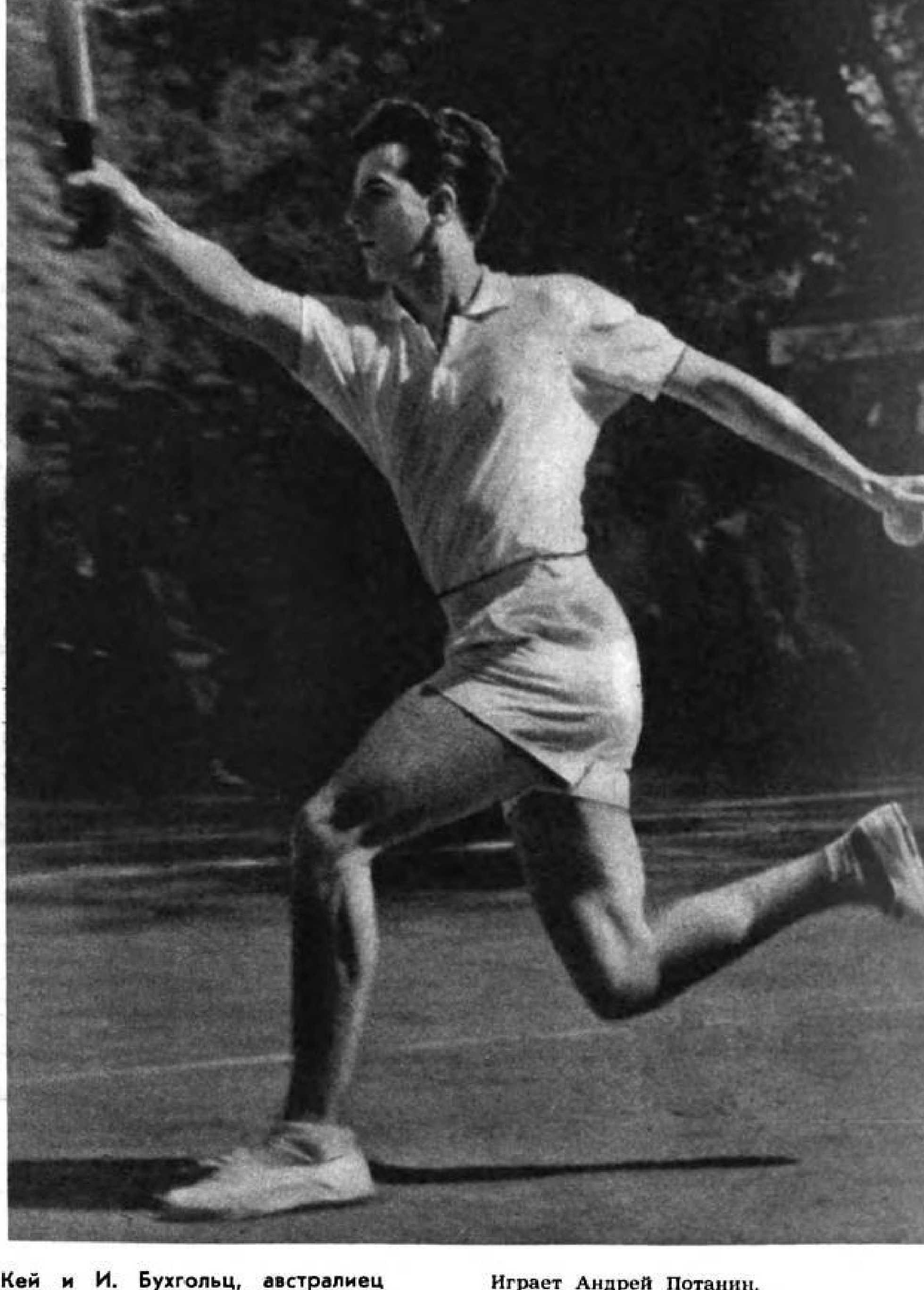
Трава уимблдонских кортов, особенно центрального, отличается и плотностью. За ней следят, ее подстригают, холят. На главную площадку не пускают никого, кроме финалистов турнира и шефа-садовника в войлочных туфлях.

В прошлом веке на корты сгоняли овец, которые щипали траву, и тем «поддерживали» нормальное состояние площадок. Теперь это делают газонокосилки.

Все сильнейшие теннисисты мира — любители и нынешние профессионалы — прошли через уимблдонский университет, где получали аттестат зрелости и где защищали труднейшие дипломные матчи.

В этом году на «священные» травяные корты Уимблдона было допущено 224 сильнейших мастера ракетки, а из них 4 наших: А. Потанин, Т. Лейус, С. Лихачев и Аня Дмитриева — мал мала меньше. Однако наши «малыши» вели себя мужественно.

До Уимблдона по традиции разыгрывались турниры в городе Бекнеме — столице графства Кент — и в лондонском «Куинс клабе». И в одном и в другом участвовали претенденты на уимблдонскую корону, в том числе такие, как перуанец Алехандро Ольмедо, американцы Б. Маккей и И. Бухгольц, австралиец Н. Фрезер, индиец Р. Кришннан, француз П. Дармон, датчанин К. Нильсен. Играли и наши школьники.

Играет Андрей Потанин.

И вот первого «тигренка» поймала Аня Дмитриева: она обыграла американку Рут Джеффрей в трех сэтах. Затем А. Потанин победил австралийца Д. Рейли и встретился с сильным мастером Ж. Фростом. Едва ли кто-либо сомневался в исходе борьбы: шансы были на стороне американца. Однако Потанин блеснул хорошей игрой у сетки, непрерывно атаковал соперника и победил его в трех партиях. Это стало настоящей сенсацией Бекнема.

Но на этом ловля «тигрят» не кончилась. Аня Дмитриева выиграла у опытной чемпионки графства Кент А. Варвик, а затем — у американки Полины Стюарт. Андрей Потанин к своим победам добавил новую — над англичанином Кизлингом, а затем встретился с одним из самых сильных теннисистов мира — Алехандро Ольмедо.

Да, Потанин проиграл, но, как рассказывает С. Белиц-Гейман, который наблюдал эти любопытные состязания, он провел встречу на пределе, набирал очки своими коронными ударами справа, обводил Ольмедо кручеными ударами по восходящему мячу и хорошо играл у сетки.

Результат встречи — 6 : 3, 6 : 4 — говорит о борьбе.

Особый успех выпал на долю Томаса Лейуса. Он не только последовательно обыграл голландца Н. Гориса, чилийца Е. Агирре, американца Х. Стюарта, не только удачно выступал в «утешительных» соревнованиях «взрослого Уимблдона», но блестяще выиграл юношеский турнир и по справедливости считается теперь сильнейшим игроком в мире среди юношей.

В Уимблдонском «взрослом» турнире нашим спортсменам было трудно. Они проиграли в первом же туре сильным, опытным теннисистам высокого класса.

Ну что же! В спорте «зеленой улицы» для побед не бывает. Сегодня, проигрывая, наши молодые теннисисты сделали решительный шаг к будущим победам. Встречи с такими виртуозами теннисного искусства, как А. Ольмедо, Ж. Фрост, Жан-Ноэль Гринда, несомненно, дадут свои плоды.

В Англии пойманы кентские «тигрята», но не пойманы еще уимблдонские «тигры». Тем не менее мы рукоплещем нашим молодым спортсменам при поражении, зная, что завтра они будут играть в Уимблдоне так же смело, настойчиво, изобретательно, как играют они у себя дома. Мы верим в это хотя бы потому, что молодые теннисисты сошли с крайней линии площадки и двинулись к сетке.

Счастливого им удара!

Море горит...

А. КИКНАДЗЕ

Море горело. Казалось, что и небо тоже. Полнеба было охвачено заревом, и не только по радио узнавали на судах, бороздящих Каспий, о беде, приключившейся на «Нефтяных камнях».

Меняли курс корабли. Закон морской дружбы вывел из Астрахани маленький пожарный катер, приспособленный лишь для недалекого, прибрежного плавания. Преодолев опасности штормового похода, пришел бесстрашный астраханец на помощь бакинским нефтяникам. В наступление на огонь шли буксировщики и пожарные катера «Черняховский», «Панфилов», «Ватутин». Курс — на «Нефтяные камни», на легендарный остров, поднявшийся над Каспием.

«Нефтяные камни» — это многие десятки буровых, шагающих все дальше и дальше от эстакады к горизонту, это треть всей нефти, добываемой сегодня в Азербайджане.

Но Каспий не сдается без боя. Сотрясаясь от гнева, преграждает он доступ к своим богатствам. То вдруг обрушивает он на остров льды, двигающиеся с севера, то ожесточается шквалами невиданной силы.

А еще память нефтяников хранит и будет долго хранить тот скорбный день, когда разъяренное море, словно мстя за все обиды свои, похитило человека, именем которого называют сегодня улицы и пароходы. Михаил Каверочкин, один из первооткрывателей «Нефтяных камней», погиб, неся вахту на далекой новой буровой. Отважному человеку посмертно присвоили звание Героя Социалистического Труда.

И вот снова вспылил Каспий...

На скважине № 674, что бурится на «свежем поле», где пластовое давление еще сохранило свои первозданные силы, вспыхнул пожар. Столб огня высотой в восемьдесят метров взметнулся к небу. Выброс нефти и газа был так велик, а пламя столь яростно, что даже над самой водой железные сваи раскалились докрасна.

А потом, словно фантастическое чудовище, возник над поверхностью воды гигантский бурун — вспыхнул новый, растекавшийся все шире факел нефти и газа.

Еще одно испытание воли людей на «Нефтяных камнях»! Вчера они боролись со льдом, сегодня с пламенем. На помощь им спешили пожарные, моряки Краснознаменной Каспийской флотилии.

Тяжелее всего стало, когда на смену восьмибалльному шторму пришел ненавистный штиль. Теперь волны не сдерживали плавающего огня. Он бушевал уже на площади в 30 тысяч квадратных метров.

Надо было локализовать очаг огня, помешать ему распространяться по поверхности моря, не допустить его до новых буровых.

Защищая эстакаду, смело рассекают островки огня пожарные катера № 1, «Александр Невский», «Ватутин», «Черняховский». На «Панфилове» с верхушки мачты бьет по огню из лафетного ствола пожарный Владимир Капарулин. Обожжены руки, лицо, но боец не уходит с поля боя. Огонь слепит уже на расстоянии 150—170 метров, а к нему надо подойти на десять шагов, чтобы атаковать его струями воды, свершить еще один бросок, преодолеть и эти десять шагов, взбурлить воду, отсечь кусок пламени, стереть еще одно огненное пятно. «Панфилов» идет вперед. И только тогда, когда столб пламени уже накрепко окутал корабль, Владимир Капарулин прыгает вниз; чьи-то заботливые руки подхватили его.

Черной молнии подобный, врезается в огненную стену корабль «Сомов». Сомов! Это имя хорошо знает каждый, кто несет сейчас свою боевую вахту. Петр Сомов был заместителем начальника пожарной охраны нефтяной промышленности Азербайджана. Он погиб 24 года назад, защищая от огня бухту Ильича — лес вышек, поднявшийся на земле, отвоеванной у моря. Сегодня так же доблестно, как и Петр Сомов, сражается с огнем, защищая иные рубежи, сын его, коммунист Виталий Сомов, молодой инженер, начальник отдела пожарной техники.

На самом угрожаемом месте находился все дни необыкновенной блокады начальник управления «Гюргяннефть» Герой Социалистического Труда Бахтияр Мамедов. Он делал все, чтобы спасти буровые вблизи очага огня. Бакинцы с радостью узнали, что скважины №№ 532, 408, 55, пробуренные с таким трудом, сохранены.

...По ночам в Совете Министров Азербайджана на оперативных совещаниях намечались пути наступления. Здесь можно было встретить рядового нефтяника и адмирала. Приходили донесения от капитана «Панфилова» Абдурахманова, капитана «Сомова» Макотавчука, начальника пожарной команды «Нефтяных камней» Кацоева.

В эти дни в Албании находился полковник Константин Владимирович Ткаченко, крупнейший знаток пожарного дела. Он помогал албанским друзьям укротить фонтанирующую огнем скважину. Самолеты доставили Константина Владимировича к берегам Каспия. В тот же день он встретился на «Нефтяных камнях» со своим старым знакомым Гроздамом Мушеговичем Мамиконяном, прилетевшим из Москвы. Это тоже большой специалист: еще в 1922 году он участвовал в тушении знаменитого сураханского пожара и был одним из тех, кому адресовал тогда свои теплые строки Владимир Ильич Ленин.

Общими силами разработали план массированного наступления. Надо было сбить огонь, «оторвать» его от воды. В дело вступили бомбометы: офицер Краснознаменной Каспийской флотилии Ф. Синенко предложил разрушить раскаленные основания вышки, а затем серией подводных взрывов сбить пламя. И когда корабль под командованием офицера Б. Кузнецова вышел на выполнение боевого задания, на пост наводчика стал офицер Ф. Синенко.

...Вздрагивает корабль, вздрагивает пламя. Под основанием вышки раздаются глухие взрывы. В бой вступает батарея бомбометов. Одна атака следует за другой. Над очагом огня ставится плотная дымовая завеса — предполагается, что она преградит доступ кислороду, удушит пламя, а новые подводные взрывы окончательно добьют его.

Томительно тянулись минуты. Но вот утихли разрывы. И когда спала дымовая завеса, люди облегченно вздохнули. Пламя погасло.

Это произошло на девятый день сражения в открытом море близ славного острова «Нефтяные камни».

Теперь можно побеседовать с начальником Управления пожарной охраны Азербайджана полковником К. В. Ткаченко.

— Роль, которую сыграли в победе над огнем военные моряки Каспия,— говорит он,— трудно переоценить. Мы готовили тушение пожара взрывом аммонала. Но подвести к огню 250—300-килограммовый заряд было делом чрезвычайно трудным и опасным. Применение же глубинных бомб, способных при взрыве выбрасывать огромные массы воды, позволило решить задачу с не меньшим успехом. Этот опыт выявит новые способы борьбы с пожарами на море.

* * *

...Снова спят спокойно люди «Нефтяных камней». Очистилось небо, вернулись в тихую гавань корабли. И если бы не покореженный участок эстакады, ничто не напоминало бы здесь о битве, в которой проявилось с такой силой мужество советского человека.

Баку.

Идет атака на огонь.

Фото Б. Труцци.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Свадебный подарок

Военный моряк — балтиец Б. К. Алексютович по специальности минер. За время службы на флоте он обезвредил 1 685 мин, торпед, бомб и фугасов. Мы попросили Бориса Константиновича рассказать о самом памятном случае из его практики. Офицер задумался. Какой же эпизод, самый опасный, связанный с риском для жизни? Их много. И он остановился на... «свадебном подарке».

— Это было в тот памятный день,— вспоминает Борис Константинович,— когда, вернувшись из загса с молодой женой, я был неожиданно вызван в штаб.

Валя (жена Алексютовича) осталась дома. Прошел час, другой, но Борис Константинович все еще не возвращался. Начинался рассвет, а его все не было.

«Что же произошло?» — думала молодая женщина.

А в это время в одной из бухт города начался настоящий поединок человека со смертью. В ковше землечерпалки лежала огромная немецкая мина. Алексютович осторожно смыл грязь с крышки горловины. Мина была акустической. Ее реле чувствительно к любому стуку, шороху, скрипу и даже шуму мотора. Иметь дело с такими минами ему еще не приходилось. Несколько раз он прикладывал к ее корпусу ухо, стремясь узнать, не ожил ли механизм внутри этого зловещего чудовища. Все было тихо.

«Буду вырезать пробку вручную»,— решил Алексютович. По его расчетам, через каждые три секунды можно было проводить специальным ножом по пластмассовой пробке. Но это только расчеты, а вот как осуществить их на деле? Он хорошо понимал, что от малейшего прикосновения может взлететь на воздух. Какой же выход? Нужно было рисковать. И Алексютович решительно, поставив кончик ножа на край пробки, резанул пластмассу. Стрелка вздрогнула, но до контакта не дотянула. Расчеты минера оказались правильными.

Теперь все его внимание было приковано к пробке мины. Он отсчитывал вслух секунды, резал пластмассу, снова отсчитывал и снова резал. Так продолжалось несколько часов.

В это время на мачте сигнального поста взвился черный крест — знак приближающегося урагана.

Алексютович готов был кричать от досады, но все же продолжал отсчитывать секунды и резать пластмассу. Правда, у него было еще время, чтобы спасти жизнь, уйти в укрытие. Но он этого не сделал, остался на ковше землечерпалки.

И вот уже с моря повеяло прохладой. Пройдет еще несколько минут, и тихая синь бухты встрепенется, покроется волнами, и тогда... Алексютович старался ни о чем больше не думать. Даже назойливый горький пот, застилавший глаза, не отвлекал больше его внимания.

Наконец, указательный палец прошел в отверстие пластмассовой пробки. Одно мгновение — и провода, идущие к запалу, были отсоединены.

Алексютович встал и медленно сошел на берег. В его руке осталась небольшая медная цепочка, которая как бы свидетельствовала о том, что поединок со смертью выиграл человек.

Домой Борис Константинович вернулся в полдень. Жена все еще стояла на том же месте, где он ее оставил.

— Извини меня, что так долго задержался. Вот тебе свадебный подарок,— сказал он и подал Вале цепочку.

— Спасибо. Золотая?

— Не совсем, но досталась мне дороже золотой.

М. ЛЕОНИДОВ

Подполковник Б. К. Алексютович и капитан 3-го ранга Ф. В. Крюков разряжают боевую торпеду.

Фото Ю. Игонина.

Новая здравница Украины

Жаркий летний день. Но в Александрии, в новой украинской здравнице в городе Белая Церковь, мы, отдыхающие, не чувствуем жары. Тут много тенистых аллей и тропинок. Здравница окружена парком. Плакучая ива, восточная ель, гигантский самшит и каштаны, растущие здесь, лесные поляны — все это создает чарующий естественный ландшафт.

Есть здесь двадцать прудов, где разводят форель, белого амура, серебристого карпа; река с зелеными берегами и чистой, как хрусталь, водой.

Но не только красотами природы славится Александрия: на территории парка обнаружены целебные радоновые источники.

А. МАШКОВ

На снимке: в парке Александрии.
Фото В. Мельникова.

Золотые руки Станислава Григоренко

Когда смотришь на эту сделанную из латуни и позолоченную модель крейсера «Свердлов», невольно вспоминаешь тульских умельцев, которые «аглицкую блоху на подковы подковали».

Модель, выполненная в масштабе 1 : 1 000 натуральной величины, состоит из 582 деталей, самая маленькая из которых едва видна невооруженным глазом. Чтобы рассмотреть эти детали, действительно нужен «мелкоскоп»!

Так, например, башни зенитных орудий состоят из 14 деталей каждая! Стволы к этим орудиям (немного толще волоса) точены на станке и имеют диаметр 0,12 миллиметра. Всего выточено 36 стволов.

В длину модель не превышает авторучки.

Свою работу — модель крейсера «Свердлов», которая будет представлена на всесоюзном конкурсе технического творчества,— комсомолец Станислав Григоренко посвятил Дню Военно-Морского Флота.

В. ИЗВАРИН

Станислав Григоренко за любимым делом.
Фото И. Макаренко.

В стране игрушек

До потолка высокого павильона вытянулось дерево, по стволу которого вверх и вниз бегает забавная обезьянка. На ветке удобно расположился попугай, а вокруг дерева ведут хоровод куклы в нарядных национальных костюмах.

Около трех тысяч самых разнообразных экспонатов размещено в новом павильоне «Игрушка» на Выставке достижений народного хозяйства. Вот на стенде сказочный красавец — конь с волнистой гривой, с роскошным хвостом. А если маленький посетитель потянет за колечко на его спине, то звонкое ржание коня, сделанного на Московской фабрике озвученной игрушки, разнесется по павильону.

Неподалеку разместилась дружная компания героев сказок — Незнайка и его приятели: Машенька и Медведь, Колобок, Буратино...

А рядом — это не из сказок — нажмешь кнопку — и по рельсам покатится поезд, нажмешь другую — по крутым склонам взбираются автомашины. Можно заставить летать игрушечного голубя, крякать утенка, кукарекать петуха.

35 ярких матрешек Загорского научно-исследовательского института игрушки заняли целый стенд. Здесь же игрушки потомственных загорских резчиков по дереву — семьи Рыжовых. Их качающиеся медведи мастерством исполнения вызывают восхищение даже у взрослых.

Выставка знакомит и с историей игрушки. Здесь самые древние игрушки, которые датируются XII веком, из глины, лыка, соломы. И самые новейшие — из пластмасс, целлулоида, полистирола.

Павильон «Игрушка» широко распахнул для детей двери сказочного мира.

М. МАКАРОВ

Первый посетитель в павильоне «Игрушка».
Фото М. Яковлева.

Народный артист СССР профессор Василий Осипович Топорков со студентами-дипломниками школы-студии имени Немировича-Данченко.
Фото Р. Лихач.

ТЕАТР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Роза Каримова никогда не думала о сцене. В детстве она хотела быть дояркой в своем колхозе, потом, окончив десятый класс, решила стать педагогом. Но, узнав о том, что в Уфе Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) набирает башкирскую студию, Роза рискнула попытать счастья. Большой неожиданностью для нее было, когда она увидела свою фамилию в списке принятых...

Шамиль Рахматуллин с детства мечтал стать актером. И прежде, чем попал в ГИТИС, он несколько лет играл в совхозно-колхозном театре. Там была небольшая труппа, и Шамиль сегодня изображал нежного влюбленного, завтра — убеленного сединами председателя колхоза, послезавтра — конокрада, пьяницу и хвастуна. В первые годы учения «театральная бывалость» мешала.

...Прошло пять лет. На сцене маленького театра, который находится в Гнездниковском переулке Москвы, идет спектакль башкирской студии ГИТИСа «Хозяйка гостиницы». Художественный руководитель студии — Б. Бабиков; режиссер — О. Пыжова. Мирандолину играет Роза Каримова, маркиза Форлипополи — Шамиль Рахматуллин. Юная дерзкая Мирандолина зло высмеивает и издевается над докучливым воздыхателем — жалким дворянчиком маркизом Форлипополи. В каждой ее реплике — презрение. Маркиз же сияет от радости. Он заикается, готов упасть на колени перед очаровательной трактирщицей, но трясущиеся ноги не слушаются пылкого любовника...

Спектакль идет на башкирском языке. Большая часть сидящих в зрительном зале не знает этого языка. Причем зрители эти не педагоги, папы, мамы, родственники или знакомые студентов, а настоящая, «платная» публика. Но до такой степени выразительна игра студентов башкирской студии, так искренне верят они в представление, что зрители полонены молодыми артистами. Весело смеются над неловким маркизом, аплодируют Мирандолине, которой удалось увернуться от бешеных порывов другого воздыхателя — кавалера Рипафратта.

А за кулисами Виль Каримов в пух и прах разносит зазевавшегося графа Альбафьорита — Наиля Тибеева, который едва не опоздал к выходу на сцену. Виль Каримов недавно здесь же, в театре, выступал в пьесе Розова «В поисках радости» в роли Геннадия, а в этом спектакле он помощник режиссера и должен следить за выходом на сцену актеров, за мизансценами и репликами, вовремя давать занавес.

Завтра в спектакле «Гибель Надежды» надутый граф из «Хозяйки гостиницы» превратится в помощника режиссера, а в следующей постановке — в простого рабочего сцены. Потому что театр в Гнездниковском переулке — это не обычный профессиональный театр, а учебный. В нем нет постоянной труппы, все делают сами студенты театральных учебных заведений Москвы. Они актеры, бутафоры, костюмеры, иногда постановщики, помощники режиссера, рабочие сцены. Обслуживающий персонал здесь очень невелик.

Учебный театр открылся в сентябре прошлого года спектаклем дипломников ГИТИСа «Васса Железнова». А затем показали свои дипломные и курсовые работы училище имени Щепкина, училище имени Щукина, школа-студия имени Немировича-Данченко, Государственный институт кинематографии. Всего было показано около ста постановок.

Каждый спектакль принимает художественный совет, в который входят директора институтов и руководители кафедр актерского мастерства, художественный руководитель театра и председатель совета — В. О. Топорков.

— Учебный театр, — говорит Топорков, — создан, чтобы объединить театральные школы, выработать единую систему обучения актеров. А самое главное — будущим актерам необходимо как можно чаще показываться зрителю. К сожалению, прежде студенты, оканчивавшие высшие театральные заведения, не сдавали этого важного экзамена. Спектакль — это коллективное творчество, и зритель — один из его компонентов. В театральных вузах со студентами изучают только, так сказать, ноты, по которым они должны создавать «музыку». Встреча студентов со зрителем, обычным, «платным» зрителем, — это и есть проверка их творчества, их умения и мастерства.

Вскоре не только москвичи будут знать Учебный театр. Его спектакли посмотрят на юге и на севере, на западе и на востоке нашей страны. Студенты башкирской студии уже получили назначение в Уфу и другие города. Перед тем, как обосноваться в постоянных театрах, они всем курсом покажут репертуар, созданный за годы обучения, в колхозах и совхозах своей республики.

Т. ТРОИЦКАЯ

Сцена из спектакля «Хозяйка гостиницы». Башкирская студия. Мирандолина — Р. Каримова, кавалер Рипафратта — М. Султанов, маркиз Форлипополи — Ш. Рахматуллин.
Фото А. Гладштейна.

Солистки балета

На театральной афише появилось новое имя: Елена Рябинкина.

Семнадцатилетняя воспитанница Хореографического училища Большого театра выступила в труднейшей роли Одетты — Одиллии в балете «Лебединое озеро». Выступила не как робкая ученица, а как одаренная артистка, владеющая редким благородством рисунка, подкупающим обаянием, высокой техникой.

Мы видели много выдающихся балерин в этой партии. Поэтому особенно приятно отметить, что, освоив под руководством отличных педагогов (В. Васильевой, Е. Гердт) все технические трудности роли, Рябинкина сумела сохранить свою яркую индивидуальность. Пожалуй, за всю историю балета никому не выпадало счастье в семнадцать лет, на первом же спектакле, столь блистательно исполнить такую сложную партию. А впрочем, можно ли это назвать только счастьем? Ведь успех был вполне закономерен.

Творческое, трепетное отношение к роли, природная музыкальность, большая трудоспособность обеспечили успех дебюта Рябинкиной в «Лебедином озере».

Высокая одаренность и большой труд всегда находят у нас должную оценку.

Москвичам памятен большой успех другой юной балерины, Екатерины Максимовой. В первый же сезон своей работы в Большом театре она превосходно исполняла главную партию — Катерины — в балете Прокофьева «Каменный цветок» и в Москве и во время гастролей в США.

Сейчас обе девушки едут в Вену на фестиваль.

Хочется думать, что, несмотря на свои первые большие победы, юные балерины не перестанут трудиться. Тогда мы будем свидетелями новых и новых успехов Елены Рябинкиной и Екатерины Максимовой.

Заслуженный артист РСФСР
Сергей КОРЕНЬ

РОЖДЕНИЕ ДРАМАТУРГА

→ Спектакль «Алмазы» на сцене Калининского драматического театра. Роль геолога Нины Ратмировой исполняет молодая актриса Т. Бизяева.
Фото А. Зароастровой.

Десять лет бродят по нехоженым дальним дорогам страны геолог Алексей Ратмиров и Нина, его жена. Она тоже геолог. Их лозунг — «Мечта! Труд! Успех!». Ратмировы счастливы.

Впрочем, счастливы ли?.. Когда происходит наше первое знакомство с ними в стенах Калининского драматического театра, чувствуется, что Алексей уже начал уставать от вечного бродяжничества, от «неуюта» в доме.

А Нина не замечает этого. Она «заболела» алмазами Якутии. Ведь геологов никто никуда не гонит. «Нужно, и они идут!»

Что же дальше? Разрыв. Семьи Ратмировых больше нет. Алексей и Нина сделали свой выбор. У него другая, заботливая жена, сын, хорошо обставленная квартира в Москве, спокойная служба в главке. У нее бесконечные пути и переходы, приступы мучительной таежной лихорадки, неотступные поиски, а главное, большая, красивая мечта об алмазах.

Спектакль так и называется — «Алмазы». Автор его — Надежда Глазова. Ставил спектакль Г. Георгиевский, главный режиссер Калининского театра.

Знакомство театра с коллектором геологоразведочной партии Н. Глазовой состоялось шесть лет назад. Она работала в Калининской области, но пьесу написала о Китае... Но и в этом сочинении ощущались крупицы литературного дарования. Театр их заметил, и через шесть лет Глазова написала «Алмазы».

О романтике подвига, о большой цели советского человека рассказывает спектакль. Нина Ратмирова нашла алмазы, хотя поплатилась за это жизнью. После смерти Нины вернулся к алмазам Алексей.

Нину Ратмирову играет молодая артистка Татьяна Бизяева. Эту роль можно рассматривать как рождение актрисы, хотя в Калининском театре Т. Бизяева работает после окончания школы-студии МХАТа уже около трех лет.

Интересно, что после премьеры «Алмазов» Калининский театр получил еще семь новых пьес от местных авторов.

З. СТОЛЕТОВА

Стихотворец поневоле

Фельетон

Б. ПРОТОПОПОВ

В жизни встречаются случаи, каких не придумать самому изощренному новеллисту. То и дело убеждаешься в этом.

Недавно я получил письмо:

«Обращаюсь к вам с просьбой: не можете ли вы написать про меня фельетон? Раздраконьте меня, как бог черепаху. Так, мол, и так, живет в городе Одессе, по улице Ласточкина, 24, в квартире номер 10, пенсионер Александр Евстафьевич Черкасс. Живет и всем надоедает. Убедительно прошу об этом. Очень меня обяжете. На вас вся надежда.

С уважением А. Черкасс.

P. S. Только в фельетоне обязательно упомяните мою фамилию и адрес».

Сначала я стал в тупик: что за неукротимое желание прославиться? Правда, у моего адресата были предшественники, обладавшие столь же непомерным честолюбием. Например, полоумный грек Герострат, чтобы войти в историю так, за здорово живешь, спалил одно из семи чудес света — храм Артемиды в Эфесе. Оболтусу Митеньке из чеховского рассказа понадобилось попасть под извозчичью лошадь, чтобы его «пропечатали» в газете. Но как пожилой человек, в здравом уме и твердой памяти мог обратиться с такой просьбой, для меня было непонятно. Неужели действительно только затем, чтобы все знали: живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский, то бишь А. Е. Черкасс?

Оказывается, да. Только за этим!

От погибшего брата у Александра Евстафьевича осталась племянница Галина. Черкасс хотел взять ее к себе, но началась Отечественная война, и он потерял племянницу из виду. Потом одинокий старик писал в адресные и справочные бюро, органы милиции и другие учреждения, которые могли бы ему помочь найти родного человека. Но отовсюду: из Харькова, Бугуруслана, Москвы, Ростова-на-Дону и других городов — приходили неутешительные ответы. Лишь из Куряжа, Харьковской области, ему сообщили: Галина Петровна куда-то выехала.

Однажды мелькнул, правда, луч надежды: участковый уполномоченный сызранской милиции тов. Кокорин с радостью сообщил, что в Сызрани первые годы войны проживала Г. П. Черкасс и что сейчас она находится в Ленинграде.

И вот летит первое письмо в Ленинград. Как волновался Александр Евстафьевич, ожидая ответа, трудно передать. В глубине души он надеялся получить не почтовую весточку, а ожидал, что племянница приедет сама, и при каждом стуке в дверь вскакивал с места.

Но пришло письмо, и вместе с ним рухнули все надежды. Ленинградка была Черкасс только по мужу.

Снова настали годы безуспешных розысков.

Но вот однажды, вручая старику очередной безнадежный ответ, знакомый почтальон посоветовал:

— Трудно искать вашу Галину. Вышла, наверное, замуж, переменила фамилию, пойди найди ее! И она, глядишь, вас ищет, а вы в Одессу уехали из родных краев... Прямой вам путь написать в центральную газету.

— Так не печатают же таких объявлений! — сказал Александр Евстафьевич.

— А вы заметки пишите про интересные дела. Стихи тоже можно... И подписывайтесь, как писатели делают: «Александр Черкасс». Сразу вас племянница найдет!

И Александр Евстафьевич стал сочинять заметки и подписываться, «как писатели».

Для начала он, просидев целую ночь, написал стихи, которые били прямо в цель:

Галя моя, внучки,
Где вы, родные?
Я вас разыскиваю,
А вы своего деда забыли...
Александр Черкасс

Как и следовало ожидать, Александр Евстафьевич получил из газеты подробное письмо с изложением правил стихосложения, с призывом читать больше хороших стихов и учиться у настоящих поэтов.

Тогда он перешел на прозу и, работая целый месяц без отдыха, сочинил рассказ под названием «Что делать?», где некий дед Остап подробнейшим образом сообщает читателям уже известную нам историю.

В другой крупной газете, куда попало это произведение, тоже, конечно, не могли знать, что заставило автора взяться за перо, и холодно ответили, что «...рассказ слаб в художественном отношении: очень растянут, образы действующих лиц не выписаны, а линия главного героя неясна».

«Что ж тут неясного?» — горестно размышлял Александр Евстафьевич и, подумав, запросил редакцию: нельзя ли ответить ему на страницах газеты, чем неясна «линия главного героя» в рассказе Александра Черкасса?

Оказалось, на страницах газеты ответить нельзя!

И эта неудача не обескуражила нашего героя. Он вспомнил, что еще не использовал такой газетный жанр, как критическая корреспонденция. Вскоре нашлась и тема. Присутствуя на спектакле в сельском клубе, он обратил внимание, что самодеятельные артисты играли хоть и очень неплохо, но одеты были ужасно. Любовь Яровая — в цветном сарафане, а поручик Яровой — в выцветшей солдатской гимнастерке, да еще с большими черными пуговицами. Оказалось, что у сельских клубов нет никакого реквизита и никто не заботится о том, чтобы создать хотя бы в районных центрах прокатные базы театральных костюмов, простеньких декораций и бутафории.

Александр Евстафьевич пришел домой и написал об этом, закончив заметку простодушным воззванием ко всем гражданам Советского Союза помочь сельской самодеятельности, кто чем может, на приобретение костюмов. В качестве почина он положил в конверт вместе с корреспонденцией пятьдесят рублей и послал в газету.

Целый месяц он каждый день простаивал за ней в очереди у киоска, с трепетом развертывал пахнувшие свежей краской страницы. Его обращения не было.

Но однажды, когда тов. Черкасс уже потерял всякую надежду, его вызвали на почту и вручили два письма. Одно — из редакции с пятьюдесятью рублями, а другое — из Москвы.

Начальник отдела Министерства культуры СССР горячо благодарил Черкасса за предложение.

«Вон как хорошо вышло! — подумал Александр Евстафьевич,— но что стоило бы напечатать хоть самыми меленькими буквочками, кто высказал такое предложение?..»

Сделав еще несколько попыток напечатать в газетах свою фамилию, он наконец решил туда больше не писать, а использовать всесоюзное радио. Он то и дело слышал, как диктор объявлял: «По просьбе такого-то и такого-то передаем песню...» Значит, и его фамилия может прозвучать на всю страну!

Александр Евстафьевич припомнил две песни и послал свой заказ.

Ответ по почте пришел молниеносно: «Слушайте Ваши любимые песни. Они прозвучат 18 ноября».

Стоит ли говорить, что старик весь день просидел у репродуктора. Обе песни действительно прозвучали, но кто их заказывал, почему-то не сообщили.

Тогда Александр Евстафьевич сел и написал то странное письмо, которое я цитировал выше. Впрочем, сейчас, наверное, оно и вам не покажется таким уж странным.

В заключение мне хотелось бы добавить несколько слов.

Газеты у нас читают во всех, самых отдаленных уголках страны. Почему бы нельзя, хоть иногда, хоть «самыми меленькими буквочками», печатать крошечные сообщения: такой-то, проживающий там-то, ищет свою дочь, сестру, племянницу?.. Сколько людей и сейчас еще ищут близких, раскиданных войной!

Ведь газета может помочь в такой человеческой беде больше, чем все адресные бюро!

А пока мне хочется, чтобы этот фельетон прочитало как можно больше людей, из которых хоть один расскажет о нем Галине Петровне с девичьей фамилией Черкасс.

Распространенный еще кое-где способ заготовки кормов.

«Вы на что свиней растите: на мясо или щетину?»

Из нового альбома Е. Ведерникова «Юмор и сатира». Издательство «Советская Россия».

Авось и авоська

Авоська в хозяйстве
Всегда пригодится,
Тяжелой работы
Она не боится.
В карман ее сунешь:
Авось, по пути
Случится за чем-то
На рынок зайти!

А если авоська
Совсем не корзина,
А взрослый,
Солидный,
Семейный мужчина?
Дадут ему службу —
Потянет, авось!
А он не потянет —
Ну, просто хоть брось!
И думают
Вышестоящие лица:
Авось, обомнется,
Авось, пригодится,
Авось, на работе

Помогут Авосю,
Авось, министерство
Его перебросит,
Авось, подойдет
Сокращение штатов...
А он между тем
Получает зарплату.

Одна лишь надежда,
Что время настанет,
Авось, от Авося
Начальство устанет.
И скажет начальство:
— Работать пора,
Не хочешь работать —
Так марш со двора!

А что до авоськи —
Пусчай остается,
Авось, ей в кармане
Местечко найдется.

Ужгород.

Ф. КРИВИН

Вот это сомы!

Наш пароход подходил к причалу порта Днепропетровск. Дул ветер, и капитан И. Блюмин распорядился отдать носовой якорь. Когда якорь опустился на грунт, впереди парохода выплыла большая рыба. Ее заметили рулевой Валентин Заноздра и матрос Николай Яценко. Рыба подплыла к колесу и уперлась головой в лопасть. Заноздра попросил механика Пироженко открыть дверь, ведущую в колесный кожух. Застопорив колесо и взяв багры, механик и рулевой вошли в середину колеса. Он ударили рыбу по голове, а потом, подхватив ее багром, вытащили на палубу. Это оказался сом. Длина его — 2 метра, вес — 52 килограмма.

На другой день, возвращаясь в Киев, при подходе к тому же причалу был брошен якорь. И опять впереди парохода всплыл сом. Быстро спустив шлюпку на воду, второй помощник капитана Анатолий Жук выловил его. Длина сома оказалась 158 сантиметров, вес — 34 килограмма. Внутри сома мы обнаружили двух судаков, щуку и другую рыбу.

Ю. ГОЛОВНЕВ,
первый помощник капитана парохода «Ломоносов»

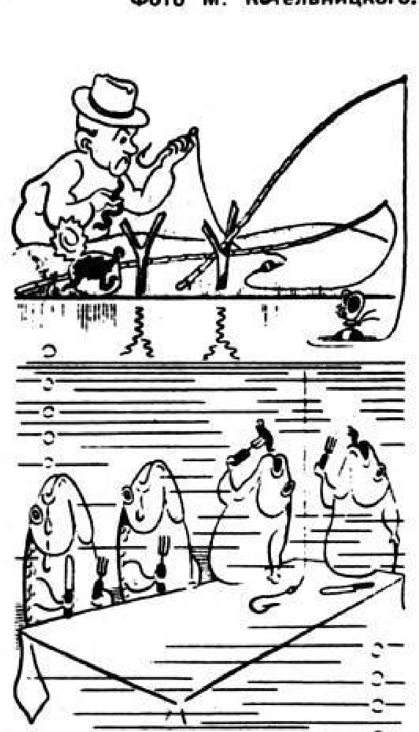
Киев.

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ — так назвали своих новорожденных дочерей-близнецов супруги Трикоз: тракторист Николай Кузьмич и доярка Нина Павловна из колхоза имени Куйбышева, Ростовской области.

На снимке: Нина Павловна с дочками-близнецами.

Фото М. Котельницкого.

Обеды на дом.
Рисунок А. Зубова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Персонаж романа Д. Дефо «Робинзон Крузо». 7. Русский ученый в области агрономии и животноводства. 9. Амплуа циркового артиста. 10. Любовь к отчизне. 12. Вид искусства. 13. Жизнеописание. 14. Письменный знак. 17. Литературный жанр. 20. Легкий водород. 21. Ядовитый гриб. 22. Специальность рабочего. 25. Квашеное топленое молоко. 26. Советский историк. 27. Метод исследования. 31. Приток Сыр-Дарьи. 32. Автор стихотворения «Смерть пионерки». 33. Стадо овец. 36. Музыкант. 37. Фотографическое изображение на пленке или стекле. 38. Поэма Н. А. Некрасова. 39. Боевые действия войск.

По вертикали:

1. Произведение Л. Н. Толстого. 2. Цветок. 3. Широко распространенный минерал. 4. Лицо, обучающее какой-либо специальности. 5. Автор популярных советских песен. 6. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 7. Союзная республика. 8. Действующий вулкан в Европе. 11. Раздел математики. 15. Ягодный кустарник. 16. Героиня пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 18. Саморазгружающийся вагон. 19. Птица. 23. Ограждение балконов, лестниц. 24. Вождь крестьянского восстания в XVII веке. 26. Жвачное животное. 28. Отдаленная молния. 29. Оружие для фехтования. 30. Город в США. 34. Русский умелец, описанный Н. С. Лесковым. 35. Дипломатический представитель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

5. Уральск. 7. Ледоруб. 9. Амга. 10. Аргентина. 11. Агин. 14. Абзац. 17. Забег. 18. Штурман. 19. Землетрясение. 20. «Портрет». 21. Сабля. 22. Рогач. 26. Штат. 28. Амариллис. 29. Тост. 30. Тромбон. 31. Андезит.

По вертикали:

1. Тромба. 2. Ялта. 3. Бона. 4. Пудинг. 6. Карп. 7. Лань. 8. Интерпретация. 12. Бандероль. 13. Шампиньон. 15. Оттенок. 16. Рассвет. 21. Сатурн. 23. Чистик. 24. Эман. 25. Нина. 27. Темп. 29. Туес.

Самец-наседка

У страусов эму яйца высиживает самец. Отец водит и выводок. После многолетнего перерыва в Московском зоопарке самец-страус эму терпеливо высидел за 52 дня трех страусят.

Ан. АНЖАНОВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

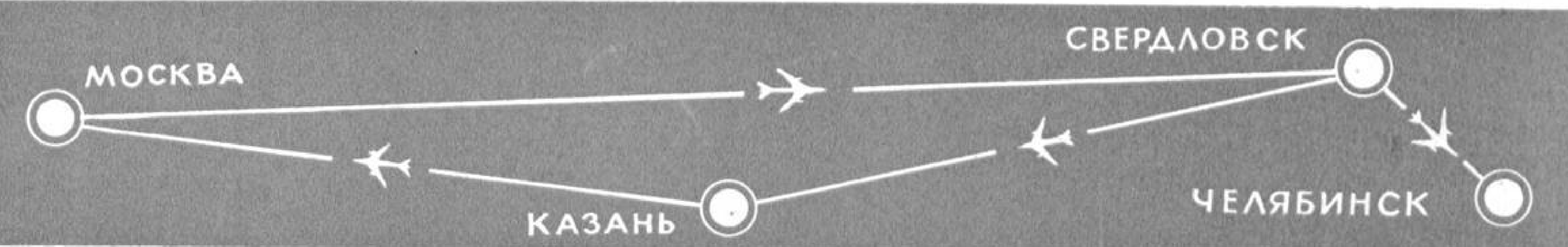
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05616. Подписано к печати 22/VII 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1155. Заказ № 1634.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды». 24.

Хорошо ли вас обслуживают

В воздухе — отлично! А на земле?..

Письмо в редакцию «Огонька»

Воздушные лайнеры, курсирующие на авиалиниях, создали много удобств для пассажиров. Но это только в воздухе. А на земле? Здесь еще много неудобств, которые приходится испытывать, пользуясь такими прекрасными самолетами, как «ТУ-104» или «ИЛ-18».

В Киевском агентстве «Аэрофлота» я купил билет в Москву на 5 мая. В билете было указано: время отправления — 12 часов 05 минут. Прибыли мы с женой на аэродром за полчаса до отправления самолета. Погода хорошая. Вот уже 12 часов, 13... 14... А самолета все нет! Подали его в 15 часов 30 минут.

Время ожидания самолета было сплошной трепкой нервов. Несколько раз нас вызывали к кассе, протолкнуться к которой невозможно: толчея, давка. От женщины, сидевшей в кассе, мы никакой точной информации получить не могли. Потом оказалось, что вызывали нас к кассе понапрасну.

Вообще я бы сказал так: все удобства авиатранспорта пассажир начинает ощущать только в полете. А на земле? Здесь, в аэропортах, мало кто заботится о культуре обслуживания пассажиров. Я это наблюдал не только в Киеве, но и в других аэропортах на линии Москва — Хабаровск.

И. СЕЛЕЗНЕВ

Получив письмо И. Селезнева, мы отправили в «авиапутешествие» наших корреспондентов — художников Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ. Вот что они увидели.

1
Наш полет до Свердловска на самолете «ТУ-104В» должен был занять всего 1 час 55 минут, но оформление билетов в Московской городской кассе заняло целый час. Да это и понятно...

Таков билет, и таково его оформление...

2
Пока авиапассажир взвесит, оплатит и сдаст свой багаж, приходится ему носиться с ним, как...

...с писаной торбой.

3
Маленькому транзитному пассажиру плохо пришлось в Свердловском аэропорту, потому что ни в буфете, ни в ресторане в продаже нет молока. Вот как выглядит..

...спрос и предложение.

4
Хотя самолеты в Свердловск прилетают днем и ночью, автобусы в город ходят только с 4.05 утра (какая точность!) до 9 часов вечера. Поэтому...

...пока автобус спит, бодрствуют пассажиры.

5
Мы прилетели на «ИЛе» в Челябинск в дождливую погоду. И вот каким грустным был наш спуск...

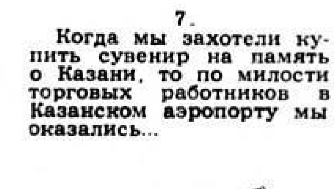
...с облаков на землю.

6
В Челябинском аэропорту 43-е отделение связи работает только днем, и если вы хотите сообщить о своем благополучном прибытии, то мы предлагаем вам...

...единственный способ подачи телеграмм.

7
Когда мы захотели купить сувенир на память о Казани, то по милости торговых работников в Казанском аэропорту мы оказались...

...среди стада слонов.

Цена номера 3 руб.